71:04-22/25

Уральский государственный университет
им. А.М. Горького

На правах рукописи

Орлов Сергей Борисович

Интеллигенция как явление социальной мифологии: историко-социологический анализ

22.00.01 – теория, методология и история социологии

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Президиум ВАК России
(решение от "18" 04 1993 г., № 309/5
присудил ученую степень ДОКТОРА
Начальник управления ВАК России

Научный консультант –
доктор философских наук,
профессор Баразгова Е.С.

Екатеринбург - 2002

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ВВЕДЕНИЕ С. 3

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ КАК ИММАНЕНТНЫЙ АТРИБУТ СИСТЕМЫ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§1. Признаки, разновидности, формы и средства функционирования мифа в обществе С.18

§2. Бюрократия как субъект властных отношений С.51

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МИФОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ

§1. Этапы развития субъекта статического мифа власти - бюрократического аппарата самодержавия С.72

§2.Возникновение субъектов динамического мифа и их сущность С.105

ГЛАВА 3. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

§1. Формирование и укоренение мифологической парадигмы взглядов на интеллигенцию в российском обществе второй половины XIX – начала XX века С.119

§2. Попытки демифологизации: концепции интеллигенции как разновидности бюрократии С.147

§3. Специфика функционирования мифологемы «интеллигенция» в Советской России С.166

ЗАКЛЮЧЕНИЕ С.184

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ С.202

Введение.

Актуальность темы исследования.

Россия была и остается государством, в котором институты и субъекты власти всегда доминировали над остальным обществом, создавая для него и за него совокупность социальных норм во всех сферах жизнедеятельности.

Кроме того, правящий режим должен был постоянно поддерживать свой образ как единственной легитимной силы, консолидирующей и стабилизирующей государство.

С другой стороны, российское общество состояло из социальных групп различной степени политической активности. Среди них были и те, которые, не желая быть ***объектом*** воздействия со стороны власти, стремились стать главным ***субъектом*** политического действия и в противовес ей разрабатывали и внедряли в жизнь альтернативные социальные нормы. Составной частью этой деятельности являлось создание позитивного образа данной группы путем априорной и аффективной ее самооценки и приписывания ей ряда номинативных признаков, позволяющих характеризовать легитимизирующуюся группу в качестве наиболее передовой и организованной части общества.

Это обусловило возникновение системы взглядов, исходящих из иррациональной, внелогической сферы сознания, и лишь частично отражающих действительность, однако функционирующих в качестве научных парадигм. Такого рода система взглядов получила название «социальной мифологии».

По мнению исследователей, занимавшихся ее изучением, социальная мифология есть неотъемлемый атрибут человеческого существования. Так, Н.А. Бердяев в свое время отмечал, что в основании общества всегда лежат социальные мифы, без них не могут существовать народы.

Любой тип власти, по его мнению, имеет свои разновидности социальной мифологии – существуют мифы либеральные, демократические, социалистические, монархические, фашистские и другие. В основу каждого из них положен определенный набор мифологем: так, главной составляющей социалистического мифа является мифологема пролетариата, как класса-спасителя, класса-мессии.[1]

Социальная ткань современного российского общества пронизана целой системой социальных и политических мифов, одни из которых давно укоренились в сознании граждан, а другие только пробивают себе дорогу. В целом манипуляции общественным сознанием с помощью социальной мифологии, внедряемой средствами массовой информации, социальными технологиями, политической рекламой и т.д., приобрели тотальный характер.

Поэтому всестороннее исследование комплекса проблем, связанных с социальной мифологией – анализ исторического происхождения и развития мифологем, типология основополагающих мифов, выявление субъектов мифотворчества и целый ряд других вопросов, - нам представляется весьма актуальной задачей.

Ее решение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку знание законов функционирования социальной мифологии, основных признаков мифа, его разновидностей, выявление субъектов мифотворчества, позволит точнее определить совокупность реальных политических сил, их потенциальных возможностей и вектора устремления, а следовательно, конкретизировать развитие российского общества.

В рамках данной работы мы исследуем мифологему, прочно укорененную как в научном, так и в массовом сознании, и являющуюся, по нашему мнению ключевой для понимания специфики функционирования социальной мифологии в России – мифологему «интеллигенция».

---

[1] См.: Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря. М.: 1995. – С. 67.

На первый взгляд, реальность существования интеллигенции не вызывает особых сомнений, поскольку данное понятие является общепринятым и широко употребляется в различных областях гуманитарного знания. Выделение интеллигенции в особую социальную группу производится по нескольким традиционным критериям.

Первый из них в качестве главного признака называет высокий *профессионально-образовательный ценз* («образованный класс», «группа экспертов», «интеллектуальная элита», «лица, профессионально занимающиеся умственным трудом» и т.д.).

Второй критерий определяет интеллигенцию с помощью *морально-этических категорий* – «совесть общества», «его лучшая часть», «особый духовный орден».

Третий синтезирует предыдущие: интеллигенция – это группа высокообразованных людей, обладающих честью, достоинством, порядочностью, милосердием, и сохраняющих высоты культуры перед лицом торжествующей бюрократии и полуобразованной массы.

Однако при более пристальном изучении эти критерии представляются нам недостаточно обоснованными.

Образованность сама по себе является конституирующим признаком, который характеризует степень профессиональной пригодности личности. Поэтому нет необходимости достраивании «признака над признаком» - не существует профессии «интеллигент», равно как «инженер-интеллигент» или «слесарь-интеллигент».

Что касается определения интеллигенции с помощью морально-этического критерия, то в данном случае объективность в оценке вообще отсутствует – это выражение субъективного и зачастую сиюминутного мнения определяющего.

Таким образом, следует констатировать, что вопрос о сущности понятия «интеллигенция» и о причинах его возникновения остается открытым.

В связи с этим актуальным становится выработка новых подходов к ее изучению. Наиболее плодотворной нам представляется методология, изучающая интеллигенцию как явление социальной мифологии. Она позволяет выйти за рамки классового или аксиологического критерия, определить, является ли искомый термин теоретическим артефактом или имеет основания в структуре общества, выявить субъект мифотворчества и скоррелировать его с исследуемым нами явлением, а также рассмотреть развитие мифологемы «интеллигенция» в историческом пространстве.

Выявление субъекта, использующего данную мифологему, позволит определить его реальную суть как исторического субъекта действия;(им, по нашему мнению, в России всегда являлась бюрократия в различных ипостасях – дворянской, чиновничьей, политической и т.д.). При этом рассмотрение специфики ее функционирования имеет не только историческое или теоретическое, но и прикладное значение, поскольку только точное знание всех социальных групп, их потенциальных возможностей и вектора устремления, позволит выявить перспективы развития российского общества и, соответственно, пути выхода из того состояния, в котором оно сегодня пребывает.

Итак, актуальность выбранной нами темы исследования обусловлена, во-первых, все возрастающим влиянием социальной мифологии на общество, с одной стороны, и недостаточной степенью ее исследованности, с другой;

Во-вторых, объективной потребностью общества в идентификации ряда социальных явлений (в том числе – интеллигенции) как реальных или мифологических с целью адекватной оценки его социальной структуры.

В-третьих, необходимостью раскрытия на основе данной идентификации субъекта мифотворчества и рассмотрения его как субъекта политического действия.

Степень научной разработанности темы.

В настоящее время на базе отечественной и зарубежной философской, социологической, исторической и культурологической наук сложилась целая субдисциплина – «интеллигентоведение», изучающая различные аспекты данной проблемы.

Ее возникновение было обусловлено первыми попытками осмысления этого явления начиная с 70-х годов XIX в. теоретиками народничества – Я.В. Абрамовым, В.П. Воронцовым, Ф. Денисенко, Б.В. Добрыниным, Н.Н. Златовратским, С.Я. Елпатьевским, Р. Ивановым-Разумником, С.Н. Кривенко, П.Л. Лавровым, Н.К. Михайловским, А.А. Николаевым, В.Н. Одноблюдовым, А.В. Пешехоновым, А.П. Смирнягиным, П.Н. Ткачевым, М.М. Филипповым, П.П. Червинским, Н.А. Шелгуновым, А.Н. Энгельгардтом и др., выделявшими интеллигенцию в особую социальную группу в соответствии с социально-этическим критерием и считавшими ее частью народа, взявшей на себя социальную функцию общественного самосознания от имени и во имя всего народа.

В 90-е годы к проблеме интеллигенции обратились исследователи, придерживавшиеся марксистских взглядов – М. Белорусс, Д. Зайцев, П.С. Коган, П. Лафарг, В. Лункевич, М. Мандельштам, М. Мауренбрехер, Д.Б. Рязанов, В. Шулятиков и др.

Их воззрения стали составной частью концепции интеллигенции, предложенной Г.В. Плехановым, В.И. Лениным и его соратниками – В. Воровским, П.И. Лебедевым-Полянским, А.В. Луначарским, Л.Д. Троцким и т.д., трактовавшими интеллигенцию как социальную прослойку, принадлежащую к различным классам общества, то есть в соответствии с социально-классовым критерием.

В это же время тема интеллигенции осмысливалась в публицистике писателями И.С. Аксаковым, А.И. Герценом, П.Д. Боборыкиным (которому ошибочно приписывают авторство этого термина), И.С. Тургеневым, историками Е. Летковой, В.О. Ключевским и др.

К ней обращаются ученые и так называемого «либерального» направления – К.К. Арсеньев, Н.А. Гредескул, А. Кизеветтер, М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, Л. Оболенский, Д.И. Овсянико-Куликовский, И.И. Петрункевич, Л.А. Полонский, И.А. Славинский, М.Н. Туган-Барановский, а также «либерально-религиозного» - В.В. Зеньковский, Д.С. Мережковский и др.

Все указанные выше авторы, при несходстве (а иногда и противоположности) их политических взглядов, рассматривали интеллигенцию как реально существующую социальную группу, часть общества в целом или часть определенного класса.

Несколько иной была «консервативная» точка зрения, основа которой была заложена в работах К.Н. Леонтьева, а затем развита Л.А. Тихомировым, Н.М. Соколовым, С.Н. Сыромятниковым. Они считали интеллигенцию явлением, принципиально чуждым и даже враждебным русскому народу, обществу и государству.

Более конкретную форму эта точка зрения получила в виде концепции интеллигенции как исторически обусловленной формы бюрократии, разработанной в трудах ученого-народника И.И. Каблица и солидаризовавшихся с ним С.А. Венгерова, О.Ф. Миллера, Б.В. Назаревского, социал-демократов К. Каутского, Л.Н. Потресова, идеологов анархизма Я.В. Махайского и Е.И. Лозинского, писателя А.П. Чехова, кадета А.С. Изгоева. В целостной и концептуальной форме эти взгляды нашли свое выражение в сборнике «Вехи», в который были включены работы Н.А. Бердяева, Н.А. Булгакова, М.О. Гершензона, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка и А.С. Изгоева.

С победой Октябрьской революции возобладала точка зрения В.И. Ленина. Работы Н. Батурина, Л. Войтоловского, С.Я. Вольфсона, В.В. Воровского, А.К. Гастева, Б.И. Горева, В. Керженцева, Е.С. Коц, А. Оранского, В. Полянского, М.А. Рейснера и др., написанные в 1920-х годах, изучали интеллигенцию уже в рамках ленинской концепции интеллигенции как междуклассовой прослойки общества. Она была развита и завершена в трудах И.В. Сталина, впервые в истории став частью государственной концепции социальной структуры российского общества. С начала 30-х и вплоть до начала 60-х годов в СССР издавались работы только популяризаторского, разъясняющего характера – книги и статьи В. Ведерникова, Б. Волина, С. Кафтанова, М.И. Калинина, С.М. Ковалева, Ф. Константинова, М. Процько, Л. Сыркина, Л. Тандита, Ем. Ярославского и др.

В противовес официальной советской точке зрения уже с начала 20-х годов появляются труды ученых-эмигрантов – сборник «Из глубины», являющийся продолжением «Вех» и наполовину состоящий из статей их авторов, И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова, «сменовеховцев» и др.

С начала 60-х годов в нашей стране данная тематика вновь стала привлекать исследователей. Выпушенный в конце 70-х годов библиографический указатель «Советская интеллигенция. Советская историческая и философская литература за 1968-1978 годы» содержал 1995 позиций.

Подавляющее большинство этих работ носило общетеоретический характер и трактовало интеллигенцию в соответствии с уже имеющимися критериями – социально-классовым, социально-профессиональным и социально-этическим, споря лишь о том, какой критерий должен быть выбран в качестве основного.

В контексте нашего исследования наибольший интерес вызывают работы Л. А. Булгаковой, Б.П. Балуева, Л.К. Ерман, М.Д. Курмачевой, В.Р.

Лейкиной-Свирской, Н.М. Пирумовой, С.А. Федюнина, С.И. Хасановой, М.М. Штранге, посвященные истории становления различных профессиональных групп, объединенных понятием «интеллигенция».

Кроме того, проблему интеллигенции затрагивали ученые, изучавшие различные аспекты духовной жизни российского общества, основ его правового функционирования, формирования его социальной структуры, маргинализации – С.С. Алексеев, Ю.Р. Вишневский, З.Т. Голенкова, Е.В. Грунт, Т.И. Заславская, Е.Д. Игитханян, Л.Г. Ионин, А.В. Меренков, Г.П. Орлов, Л.Л. Рыбцова, Е.Н. Стариков, А. Хорос, В.Т. Шапко и целый ряд других исследователей.

Во второй половине 80-х – 90-х годах продолжает преобладать традиционная точка зрения, представленная В. Аксючицем, Э.М. Андреевым, А.С. Ахиезером, А.В. Бакуниным, С.И. Барзиловым, И.А. Бутенко, М.Е. Главацким, Л. Гудковым, Ю. Давыдовым, С.Г. Кириленко, Л.Н. Коганом, А.М. Подберезкиным, Т.В. Наумовой, Л.Я. Рубиной, М.Н. Руткевичем, Л.Я. Смеляковым, В.Л. Соскиным, С.Г. Чаплыгиной, Г.К. Чернявской, Н. И. Яковенко и др.

Однако появляется и альтернативные мнения. Как разновидность бюрократии рассматривают интеллигенцию Е.С. Баразгова и О.В. Шабурова, Д.А. Ванюков, С.В. Ковалева, В.Ф. Кормер, Л. Люкс, Ю. Пивоваров, А.Н. Севастьянов, Л.Г. Фишман. И.П. Попова считает интеллигенцию маргинальным слоем общества. А.А. Галкин, Ю.Л. Качанов, Э.В. Клопов обращают внимание на мифологизированный характер теории социальной структуры российского общества. Наконец, И. Дичев, К.В. Киселев, Р.В. Рывкина, а также К.Б. Соколов предприняли первые попытки исследования интеллигенции как мифа.

Таким образом, несмотря на огромное количество исследований по данной тематике, проблема раскрытия сущности понятия «интеллигенция», еще далека от разрешения прежде всего из-за отсутствия методологии

изучения интеллигенции как явления мифологии. Для ее разработки мы обратились к работам, исследующим различные аспекты мифа, его цель, признаки и функции в обществе.

Прежде всего это труды В. Вундта, В.Б. Иорданского, Л. Леви-Брюля, Б. Малиновского, М. Мюллера, Платона, С.А. Токарева, Э. Тэйлора, Дж. Фрезера, анализирующие миф и его проявления в современном обществе с позиций представляемых ими школ – сравнительной, этимологической, психологической. Внутренняя структура мифа, закономерности развития и его взаимосвязь с другими формами общественного сознания – идеологией и утопией, - изучаются в работах Е. Анчел, Р. Барта, Р. Бультмана, М. Вебера, Дж. Вико, Г.Г. Гадамера, К. Леви-Строса, Ф. Ницще, З. Фрейда, К. Хюбнера, М. Элиаде, К.Г. Юнга, а также отечественных авторов – М.М. Бахтина, Я.Э. Голосовкера, П.С. Гуревича, М.А. Лившица, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, В.М. Найдыша, В.Я. Проппа, И.И. Стеблин-Каменского, О.М. Фрейденберг, Е. Шацкого и др.

Особый интерес представляют работы авторов, исследующих политический миф – Г. Лебона, Э. Кассирера, К. Мангейма, К. Маркса, С. Московичи, Ж. Сореля, Г. Тарда, а также П.С. Гуревича, В.Н. Живова, Г.С. Кнабе, А. Кольева, А.А. Левандовского, С. Лезова, А. Лобка, В.С. Полосина.

Поскольку, по нашему мнению, под понятием «интеллигенция» скрывается мифологизированная разновидность бюрократии, в диссертации рассмотрены ее теоретические концепции, разработанные Р.Г. Апресяном, Н.А. Бердяевым, В.А. Блюмкиным, М. Вебером, Г.В.Ф. Гегелем, М. Крозье, К. Мангеймом, К. Марксом, Л. Мизесом, Ф.Р. Риггсом. Кроме того, для доказательства исторической обусловленности данного явления мы обратились к работам отечественных и зарубежных историков, изучающих различные аспекты развития самодержавия в России и его бюрократического аппарата – А.С. Ахиезера, Х. Баггера, М.М. Богословского, Н.Ф. Демидовой, Н.П. Ерошкина, П.А. Зайончковского, В.О. Ключевского, С.В. Мироненко,

Б.Н. Миронова, В.П. Муравьева, Р. Пайпса, А.П. Страхова, П.Б. Струве, С.М. Троицкого, Г.П. Федотова, П.Я. Чаадаева, Л.В. Черепнина, П.П. Чернышева и Д.В. Чернышевского, В.Л. Янина и др.

Наконец, при анализе политических субъектов действия автор обращался к работам В.Ф. Асмуса, Ю.А. Ермакова, И.В. Кондакова, С. Коэна, В.Р. Лейкиной-Свирской, Ю.О. Мартова, А.В. Иванова и И.А. Остаркова, А.С. Панарина, В.Н. Руденко, В.В. Скоробогацкого, Р. Такера и др.

Цели и задачи исследования.

Диссертант ставит своей целью доказать, что понятие «интеллигенция», которое в традиционной парадигме теории социальной структуры российского общества и в массовом сознании обозначает реально существующую и активно функционирующую социальную группу, является политической мифологемой, возникновение и укоренение которой в обществе обусловлено закономерностями развития социальной мифологии и потребностями субъектов мифотворчества – разновидностями политической бюрократии, стремящейся к власти, - в позитивной идентификации.

В соответствии с указанной целью в диссертации ставятся следующие задачи:

- выработка методологии исследования интеллигенции как мифологического явления, включающая, во-первых, определение признаков и разновидностей политического мифа, а также его форм и средств проявления в обществе; во-вторых, определение типов бюрократии и особенностей ее функционирования как самостоятельного социального слоя, осознающего свои цели в обществе и создающего для их реализации соответствующие формы социальной мифологии;
- выявление на основе социально-исторического анализа этапов становления российской бюрократии и присущих им мифологем, а также преемственности данных этапов по отношению друг к другу;

- определение субъекта мифотворчества понятия «интеллигенция» и доказательство обусловленности его появления особенностями политической жизни России 30-х-40-х гг. XIX в.;
- анализ этимологии понятия «интеллигенция», и установление основных критериев ее выделения в особую социальную группу;
- обоснование диалектики превращения единичной мифологемы «интеллигенция» в сложное социальное явление, развитие которого обусловлено борьбой за власть, и обладающее набором признаков, позволяющих трактовать его как целостный политический миф;
- раскрытие сути «концепций-предупреждений», рассматривавших интеллигенцию как исторически закономерно возникший, мифологизированный тип бюрократии – корпоративно-политический;
- определение инвариантов данного мифа в зависимости от политического режима.

Научная новизна исследования.

В диссертация впервые концептуально исследована интеллигенция как политическая мифологема, возникновение которой было закономерным этапом развития российской бюрократии, являющейся субъектом действия, имеющим собственные политические интересы, и с помощью социальной мифологии претворяющим их в жизнь;

- разработана методология исследования социальных явлений как мифологических, включающая в себя выявление основных признаков мифа, его разновидностей, а также форм и средств внедрения в общество. Она позволила установить, что:
- миф есть один из способов формирования реальности;
- любой миф может быть использован в интересах определенных политических сил, приобретая тем самым политический характер;

- политический миф имеет статическую (направленную на удержание власти) и динамическую (направленную на завоевание власти) разновидности;
- политический миф антикаузален, поскольку в его содержании доминируют аффекты и эмоции;
- псевдокаулизация мифа происходит путем объединения разрозненных мифологем в единую концепцию и тем самым придания ему формы научности;
- совокупность мифологем, объединенная в единую концепцию, проявляется в обществе в виде идеологии;
- средствами внедрения и укоренения политического мифа в обществе являются прежде всего средства массовой информации;
- миф имеет особый полифункциональный язык, используемый в зависимости от интересов того или иного субъекта действия;
- миф сохраняет свою оболочку (т.е. наименование) даже при радикальном изменении его содержания;
- политический миф ограничен рамками только одного государства (или группы государств);
- политический миф ограничен также временными рамками;
- политический миф приобретает мощную силу влияния в обществе в переломные моменты его истории;
- политический миф всегда имеет конкретного «заказчика» субъекта мифотворчества, использующего его для достижения определенных целей;
- рассмотрены особенности становления субъекта мифотворчества – маргинального разночинского слоя, и обусловленность его развития политической ситуацией, сложившейся в России в 30-е – 40-е гг. XIX в.;
- изучена этимология термина «интеллигенция», имеющего литературное происхождение и расплывчатое толкование;

- показан процесс освоения данного термина политическими группировками с целью позитивной самоидентификации в обществе и наделение его рядом признаков в соответствии с предложенным критерием: у народников – социально-этическим, у марксистов – социально-классовым;
- доказано, что марксистский критерий выделения интеллигенции в особую социальную группу по социально–классовому признаку как прослойки, относящейся к различным классам, является разновидностью народнического критерия, только «лучшая часть общества» сужается до размеров «лучшей части класса»;
- установлено, что в силу специфики государственного устройства Российской Империи реальным субъектом политического действия и основой будущего государственного аппарата могла стать только партия, копирующая приемы и методы чиновничьей бюрократии – железную дисциплину, замкнутость организации, иерархическую лестницу внутри нее, принцип централизма в управлении, наличие «ядра», то есть профессиональных революционеров, а также идеологии, понятной и привлекательной для масс. Именно такой была партия, созданная В.И. Лениным;
- изучены «концепции-предупреждения», авторы которых рассматривали интеллигенцию как качественно новую разновидность бюрократии, враждебную российскому народу и государству; при этом некоторые из них (в частности, соавторы сборника «Вехи») исходили из реального опыта «хождения интеллигенции во власть» - из опыта революции 1905-1907 гг., считая, что, несмотря на различие политических позиций, интеллигенция есть единый и целостный феномен народничества;
- рассмотрен процесс трансформации мифа об интеллигенции в условиях инновационной формы партийного правления – от редукции в первые

годы советской власти до абсолютной мифологии социальной структуры, начиная с 30-х гг. XX в.

Практическая значимость исследования.

Методология, предложенная в данной диссертации, может быть использована для дальнейшего изучения социальных слоев российского общества, демифологизации многих устоявшихся догм, и, соответственно, для получения более реальной информации о процессах, происходящих в социуме, принятия правильных управленческих решений, и в конечном итоге, для выработки долгосрочной стратегии развития.

Кроме того, данная работа может быть использована для разработки и чтения спецкурсов по проблемам социальной структуры, политической мифологии, различным аспектам культурологии.

Определение реального субъекта политического действия позволит многим политическим группировкам точнее корректировать свою тактику в условиях многопартийности.

Наконец, демифологизация устарелой теории позволит выработать новую идеологию, более соответствующую нуждам и реалиям современного российского общества.

Апробация работы.

По данной и смежной тематике автором опубликовано около 40 печатных работ общим объемом более 20 печатных листов, в том числе концептуальная статья «Интеллигенция как мифологический феномен: историко-социологический анализ», опубликованная в журнале «Социологические исследования» (№ 11 за 2001 год), а также монография «Политическая мифология в России: Опыт концептуального анализа мифа об интеллигенции (Барнаул, АлтГТУ, 2002 год). Взгляды автора были изложены в докладах на целом ряде конференций, посвященных проблемам интеллигенции. За последние 5 лет из них можно выделить следующие: Международная конференция «Обновление содержания и инновационные

методы преподавания гуманитарных наук». – Тула. 1997 г.; Всероссийская конференция «Интеллигенция России в конце XX в.: система духовных ценностей в исторической динамике». – Екатеринбург. 1997 г.; Всероссийская конференция «Интеллигенция и проблема формирования гражданского общества в России». – Екатеринбург. 1998 г.; Всероссийская конференция «Интеллигенция России в истории XX в.: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи». – Екатеринбург. 1998 г.; Международная конференция «Российская интеллигенция: критика исторического опыта». – Екатеринбург. 2001 г. Кроме того, данная работа неоднократно обсуждалась на кафедре политологии и социологии ИПК МГУ, а также на кафедре теории и истории социологии факультета политологии и социологии УрГУ.

Структура и объем работы.

Диссертация состоит из трех глав, введения, заключения и списка использованной литературы, содержащей 257 наименований.

Глава 1. Социальный миф как имманентный атрибут системы властных отношений

§ 1. Признаки, разновидности, формы и средства функционирования мифа в обществе

В современном урбанизированном и внешне рациональном обществе миф представляется наследием давно преодоленного прошлого. Это понятие эксплуатируется публицистикой и используется в массовом сознании для противопоставления науке, точному знанию, основанному на логике, доказательстве и объективности: говоря «миф», мы подразумеваем оторванность той или иной интеллектуальной конструкции от жизни. В этой связи один из исследователей мифа, Е. М. Мелетинский, категорично отмечает: «Мифология как форма общественного сознания, появление и господство которой было связано с определенным уровнем развития производства и духовной культуры, как ступень сознания, предшествующая научному мышлению, исторически изжила себя. Поэтому попытки апологетики и возрождения мифа как действующей системы в современном обществе несостоятельны».[1]

С другой стороны, начиная со второй половины XIX в. и по настоящее время интерес к мифу как определенной форме освоения действительности и особенно как к инструменту преобразования этой действительности со стороны ученых и политиков постоянно возрастает. Это вызвано, во-первых, тем, что при анализе причин экономического и культурного отставания ряда стран обнаруживается не только отсутствие свободного капитала и квалифицированных кадров, а нечто способное к активному и гибкому сопротивлению инокультурным влияниям и подчинению их своим интересам – мифологический образ мысли. Как

[1] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - М.,1976. - С.16.

считает М.К. Петров, мифология - это универсальный тип мировоззрения для традиционалистских обществ, где свои особые представления о способах записи и хранения знания как общественной ценности, а также о механизмах его пополнения и обновления.[2]

По мнению А. Дугина, традиционное общество руководствуется не логикой рационального, верифицированного, детерминистского, механистического подхода, но особым, целостным взглядом на взаимосвязь основных процессов, на системы ценностных приоритетов – логикой мифа, где духовные и эмоциональные уровни важнее инструментально-материальной, узко рассудочной сферы.[3]

Н.А. Бердяев считал, что миф – это не единичное явление, возникающее в какой-то локальной сфере общества, но неотъемлемая принадлежность любой, даже самой развитой цивилизации: «В рационализированной и механизированной цивилизации мифы продолжают играть огромную роль».[4]

Во-вторых, многие ученые в последнее время сталкиваются с проблемой невозможности использования традиционной методологии исследования, поскольку целый ряд явлений не поддается продуктивному анализу в рамках формальной научной логики. Однако эта проблема разрешается при анализе их как явлений мифологических. Для этого, по мнению А.Ф. Лосева, необходимо стать на точку зрения самой мифологии, поскольку миф - это форма освоения действительности, сходная с философской, обращенная к основам бытия и имеющая внутренние мотивы к саморазвитию: « в мифе бытие зацветает своим последним осмыслением; и мифом сознательно или бессознательно руководится всякая мысль, в том числе и философская...». Философия, согласно А.Ф. Лосеву, «...только и заключается в осознании этого мифа и переводе его в образ мысли. Если мы

---

[2] Петров М.К. Научно-техническая революция и миф // Вопросы философии. – 1994. - № 2. – С.121.
[3] См.: Дугин А. Новый Вавилон// Завтра. – 2000. - № 43.
[4] Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря. М.: 1995.- с. 98.

сумеем обрисовать этот изначальный пра-миф, пра-символ данной философии, мы поймем в ней такое, чего не может дать никакая логика и что сразу предопределит собою все внелогические, а, следовательно, и типологические особенности данного философствования».[5]

По сути, А.Ф. Лосев предлагал создание методологии познания, отличной от той, которая принята в современной рационалистической науке.

К. Хюбнер указывал, что если миф понимать антиологически, то есть как форму причинного объяснения в научном смысле, то должно казаться совершенно непонятным, как он вообще мог восприниматься убедительно и осмысленно. Если же переключиться на то измерение реальности, которое миф стремится отразить, то он становится понятным как совершенно иная по сравнению с наукой форма мышления и выражения, а именно такая, которую следует изучать так же, как незнакомый язык.[6]

Наконец, в третьих, миф, по мнению С.В. Ольховиковой и других ученых, не просто существует в неизменном виде, но проходит определенные стадии модернизации, постоянно модифицируясь в культуре и политике.[7]

К. Хюбнер распространяет влияние социальной мифологии на все мировое сообщество, считая, что различные виды мифов продолжают существовать и развиваться в современном мире.[8]

М. Элиаде в этой связи отмечал, что понадобилась бы целая отдельная книга, чтобы описать мифы современного человека, скрытую мифологию в милых его сердцу зрелищах.[9]

Содержание и специфика конкретного мифа зависит от особенностей социальной организации общества и менталитета народа. Так, для государств, входящих в «большую семерку», характерен миф демократии,

---

[5] Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: 1993.- С.674-675.
[6] См.: Хюбнер К. Истина мифа. - М.: 1996 - С.71.
[7] См.: Ольховикова С.В. Современная мифология. Проблема инварианта и его вариативных воплощений. Дис. канд. филос. наук. – Екатеринбург, 1994.- С.17.
[8] См.: Хюбнер К. Указ. соч. - С. 6.
[9] См. Элиаде М. Священное и мирское. - М., 1994. - С.127.

модифицирующийся в каждой стране по разному: например, его воплощением в США является «американская мечта».

Россия в этом плане не представляет собой исключения: в нашем обществе постоянно возникают, развиваются, соперничают и отмирают многочисленные социальные мифы, существование которых обусловлено особенностями истории, а также русского национального характера.

Можно выделить ряд основополагающих мифов, глубоко укорененных в сознании. Прежде всего это ***миф о власти***, понимаемой не как механизм управления, но как некая сакральная, положительная или отрицательная сила, обязательно персонифицируемая либо в отдельном человеке – герое или антигерое-«царь-антихрист» Петр I, царь-мученик Николай II (но он же «Николай Кровавый»), «самый человечный человек» В.И. Ленин, Ельцин, который разъезжает на стареньком «Москвиче», либо в социальном институте (государство, партия, мафия и т.д.). При этом в оценке власти обязательно присутствует аксиологический оттенок.

Следующий миф, тесно связанный с первым, антикаузальный ***миф о «чудесном спасении»*** либо с помощью силы, противостоящей государственной власти – декабристов, интеллигентов, несгибаемых большевиков, демократических реформаторов – либо с помощью самой власти – «окно в Европу» Петра I, «десять сталинских ударов» или «двенадцать главных дел Черномырдина», программа «500 дней» и ряд других мифологем.

С мифом о власти связан также ***«миф врага»*** - негативной силы, всегда внешней по отношению к субъекту мифотворчества. Это «немцы, опоившие Петра I», масоны, совершившие Октябрьскую революцию, недобитый классовый враг, а в настоящее время – «партократы», «административно-командная система», «красно-коричневые противники демократических реформ».

Однако все перечисленные выше мифы, по нашему мнению, являются более частными мифологемами по отношению к основополагающему мифу России – ***мифу народничества***, проявляющемуся либо в народопоклонстве, либо в народофобии.

В первом случае народ-богоносец мудр и всеведущ, и надо только узнавать его желания, а затем претворять их в жизнь.

Во втором случае все прошлые, нынешние и будущие беды России объявляются следствием дурного характера русского народа, в силу чего любые позитивные начинания, проводимые с опорой на народ, обречены на провал. Поэтому для успеха реформ России не стоит обращать внимание на нужды народа – необходимо выполнять требования только аристократии, либо интеллигенции, либо коммунистической партии, либо либеральной элиты.

Один из идеологов этой либеральной элиты, Г. Померанц, в целом ряде своих философских эссе утверждал, что «...любовь к народу гораздо опаснее, чем любовь к животным: никакого порога, мешающего встать на четвереньки, здесь нет». Вообще, по его мнению, весь старый народ подлежит замене, и новым избранным народом становятся люди творческого умственного труда (и, соответственно, сторонники идей Г. Померанца).[10]

И в том, и в другом варианте подразумевается создание или существование определенной социальной группы, либо непосредственно транслирующей и затем исполняющей требования народа, либо лучше народа знающей его нужды и поэтому объективно пекущейся об его благе.

Это означает наличие еще одного мифа – ***мифа идентификации***. В России, где происходили и происходят социокультурные кризисы, человек может оказаться выброшенным из привычной социальной среды, маргинализуясь и стремясь как можно скорее стать членом другой, пусть иллюзорной общности, и найти опору в идентификации с данной группой.

---

[10] Цит. по: Солженицын А.И. Образованщина //Русская интеллигенция. История и судьба. - М.:1999. - С.140.

Кроме того, человек, не удовлетворенный имеющимся социальным статусом, с помощью мифа идентификации может резко повысить его, сам создавая иллюзорные общности.

Зачастую в этом ему помогает государство, сознательно выстраивая необходимые ему структуры. Так было в эпоху Петра I, когда искусственно формировалась социальная структура, продолжилось в эпоху Александра II, и вновь повторилось после революции 1917 года, когда возникла триада «рабочий класс – крестьянство - интеллигенция».

В контексте нашего исследования, особый интерес представляет одна из составных мифологем данной триады – интеллигенция, сама являющаяся сложным целостным мифом, имеющим свою историю и этапы развития.

Данная мифологема с момента своего возникновения использовалась всеми без исключения группировками России для обоснования их притязания на власть, меняя свое содержание в зависимости от требования мифотворчества, постоянно достраиваясь в содержательном плане, включая в себя все новые признаки мифа, и глубоко укореняясь как в научном, так и в обыденном сознании.

Как отмечал Ю.С. Степанов, интеллигенция – это понятие не столько логически осмысляемое, сколько эмоционально переживаемое. Поэтому она определяется не по существенным, объективным признакам, но по признакам привходящим, изменчивым, значимым только в течение достаточно короткого периода времени. [11]

Поэтому исследование данной мифологемы с необходимостью требует выявления признаков, разновидностей, форм и средств функционирования мифа в обществе, а также степени его соответствия реальности. Кроме того, обязательным представляется установление субъектов мифотворчества и объектов мифовосприятия.

---

[11] См.: Степанов Ю.С. «Жрец» нарекись и знаменуйся: «Жертва».// Русская интеллигенция. - С.15.

Сложность решения этих задач обусловлена отсутствием единой и целостной теории мифа. Поэтому методологически оправданным нам представляется реконструкция теории мифа, исходя из анализа концепций научных школ и отдельных ученых, в разное время изучавших миф.

Для плодотворного анализа необходимо всестороннее изучение мифа, его признаков, функций и задач, выполняемых в обществе.

В традиционном понимании миф – это возникающее на ранних этапах человеческой истории повествование, в котором явления природы или культуры предстает в одухотворенной или олицетворенной форме.[12] Такое понимание мифа было характерно уже для поздней античности, и воспроизведено рационалистическим Просвещением XVIII в. В свете картезианской онтологии любое объяснение природы, отличающееся от физического, характеризовалось как неспособность отличить субъективное от объективного. Поэтому миф – это смешение субъекта и объекта с перенесением первого на второе.

Таким образом, одним из главных признаков мифа называлась избыточная субъективность.

Параллельно развивалась другая точка зрения, трактующая миф как историческую форму миропостижения. В XVIII в. итальянский философ Дж. Вико интерпретировал миф историко-социологически. Он связывал развитие общества с особенностями эволюции мифа: «Мифология – это Гражданские истории Первых народов», которые при своем возникновении «были истинными и строгими рассказами».[13]

Во второй половине XIX в. появляется и развивается сразу несколько школ, изучающих миф.

В рамках лингвистической концепции утверждалось, что мифология в высшем значении – это власть, которой язык обладает над мыслью во всех возможных сферах умственной деятельности. Каждый предмет обозначался

---

[12] См.: Гуревич П.С. Мифология наших дней // Свободная мысль. - 1992.- № 11. - С.43.
[13] Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации. - Л., 1940. - С.119.

через множество атрибутов (полионимия), позднее из этого многообразия было выбрано одно имя (синонимия). Становление самостоятельности отдельных слов привело к тому, что они стали именами мистифицированных субъектов. Поэтому миф есть детская болезнь языка. При этом миф выступает не как опыт единичного, но в его формировании заложена всеобщность необходимого и бессознательного, в нем выражено единство знания и мышления.[14]

Таким образом, миф, во-первых, есть искаженный язык; во-вторых, он обладает статусом всеобщности.

Ритуально-социологическая концепция мифа была представлена Дж. Фрезером и Б. Малиновским. В ее рамках миф был впервые рассмотрен как форма бытия, включающая целостную практическую реальность и определяющая основу функционирования человеческих общностей. Данная реальность описывается через систематическую связь правил поведения, относящихся к социальному порядку и образу жизни вообще. В качестве прообраза правил, господствующих в мифическом мире, был назван ритуал. Поэтому миф Дж. Фрезер определял как примитивную науку, основная функция которой – объяснительная.[15]

М. Малиновский, в свою очередь, считал, что миф – это не объяснение, служащее для удовлетворения научного интереса, а выраженное в форме рассказа воскрешение первозданной реальности, призванное удовлетворить глубокие религиозные потребности, нравственные чаяния, социальные обязанности, притязания и даже практические нужды. При этом он подчеркивал, что миф играет центральную роль во всех культурах, а не только в первобытных. По его мнению, миф – это источник ритуалов, моральных устоев и социальных отношений, то есть ключевой элемент мировоззрений любого народа. [16]

---

[14] См.: Бирлаин Дж. Ф. Параллельная мифология. - М., 1997. - С.257

[15] См.: Фрезер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. - М., 1983. - С. 665-667.

[16] См.: Малиновский Б. Магия, наука и религия. \\ Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. -М., 1992. - С.93-95.

Итак, во-первых, миф – это примитивная разновидность науки; во-вторых, ему присущи определенные символы и ритуалы; в-третьих, он всеобъемлющ, то есть присущ всем народам и служит средством удовлетворения определенных потребностей и формирования мировоззрения.

Очередным этапом раскрытия сущности мифа была психологическая концепция, представленная прежде всего именами Ф. Ницше и К.Г. Юнга.

По мнению Ф. Ницше, важно не то, в какой мере конкретная идея истинна или ложна, важно лишь, насколько она отвечает идеологическим целям человека. Поэтому главной функцией его сознания является приспособление к реальности путем покорения бытия, подчинения его своей воле при посредстве идеологии, т.е. иллюзии конкретной эпохи, создаваемой с помощью мифов, которые Ф. Ницше считал однозначно позитивным явлением: «А без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некоторое законченное целое. Все силы фантазии... только мифом спасаются от бесцельного блуждания. Образы мифа должны незаметными вездесущими демонами стать на страже: под их охраной подрастает молодая душа... И даже государство не ведает более могущественных неписаных законов, чем эта мифическая основа».[17]

Таким образом, Ницше рассматривал миф в качестве паллиатива научной интерпретации общественных отношений. Он не исключал роли понятийных отношений в конструировании мифа, поскольку считал, что именно мифы содержат последовательные жизненные принципы, служащие ориентиром для человека. Он первым наметил тенденции к созданию социальной мифологии как средства манипулирования сознанием.

---

[17] Ницше Ф. Рождение трагедии или эллинство и пессимизм.// Полн.собр.соч. - М., 1912. - Т.1. - С.153.

К.Г. Юнг считал миф продуктом универсальной мифопорождающей сферы. Возражая З. Фрейду, полагавшему, что миф есть проявление только индивидуального бессознательного, он писал: «... бессознательное самых далеких друг от друга народов и рас характеризуется весьма примечательным соответствием, которое ...указывает на уже неоднократно отмеченный факт необычайного соответствия автохтонных мифологических форм и мотивов. Из универсального сходства мозга следует универсальная возможность для однотипной духовной функции. Эта функция и есть коллективная психика», или мифология, что одно и тоже.[18]

По мнению К.Г. Юнга, коллективное бессознательное есть образ мира, сформированный еще в незапамятные времена. С течением времени в нем выкристаллизовались конституирующие элементы, которые он назвал «архетипами» и определил их следующим образом: « это... образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой».[19] При этом архетипы есть не только ***результат*** и отражение уже имевших место переживаний – они являются и ***причиной*** их возникновения, постоянно репродуцируя сходные мифологические представления.

Основа архетипов может быть иррациональной, и тем не менее они функционируют как действительные реальности, несмотря на свою антикаузальность.

Идентифицируясь при помощи архетипов с коллективной психикой, т.е. с мифологией, человек становится обладателем главной истины, того окончательного знания, которое есть великое благо для народа. Это выражается в магии реформаторства и мученичества. К.Г. Юнг отмечает, что «Открытие доступа к коллективной психике означает для индивидуума

[18] Юнг. К. Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного. - М., 1994. - С.204.
[19] Там же. - С. 139.

обновление жизни – безразлично, ощущается это обновление как приятное или неприятное.»[20]

Таким образом, мифология, согласно К.Г. Юнгу, является неотъемлемой частью жизни человеческого общества, воспроизводится с помощью архетипов в новом поколении, влияя на жизнь каждого человека. Массы всегда живут мифами, и если от них избавляются в кризисные переходные эпохи, то лишь для того, чтобы тут же создать другие выстраивая некий мост между противоположностями старого, отжившего, и будущего, нарождающегося.

М. Элиаде, солидаризуясь с К.Г. Юнгом, также полагал, что мифы порождают глубоко укоренившиеся формы представления, которые он назвал «парадигмами сознания». При этом они периодически наполняются новым актуальным содержанием. Таким образом, делает вывод М. Элиаде, мифы имеют отношение к реальности, а определенные аспекты и функции мифического сознания являются конституитивными для человека.[21]

Данное мнение разделял К. Хюбнер, согласно которому миф неизбывен и неуничтожим, и образует, наряду с другими социально-историческими онтологиями, структуру и контекст жизненного мира человека.[22]

Психологическая школа, таким образом, выделила целый ряд принципиально важных положений:

1) миф – это мост между противоположностями, своего рода адаптер;

2) миф имеет отношение к реальности, однако в нем отсутствует причинно-следственная связь т.е. антикаузален;

3) миф не играет исторически ограниченную роль, напротив, он достигает глубочайших корней психической жизни и во все времена

---

[20] Там же. - С. 231.
[21] См.Элиаде М. Космос и история. - М., 1987. - С. 30.
[22] См. Хюбнер К. Указ. Соч. - С.11

решающим образом определяет ее характер как в норме, так и в патологии;

4) следовательно, миф является одним из средств организации социальной жизни и манипулирования общественным сознанием;

5) миф воспроизводится в следующих поколениях;

6) миф в своем развитии проходит определенные стадии;

7) смена мифов происходит в переломные моменты истории.

Значительную роль в развитии понимания внутренней логики строения мифа сыграл структурализм, одним из наиболее ярких представителей которого был К. Леви-Строс. По его мнению, миф выражает реальные, но вытесненные чувства, развиваясь как бы по спирали. При этом он дает человеку иллюзию возможности постижения мира или того, что он уже постиг его. Рост мифа непрерывен, в отличие от его структуры, которая остается прерывной. Структура, по Леви-Стросу, – не просто набор социальных взаимосвязей, а «разыгрывание» базового мыслительного механизма человека, система, существование которой члены изучаемого общества не сознают. [23]

Принципиально важными являются следующие положения, выдвигаемые Леви-Стросом:

1) смысл мифа определяется не отдельными элементами, входящими в его состав, а способом комбинации этих элементов, их "ансамблем";

2) миф как языковой феномен является составной частью языка; при этом язык, используемый мифом, обнаруживает специфические свойства;

3) эти специфические свойства имеют более сложную природу, нежели языковые высказывания другого порядка;

---

[23] См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1983. – С.184.

4) миф как лингвистический объект образован составляющими единицами, более сложными, чем структурные единицы языка - фонемы, морфемы, семантемы;

5) Элементы, составляющие структуру мифов, Леви-Строс назвал мифемами.[24]

Кроме того, миф в структуралистском понимании имеет собственную отчетливую рациональность. Для Леви-Строса научная онтология не представляет собой более высокого в сравнении с мифом уровня. Обе они равноценны и являются различными способами духовной обработки действительности: "Тип логики мифического мышления столь же строг, как и тип логики современной науки, и различие лежит не в качестве интеллектуального процесса, но в природе вещей, к которым он применяется... Топор из стали превосходит топор из камня не тем, что он сделан лучше. Они оба сделаны хорошо, но сталь отличается от камня", и далее: "Логика мифологического мышления также неумолима, как логика позитивная, и, в сущности, мало чем от нее отличается. Разница здесь не столько в качестве логических операций, сколько в самой природе явлений, подвергаемых логическому анализу.[25]

Анализ Леви-Строса показывает, что мифическая мысль оперирует набором бинарных операций "тихий-громкий", "ясный-темный" и т.д. При этом она нивелирует эти противоположности путем "интеллектуального бриколажа" (глагол bricole (фр.) - играть отскоком в бильярде): "Миф - развитие мысли, в котором развернуты противоречия внутри непрерывного, например, природа и культура, мы и они. Миф часто дает разрешение противоречий, неразрешимых в рамках сознания данного общества, переходом к другим противоположностям. Миф как бы выступает в качестве посредника, смягчая жесткие антиномии формальной логики".[26]

---

[24] См.: Леви-Строс К. Указ.соч. - С.127.
[25] Там же. - С.206.
[26] Леви-Строс К. Структура мифов // Вопросы философии. - 1970. - № 7. - С.154.

6) Мифемы составляют "арматуру" мифов, то есть совокупность особенностей, остающихся неизменными в двух и более мифах; кроме того, в мифе имеется "код", то есть система функций, посредством которой обозначаются эти особенности, и "сообщение", составляющее содержание данного мифа. Как правило, при переходе от одного мифа к другому "арматура" и "код" остаются, хотя их мифемы могут меняться местами, а "сообщение" может радикально изменяться.[27]

Таким образом, во-первых, миф предполагает особый язык;

во-вторых, структурной единицей мифа являются мифемы;

в-третьих, мифемы выстроены в определенную структуру, приобретающую качество, которого нет у отдельных мифем, то есть качество или свойство системы;

в-четвертых, структура мифа развивается по тем же законам, что и научная; различие в том, что в мифе происходит смягчение и нивелировка жесткого противопоставления субъекта и объекта, поэтому миф есть определенное искажение;

в-пятых, при сохранении структуры и функций мифа его содержание может радикально изменяться.

Одной из разновидностей мифа являются политические мифы. Их возникновение некоторые ученые, в частности, П.С. Гуревич, относят к концу XIX века когда, по его мнению, возникает социальная мифология, или реестр социальных иллюзий, сознательно распространяемых в обществе для достижения политических целей. Происходит политизация мифов, и на первый план выдвигается его функциональный смысл, т.е. способность сплачивать людей, аккумулировать и развязывать политическую энергию.[28] С ним солидаризуется А.М. Лобок, который полагает, что уже к началу XX в., в общественное сознание успешно внедряется самая дремучая мифология, и

---

[27] См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. - С.504-507.
[28] См. Гуревич П.С. Мифология наших дней.//Свободная мысль. - 1992. - № 11.- С.47-49.

образованный человек впал в состояние полной мифологической невменяемости.[29]

Мы, в свою очередь, считаем, что относить возникновение социальной мифологии к концу XIX века неправомерно, поскольку политические оттенки мифа присутствовали всегда. Как отмечал Р. Барт, любой миф с неизбежностью тяготеет к суженному антропоморфизму, и хуже того – к антропоморфизму , который можно было бы назвать классовым.[30]

Уже Платон в «Государстве», отмечая иррациональную природу мифов, тем не менее считал возможным и желательным их употребление для воспитания общества. При этом он выстраивал иерархию мифов в зависимости от уровня их сложности.

Использование мифов в политике, согласно Платону, то же самое, что использование эмоциональных переживаний в противовес рациональным идеям, доступным далеко не каждому. Эмоциональное восприятие гражданами своего государства он считал полезным средством управления.

При этом Платон полагал, что политический миф неотделим от обычного - политическая функция мифа возникает лишь применительно к условиям его использования, т.е. традиционный мифосюжет может быть средством манипулирования общественным сознанием.[31]

Таким образом, политическим может стать любой миф (и, соответственно, архетип в нем заложенный), если он используется для достижения определенных политических целей, т.е. тогда когда он вписывается в ***систему властных отношений.***

Эту, а также другие особенности политического мифа одним из первых исследовал французский социолог Ж. Сорель. Он считал, что никто не в состоянии ***знать*** будущее – его можно только ***хотеть.*** Поэтому любое

---

[29] См. Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург, 1997. - С.671.
[30] См. Барт Р. Избранные работы. - М., 1990.- С.69.
[31] См. Платон. Государство. Законы. Политика. - М., 1998. - С. 120-128, 160-166.

общественное устройство, созданное усилиями определенной социальной группы, основывается на идеологических концепциях, принципиально несводимых к рациональным основаниям, и являющихся выражением ***воли,*** но не ***сознания.*** [32] Общественное устройство есть результат совокупности образов (миф) и воли народов (мобилизация). Эта воля выражается в мифах, т.е. в идеях и чувствах, обеспечивающих единство социальных групп. При этом мифы – не параграфы программы, но реализация надежд через действие. Они не служат определенной доктрине, являющейся интеллектуальной интеллигентской спекуляцией, поэтому нельзя всерьез говорить об их реализации: «...совсем не важно знать, какой из мелочей, составляющих мифологическую концепцию, возможно осуществиться в ходе исторических событий;... возможно даже, ни одна из деталей не осуществится».[33] Главное – это объединить людей некоей концептуальной фикцией для повышения их активности в конкретный отрезок времени: «...на эти мифы нужно смотреть как на средство воздействия на настоящее, и споры о способах реального их применения к течению истории лишены всякого смысла».[34]

Однако, по мнению Ж. Сореля, мифы – это не теоретические конструкции, оторванные от действительности - они возникают и функционируют на основании реального опыта борьбы.[35]

Таким образом, во первых, миф – это средство воспитания и способ подъема активности масс в определенный отрезок времени;

Во вторых, миф имеет отношение к реальности, поскольку создается на основе опыта борьбы;

В третьих, миф может проявляться в обществе в форме идеологии;

В четвертых, главную роль в формировании и внедрении мифа в общественное сознание играют конкретные субъекты мифотворчества.

---

[32] См.: Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. - М., 1908. - С.19.
[33] Сорель Ж. Размышления о насилии. - М., 1907. - С.67.
[34] Там же.
[35] См.: Сорель Ж. Введение. - С. 257-260.

Э. Кассирер , последователь Шеллинга и Гегеля, полагал, что в основе мифа лежит всеобъемлющая и замкнутая система чувственных и понятийных форм: « мир мифа не есть простое образование, зависящее от каприза или случая, но он имеет свои особенные законы образования, действующие во всех его отдельных проявлениях».[36]

Кроме этого, миф имеет систему категорий, сходную по структуре с научной.

Миф носит социальный характер, и подлинной моделью для него служит не природа, а общество: «...все его основные мотивы суть проекции социальной жизни человека».[37]

Поэтому если естественные науки, пройдя недолгую мифологическую стадию (алхимия, астрология), в дальнейшем освобождаются от мифа, то в науках об обществе преобладает мифология, которая воспроизводится в различных политических теориях, опираясь при этом на архетипы, взятые из далекого прошлого.

Это происходит потому, что реальный субъект мифа – субстрат чувства, а не мысли, то есть миф - это плод эмоций, но не логики.

В мифах отсутствует причинно-следственная связь, то есть он антикаузален.[38]

Итак, миф – это определенная замкнутая система, имеющая набор категорий, по структуре сходная с научной, но в отличие от нее антикаузальная. Одной из форм проявления и функционирования мифа в обществе является политическая мифология, или идеология, что, по мнению Э. Кассирера, одно и то же.

Присутствуя в имплицитной форме в культуре и политике, миф может приобрести тотальную власть над людьми в том случае, когда совпадает с коллективными желаниями и когда политическая ситуация в

---

[36] Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. - М., 1998. - С.733.
[37] Там же. - С. 533.
[38] См.: Кассирер Э. Смиф государства.// Феномен человека. Антология. - М., 1993. - С.180.

обществе предает этим желаниям небывалую прежде силу, а также возможность их осуществления. Э. Кассирер отмечал: «Во все критические моменты социальной жизни рациональные силы, сопротивляющиеся выходу на поверхность старых мифических концепций, не могут быть уверены в себе. В это время возвращаются мифы – они никогда не были по-настоящему подавлены и лишь ждали своего часа, чтобы появиться из тени на свет».[39] Он выделял следующие особенности и признаки политических мифов:

1. Они используются субъектами мифотворчества, действующими в высшей степени сознательно, в соответствии с определенным планом, и преследуют достижение конкретной политической цели. Миф нового типа полностью рационализирован, производится так же, как боевая техника, и используется с той же целью - для ведения внутренней и внешней войны, только другими средствами. При этом рациональность мифа амбивалентна - с одной стороны, он есть выражение коллективных желаний, а с другой - он ставит эти желания на службу политическим амбициям отдельных личностей или социальных групп;

2. Для осуществления цели мифа необходимо изменение функции языка. В языке, порожденном политическими мифами, баланс эмоционального и логического нарушен в сторону первого - слово описательное и логическое превратилось в слово магическое (в этой связи Р. Барт отмечал, что слово в мифе должно производить непосредственный эффект, а затем с помощью повторения закрепляться в сознании, придавая обозначаемому им понятию ясность, характерную не для объяснения, а для констатации фактов. Барт называл язык мифов "похищенным и возвращенным словом", при этом возвращенное слово оказывается не тем, которое было похищено, так как при возвращении его не помещают на прежнее место).[40]

---

[39] Там же. - С.111.
[40] См.: Барт Р. Указ.соч. - С.91.

Таким образом, слово в мифе также имеет искаженный и деформированный смысл. Это происходит на первой стадии развития мифа - на стадии разрушения социальной нормы, укорененной в обществе. Когда же начинается процесс становления и укрепления новой социальной нормы, язык становится *энкратическим (возникающим и распространяющимся под защитой власти)*. При этом он активно использует старые штампы, интерпретируя их применительно к современной ситуации.[41]

К примеру, разоблачая «врагов демократических реформ», правящий режим России использует те же самые политические штампы, которые употреблялись уже с начала 30-х годов.

3. Магическое слово подчинено магическому обряду. Поэтому вслед за языком мифа развиваются новые ритуалы, ставшие строго регулярными, фиксированными и неумолимыми. При этом каждая социальная группа должна иметь свои обряды. Кассирер объяснял цель ритуалов как утрату индивидуальности, ощущения личности.[42] По его мнению, в наиболее совершенном и законченном виде совокупность такого рода ритуалов была присуща немецкому обществу 30-х годов, когда маргинализованную и стрессированную толпу успешно одурманивали с помощью политических заклинаний.

С тех пор ритуалы стали неотъемлемой частью пропагандистской машины всех без исключения политических организаций, стремящихся получить власть, а затем ее удержать. Анализ лозунгов партии на всех парламентских выборах России, а также лозунгов на выборах президента доказывает, что все они суть эмоциональные мифологемы (вспомним хотя бы «голосуй сердцем» на президентских выборах 1996 года).

4. Выразителем коллективных желаний должен быть харизматический лидер, говорящий от лица большинства. При этом лидер не обязательно персонифицирован в конкретном человеке; **лидером**, вожаком может быть и

---

[41] См.: Там же. - С.495.
[42] См.: Кассирер Э. Указ.соч. - С.159.

социальная группа, считающая, что в силу своих особых качеств (как правило, мифологически сконструированных), она имеет право говорить от имени народа.

5. Последней особенностью политических мифов является внелогическое иррациональное пророчество, необходимое в ситуации неопределенности, когда не действуют логические схемы. Э. Кассирер отмечал: «В отчаянных ситуациях человек всегда склонен обращаться к отчаянным мерам, и наши сегодняшние политические мифы как раз и есть такие меры. В случае, когда здравый смысл подводит нас, в запасе всегда остается сила сверхъестественного мистического.»[43] Пророчество, как правило, исходит от лидера, или от группы, его представляющей, поскольку предполагается, что она наделена особым политическим знанием.

По нашему мнению, существует ряд признаков, присущих только политическому мифу.

Один из них – это его ограниченность рамками одной страны (или группы стран), и возможность успешно функционировать только на определенной территории. Этот признак указывался практически всеми серьезными исследователями мифа – Р. Бартом, Э. Кассирером, К. Хюбнером, М. Элиаде и другими.[44]

Его подтверждением может служить миф демократии по американскому образцу. В США он воплощен в мифологеме «американская мечта». Однако попытки его укоренения в других странах сталкиваются с объективными трудностями, связанными различиями в экономике, культуре, менталитете, и в конечном счете в архетипах.

Другим примером территориальной ограниченности мифа может служить «новая интернациональная общность – советский народ», (состоящий из рабочих, крестьян и интеллигенции).

---

[43] Кассирер Э. Миф государства. - С.110.
[44] См. Барт Р. Указ.соч. - С.119; Элиаде М. Священное и мирское. - С.93.

С этим признаком тесно связан другой – «короткодействвие» политического мифа, то есть его ограниченность также и временными рамками. Наиболее убедительное подтверждение этому продемонстрировал миф о либеральной демократии в России. Он в кратчайшие сроки прошел стадии возникновения, развития и старения, в настоящее время фактически умерев как значимое и действенное явление общественного сознания. Закрепившись в период «оттепели», укрепившись в «застой», развившись в период перестройки, обретя целостный символьный и понятийный ряд в 1990-1991 годах, этот миф уже к середине 90-х годов утратил целостность и концепцию, раздробившись на разрозненные мифологемы, эксплуатируемые в настоящее время лишь отдельными и второстепенными политическими персонажами. Таким образом, мобилизующая сила данного мифа фактически сошла на нет.

Его «короткодействие» вызвано, по нашему мнению, прежде всего тем, что он не опирался на российские традиции, которые, в свою очередь, основывались на чисто русских архетипах. К.Г. Юнг в свое время отмечал: «Конечно, на более ранней и низкой стадии душевного развития, где еще нельзя выискать различия между арийской, семитской, хамитской, и монгольской ментальностью все человеческие расы имеют общую коллективную психику. Но с началом расовой дифференциации возникают и существенные различия в коллективной психике. По этой причине мы не можем перевести дух чуждой расы в нашу ментальность целиком, не нанося ощутимого ущерба последней...»[45]

Главным из русских архетипов является, по мнению ряда ученых, к которому мы присоединяемся, стремление к Абсолюту, то есть к осуществлению некоей целостной истины-мечты, воплощенной не столько в материальном достатке, сколько в поисках Правды и Воли, понимаемых как

[45] Юнг К.Г. Указ. соч. - С.210.

свобода от любого рода регламентаций и ничем не сковываемое творчество на основе сотрудничества, но не жесткой конкурентной борьбы.

Практически все ученые, изучавшие мифологию, были солидарны также и в том, что миф имеет отношение к реальности. Однако это отношение носит особый характер. В частности, Р. Барт считал, что миф направлен на деформацию реальности, осуществляемую субъектом мифотворчества путем эмоционального внушения с целью создания такого образа действительности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания: « Миф ничего не скрывает и ничего не афиширует, он только деформирует; Миф ни есть ни ложь, ни истинное признание, он есть искажение.»[46]

В свою очередь В.М. Найдыш полагал, что миф является продуктом эмоциональной сферы сознания субъекта; с его помощью данный субъект гармонизирует и упорядочивает реальность, придавая ей необходимую аксиологичность.[47]

Это происходит и в сфере властных отношений. По мнению Н.А. Бердяева, любое выделение граждан в особую социальную группу всегда есть ее эмоциональная оценка: «Самое различение буржуазии и пролетариата носит аксиологический характер, есть различение зла и добра, ... почти манихейское деление мира на две части, на царство тьмы и царство света». [48] Поэтому исторически сложившиеся формы власти – это всегда объективированные и рационализированные подсознательные состояния и страсти, проявляющиеся в мифах, без которых невозможно управление человеческими массами.

Убедительным примером такого эмоционального искажения действительности, по мнению Н.А. Бердяева, может служить теория К.

---

[46] Барт Р. Указ.соч. - С.95.
[47] См. Найдыш В.М. Мифология и фольклорное сознание// Вопросы философии. - 1994. - №2. - С.52.
[48] Бердяев Н.А. Царство духа. - С.342.

Маркса: « Марксизм – это миф, поскольку претендует ответить на все запросы человеческой души и победить трагизм человеческой жизни.»[49]

С ним солидаризовался М. Элиаде. Согласно его точке зрения, «...что бы мы ни думали о научных притязаниях Маркса, ясно, что автор Коммунистического манифеста берет и продолжает один из величайших эсхатологических мифов Средиземноморья и Среднего Востока, а именно: спасительную роль, которую должен сыграть справедливый ("избранный", "помазанный", "невинный", "миссионер", а в наше время – пролетариат), страдания которого призваны изменить онтологический статус мира. Фактически бесклассовое общество Маркса и последующее исчезновение всех исторических напряженностей находит наиболее точный прецедент в мифе о Золотом веке, который, согласно ряду учений, лежит в начале и в конце Истории. Маркс обогатил этот древний миф истинно мессианской иудейско-христианской идеологией, с одной стороны – пророческой и спасительной ролью, которая приписана пролетариату, и с другой – решающей битвой между Добром и Злом, заканчивающейся решительной победой Добра, что вполне можно сравнить с апокалиптической борьбой между Христом и Антихристом».[50]

Из аффективного искажения мифом реальности вытекает его антикаузальность. Эмоциональное восприятие мифа соответствующим объектом вызывает непосредственный эффект доверия к мифу, который оказывается сильнее рациональных объяснений. Тем самым снимается его проблема его происхождения и развития – миф объявляется существующим от века. Р. Барт отмечал, что миф придает явлению ясность , характерную не для объяснения, а для констатации фактов, якобы существующих вне времени. [51]

---

[49] Там же с.352.
[50] Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М., 1996. – С.25.
[51] См.Барт Р. Указ соч. С.99-112.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

О. М. Фрейденберг, в свою очередь, считала, что мифологическое мышление не определяет предмета со стороны его признаков. В мифе отсутствует причинно-следственная связь, а существует лишь недвижная одновременность событий, поэтому, по ее мнению, миф - это система представлений с антикаузальной конструкцией.[52]

Таким образом, констатируя существование социальной группы именуемой «интеллигенция», но логически не объясняя ее происхождения, субъект мифотворчества тем самым объявляет ее имманентно присущей социальной структуре как нечто само собой разумеющееся .

Придание мифу видимости логики, т.е. его псевдокаулизация, происходит позднее и осуществляется с помощью научной теории и идеологии. Как правило, политический миф для того, чтобы быть принятым всеми слоями общества, нуждается в придании ему видимости научности.

А.А. Потебня видел различие научного и мифологического мышления в том, что «миф, так же, как и научное мышление, есть сознательный акт мысли и сознания, объяснения некоего объекта посредством совокупности ранее данных признаков, объединенных до сознания словом или словесным образом. Однако, если прежнее содержание нашей мысли является не субъективным средством познания, а его источником, и образ, будучи признан «объективным», целиком переносится в значение, то в этом случае перед нами мифотворчество.»[53]

В.М. Найдыш полагал, что придание мифу видимости научности происходит путем ее рационализации, то есть сочетания мифологем с отдельными элементами научной картины мира, но обязательно вне контекста их объективной интерпретации.[54]

---

[52] См. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. - М., 1978. - С.44-47.
[53] Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. - С. 101.
[54] См. Найдыш В.М. Указ. соч. - С. 54.

Если научная теория является из одной из основ, формирующих политический миф, то главной формой проявления его в обществе и способом функционирования становится идеология.

Данной точки зрения придерживался еще Ф. Энгельс. Под идеологией он понимал совокупность взглядов той или иной социальной группы, которая преломляет объективную действительность с позиции интересов этой группы: «Идеология - это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные причины , которые приводят его к действию, остаются ему неизвестными...Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах».[55]

Позднее Э. Кассирер отмечал, что «...в политических теориях XX века мифологическое мышление получило преобладание над рационально логическим, одержав, наконец, решительную победу в недолгой, хотя и ожесточенной борьбе».[56]

Единодушны были в оценке идеологии Р. Барт и К. Леви-Строс.

Последний указывал, что «...ничего не напоминает так мифологию, ка политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую».[57]

При этом, по мнению Р. Барта, всякая идеология требует, чтобы ее воспринимали не как одну из возможных точек зрения на мир, а как единственно допустимое (ибо оно единственно верное) его изобретение.[58]

Все указанные выше авторы при анализе идеологии исходили из мнения, что она есть проявление бессознательного, и, соответственно, политический миф есть бессознательное творение. Однако ряд исследователей, не соглашаясь с данной позицией, выражали иную точку

---

[55] Энгельс Ф. Ф. Энгельс – Францу Мерингу в Берлин. Лондон, 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. - Т.39. – С.83.
[56] Касирер Э. Техника политических мифов// Октябрь. -1993. - № 7. - С.153.
[57] Леви-Строс К. Структурная антропология. - С.186.
[58] См.: Барт Р. Указ. соч. - С.18.

зрения. Так, К. Мангейм считал, что в обществе существуют две разновидности идеологии. С одной стороны, это теоретизированные взгляды класса, добившегося господства, и заинтересованного в сохранении статус-кво.

С другой стороны, существуют также эмоционально окрашенные духовные образования, которые порождены сознанием оппозиционных, угнетенных социальных слоев и групп, стремящихся к социальному реваншу.

Их идеи столь же субъективно пристрастны, как и господствующие идеологии, и стремятся выдать часть за целое, свою односторонность за абсолютную истинность. С приходом к власти ранее угнетенных слоев идеологии меняются местами: « Социальные слои, представляющие существующий социальный и духовный порядок, будут считать действительными те структурные связи, носителями которых они являются, тогда как оппозиционные слои данного общества будут ориентироваться на реалии и тенденции нового социального порядка, который служит целью их стремлений, и становление которого осуществляется благодаря им.»[59]

Мы присоединяемся к данной точке зрения и считаем, что создание политического мифа и внедрение его в общество субъектом мифотворчества есть сознательный акт, пусть даже совершаемый на основе архетипов, находящихся в подсознании. Поэтому, по нашему мнению, идеология - это совокупность политических мифологем, объединенных общей концепцией, внедряемая субъектом мифотворчества в сферу политического сознания общества с помощью СМК (средств массовой коммуникации).

Роль СМК как средства внедрения мифа в общество отмечал еще К. Маркс: «До сих пор думали, что создание христианских мифов было возможно в Римской империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот: ежедневно пресса и телеграф ...

---

[59] Мангейм К. Идеология и утопия.//Утопия и утопическое мышление. - М., 1991. - С.117.

фабрикуют больше мифов ... за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие».[60]

СМК не только внедряют миф, но и адаптируют его для массового человека. М.А. Бердяев в свое время констатировал, что мифы и символы приспособляются к среднему человеку, поэтому ничтожество и глупость политических мыслей вожаков общества связано с этим приспособлением.[61]

В свою очередь толпа, состоящая из обывателей, черпает в мифе, внедряемом с помощью СМК, ощущение своей духовной завершенности и полноценности. Е. Анчел отмечала, что политический миф XX века возвращает человеку чувство эмоционального и интеллектуального комфорта и утешения посреди хаоса, утраченное им при отказе от религии.[62]

Итак, отдельные мифологемы, объединенные единой концепцией, становятся целостным политическим мифом, адаптируются для общества и внедряются в него с помощью СМК в качестве идеологии.

Примером этому может служить возникновение и функционирование «марксистско-ленинской теории» в СССР. Концепция К.Маркса (которая сама по себе была достаточно мифологизирована), использовалась В.И. Лениным в качестве «арматуры», соединяющей русские архетипы общинности (поданной как коллективизм и интернационализм), Государя-носителя абсолютной истины (в мифологеме передовой партии, вооруженной единственно верным учением), абсолютной справедливости и добра (выраженной в принципе «от каждого по способностям, каждому по потребностям») и т.д. Кроме того, в марксистско-ленинской идеологии была умело трансформирована мифологема «Россия - Третий Рим», обладающая мессианским значением, и означенная как «СССР – оплот мира и социализма, борец за счастье всех угнетенных народов.»

---

[60] Маркс. К. Письмо Людвигу Кугельману в Ганновер // Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. - Т.33. - С.215.
[61] См.: Бердяев М.А. Царство духа. - С.68.
[62] См. Анчел Е. Мифы потрясенного сознания. - М., 1979. - С.9.

Как уже говорилось ранее, К. Мангейм выделял в любом обществе две основные конкурирующие идеологии – идеологию господствующего социального слоя и идеологию оппозиционных ему группировок. Солидаризуясь с ним, Н.А. Бердяев утверждал, что любое внушение священности государственных институтов носит социологический характер: «Народы не могут существовать без мифов, без мифов не может существовать власть и управлять человеческим обществом. Мифы соединяют, покоряют, вдохновляют, через них охраняются общества», которые не могут существовать «...без социально полезных фикций, без охраняющих и вдохновляющих мифов».[63]

На мифах, по мнению Н.А. Бердяева, базировался консерватизм, и даже капитализм основывался на мифе о благостном и сверхразумном естественном порядке и гармонии.

Однако существует и другая разновидность мифов: абстрактные мысли, принимающие формы мифов, могут перевернуть историю, радикально изменить общество. Все революции основаны были на мифах.[64] С их помощью победивший слой создает свою сакрализацию относительного.

Иначе говоря, существуют две разновидности политических мифов – мифы статические и мифы динамические. Задачи первой группы мифов – утверждение незыблемости и священности правящего политического режима. В данном случае субъектом мифотворчества, как правило, выступает официальная власть с помощью государственной идеологии, СМК и других официальных органов.

Задача второй группы мифов - максимальная десакрализация и дискредитация государственной идеологии и самого режима, и одновременно позитивное представление социальной группы, претендующей на власть, в качестве единственной силы, которая оправдает народу все его ожидания.

---

[63] Бердяев Н.А. Царство духа. - С.237.
[64] Там же.

По мнению ряда ученых, в обществе постоянно происходит борьба соперничающих мифологий и периодическая смена основополагающих мифов, ответственных за конструирование реальности – «слабый» миф сменяется «сильным» (под слабыми мифами Р.Барт подразумевал те, у которых политический заряд утрачивается и тем самым происходит «деполитизация» мифа, а затем его распадение на отдельные мифологемы; в свою очередь, «сильный» миф имеет мощный политический заряд и не поддается деполитизации»). [65]

Актуальным примером деполитизации может служить мифология большевизма. Возникнув как радикальное антиправительственное политическое течение (т.е. как динамический миф), он в короткое время сумел завоевать доверие народных масс, и в результате Октябрьской революции стал государственной идеологией, превратившись тем самым в миф статический. В дальнейшем он распался на отдельные мифологемы, практически утратив свой политический заряд.

Каждая из разновидностей мифа имеет свои специфические задачи. Динамический миф с одной стороны, направлен на разрушение совокупности социальных норм, принятых в обществе и базирующихся на идеологии, праве и морали правящего политического режима.

С другой стороны при посредстве динамического мифа субъект мифотворчества внедряет в массовое сознание элементы новой социальной нормы, которая после смены власти становится обязательной. Тем самым динамический миф превращается в статический, главная задача которого – сохранение совокупности санкционированных режимом социальных норм в неизменном и стабильном виде.

Соответственно задачам варьируется и содержание конкретного политического мифа, которое при сохранении внешней оболочки мифа (то есть его наименования) может радикально изменяться.

---

[65] См.: Барт Р. Указ.соч. - С.116 – 126.

При этом выполнение задач, которые ставятся перед политическим мифом, может осуществляться с помощью мифологем, внешне никак не связанных с политикой.

Так произошло и с мифологемой «интеллигенция». Одним из ее определяющих признаков всегда называлась принципиальная невовлеченность интеллигента в политику. По сути же она с момента своего возникновения была (и это мы докажем далее) исторически возникшей формой российской бюрократии – бюрократией политической, стремящейся к абсолютной полноте власти.

Подведем некоторые итоги. Из всего сказанного выше следует, что политический миф является неотъемлемой и функциональной частью человеческого бытия, постоянно воспроизводясь в обществе в модифицированном виде. Ему присущи следующие признаки:

- миф есть один из способов формирования реальности;
- миф может использоваться в интересах различных социальных групп и сил, стремящихся либо захватить, либо удержать власть. Тем самым он вписывается в систему властных отношений и становится политическим;
- политический миф имеет статическую и динамическую разновидности. С помощью статического мифа правящий режим стремиться сохранить свое положение и власть в неизменном виде. В свою очередь, динамический миф используется оппозиционными силами для дискредитации существующего политического режима и представления себя в качестве единственной позитивной силы, способной изменить общество к лучшему;
- политический миф искажает реальность путем создания такой своей содержательной структуры, в которой доминируют эмоции и аффекты. При этом данная структура сохраняется при перестановке мифологем, составляющих миф, и полном изменении содержания мифа;

- кроме того, совокупность социальных явлений, представляемых отдельными мифологемами, логически не объясняется с точки зрения их исторического происхождения, а констатируется как нечто реальное и вечно существующее. Это означает, что политический миф изначально антикаузален;

- придание мифу псевдокаузальности происходит позднее, когда разрозненные мифологемы объединяются единой концепцией. Тем самым миф становится целостным и приобретает видимость научной теории;

- в свою очередь, данная совокупность мифологем, объединенная единой теорией, проявляется в обществе в форме идеологии;

- средствами укоренения статического мифа в обществе являются социальные институты, управляемые и направляемые режимом, и прежде всего СМК. Однако СМК (легальные, полулегальные и нелегальные), открыто или скрыто находящиеся на стороне оппозиционных сил, становятся средством внедрения динамического мифа;

- миф имеет особый полифункциональный язык. На этапе разрушения прежней социальной нормы и внедрения динамического мифа он возникает и используется силами, противостоящими правящему режиму. На этапе закрепления новой социальной нормы и превращения динамического мифа в статический (этому, как правило, сопутствует изменение баланса политических сил), язык мифа становится энкратическим, то есть находящемся под опекой нового правящего режима;

- политический миф ограничен территориально, т.е. функционирует только в границах определенной страны (или группы стран);

- политический миф ограничен также временными рамками, т.е. функционирует только в течение определенного периода времени;

- политический миф приобретает мощную силу влияния в обществе в переломные моменты его истории;

- политический миф всегда имеет конкретного «заказчика» и «потребителя» – субъекта мифотворчества, использующего миф для достижения политических целей.

Совокупность перечисленных выше признаков может быть использована в качестве методологического инструмента идентификации ряда социальных явлений (в том числе интеллигенции) как мифологических, а также для их дальнейшего изучения.

Согласно В.С. Полосину, исследование социального мифа означает, во-первых, выявление действительного субъекта мифотворчества;

- во-вторых, выяснение специфики функционирования данного мифа в конкретном социуме;

- в-третьих определение практических последствий, проистекающих от внедрения и функционирования мифа в обществе.[66]

Мы солидаризуемся с данной точкой зрения и считаем, что всестороннее исследование с фиксацией явления как мифологического и выявление природы субъекта мифотворчества предполагает также исследование самого субъекта мифотворчества, при анализе которого необходимо сочетать ретроспективный подход (т.е. проследить его историческое становление) с изучением функционирования данного субъекта в современных условиях.

В контексте нашей работы это означает, что наряду с изучением интеллигенции как явления социальной мифологии через призму указанных выше признаков мы должны выявить, что скрывается под данным понятием, и определить субъект мифотворчества, а также исторические условия его возникновения.

---

[66] С.м. Полосин В.С. Миф, религия, государство. - М., 1998. - С. 38-39

Согласно нашей гипотезе, интеллигенция на самом деле есть исторически обусловленная разновидность бюрократии – бюрократия политическая, порожденная спецификой отношений общества и власти.

Для доказательства этого обратимся к теории и практике становления и развития бюрократии в России.

§ 2. Бюрократия как субъект властных отношений

Р. Барт отмечал, что для вызревания тех или иных социальных мифов более благоприятна одна социальная среда, а не другая.[1] Это означает, что социальная мифология отражает специфику конкретного государства и его социальных институтов. Соответственно, субъект мифотворчества, также будучи продуктом социальной среды, транслирует мифы, ею порожденные. Поэтому истоки мифа об интеллигенции следует искать, по нашему мнению, в особенностях становления российской системы государственного управления и её субъекта – бюрократии. С одной стороны, в целом ряде исследований по проблемам интеллигенции её появление датируется эпохой Петра I.[2] С другой стороны, развитие бюрократии как самостоятельного социального слоя многие ученые также считают следствием петровских реформ.[3]

Такое временное совпадение вряд ли можно считать случайным. По сути, речь в данном случае идет о различных аспектах одного и того же феномена, то есть о реальном социальном явлении и о мифе, это явление искажающем. Поэтому дальнейший анализ мифа об интеллигенции с необходимостью предполагает изучение теории бюрократии, выявление ее общих и специфических признаков, а также рассмотрение исторического процесса её развития в России как субъекта властных отношений, с одной стороны, и субъекта мифотворчества – с другой.

Термин "бюрократия" был введен в середине XVIII в. Гурнеем, одним из французских министров, и долгое время носил эмоционально-уничижительный оттенок. Попытки научного осмысления данного явления начинаются в первой половине XIX в. При этом сразу же выделяются два

---

[1] См. Барт Р. Указ. соч. - С.119.

[2] См.: Гершензон М.О. Творческое самосознание.// Вехи; Интеллигенция в России. – М., 1991. – С.92; Мережковский Д.С. Грядущий хам.// Интеллигенция. Власть. Народ. – М., 1993. – С.97.

[3] См.: Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII - XVIII вв.// Абсолютизм в России (XVII - XVIII вв.). – М., 1964. – С.222; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974. – С.365 – 366.

направления исследования – бюрократия как субъект управления и как механизм управления.

Основоположником теории бюрократии принято считать Г.В.Ф. Гегеля. Именно он обозначил роль, которую играют государственные служащие в процессе унификации и рационализации общества, противостоя его раздробленности в сфере экономической обособленности индивидов. Гегель фактически начал разработку понятия "институт государственного управления", смысл и задачи которого состоят в создании и сохранении идеи первичности общества как определенного единства перед обществом как противоречивом множестве интересов. Таким, по мнению Гегеля, было централизованное европейское государство (Пруссия), где гармонично сочетались пути достижения общего блага и индивидуальные цели самореализации личности.

Бюрократию он считал явлением прогрессивным и рассматривал ее в качестве одного из трех основных слоев общества, наряду с промышленниками и аграриями. При этом бюрократия была единственным слоем, в действительности воплощающем всеобщий интерес. Степень реализации этого интереса обусловливала легитимность слоя бюрократии и полноту доверия к нему со стороны народа.

Необходимыми качествами бюрократии Гегель считал высокий уровень общей и политической культуры. Поэтому общество должно уделять особое внимание образованию данного слоя как граждан и как профессионалов, чтобы они всегда были на уровне предъявляемых к ним требований.[4]

Таким образом, согласно Гегелю, бюрократия представляет собой самостоятельный общественный слой, возникающий и развивающийся вместе с развитием и укреплением государства и являющийся субъектом осуществления всеобщего интереса через рационализацию системы

[4] См.: Гегель Г.В. Ф. Философия права. – М., 1990. – С.278 – 279.

государственного управления. Направленность действий, а также компетентность данного слоя, необходимые для гармоничного сочетания частного интереса со всеобщим, зависит от уровня его образования. Поэтому необходима система образовательных учреждений для бюрократии.

Карл Маркс, творчески развивая идеи Гегеля, также считал бюрократию одним из элементов управления государством. Однако при этом он резко критиковал Гегеля за то, что он совершенно не рассматривает **содержание** бюрократии, а дает только общие определения её формальной организации, описание преимущественно внешних форм и её бытия. Маркс же полагал, что бюрократия - это паразитический социальный слой, который в обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями, использует их в своих эгоистических интересах путем создания ею самой таких рамок социального действия, при которых происходила бы легитимизация господства данного слоя.[5]

Поэтому одной из задач бюрократии является мнимое сглаживание остроты конфликта в обществе путем представления своих узкокорыстных стремлений в качестве всеобщего интереса. Таким образом, бюрократия, призванная объединять, разделяет и властвует. Маркс объяснял это внутренней разобщенностью общества, когда отдельная корпорация нуждается в бюрократии как противовесе против другой корпорации, против чужого особого интереса. При этом бюрократия не просто представляет государство, но выступает как особая корпорация, как особое замкнутое общество в государстве: "корпорация представляет собой материализм бюрократии, а бюрократия есть спиритуализм корпораций. Корпорации составляют бюрократию гражданского общества, а бюрократия же есть корпорация государства. В действительности поэтому бюрократия противопоставляет себя – как "гражданское общество государства" – корпорациям как "государству гражданского общества"... Как только

[5] Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Собр.соч. - Т.1. – С.269 – 270.

государство пробуждается к действительной жизни и гражданское общество, действуя по побуждению своего собственного разума, освобождается от власти корпораций, бюрократия старается восстановить их, ибо с падением "государства гражданского общества" падает также "гражданское общество государства". [6]

Таким образом, согласно Марксу, бюрократия есть явление негативное. Одним из ее основных признаков является некомпетентность: "верхи полагаются на нижние круги во всем, что касается знания частностей; нижние же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, взаимно вводят друг друга в заблуждение".[7]

Некомпетентность является следствием пороков социальной системы (в случае Маркса – капиталистической), когда технологически оправданная безличность отношений искажается частнособственническим характером общественных отношений, то есть когда государственные задачи превращаются в канцелярские и наоборот.[8]

При этом в обществе происходит резкая дифференциация, когда большая часть опускается до положения бездушных винтиков, а меньшая подчиняет всю деятельность собственным интересам. Эффективность деятельности чиновника начинает определяться через соответствие его действий предписаниям, которые, в свою очередь, постоянно заменяются новыми. Происходит развитие иррациональных следствий от функционирования рациональных правил. В связи с этим Маркс резюмирует: "...бюрократия есть круг, из которого никто не может выбраться".[9]

Другим признаком бюрократии является централизация власти, представляющая собой политическое усиление экономической концентрации капитала в руках немногих. При этом развивается тенденция отчуждения административного аппарата от общества и реальных потребностей людей.

---

[6] Там же.
[7] Там же. – Т.1. С.272.
[8] См.: там же. - С. 271.
[9] Там же.

Управление превращается в самоцель, а круг людей, занимающихся управлением, становится замкнутой кастой: "Всеобщий дух бюрократизма есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде, её иерархической организацией, а по отношению к высшему миру – её замкнутым, корпоративным характером".[10]

Истинная сущность властвования в бюрократии вырождается до узко-уничижительного понимания авторитета: "Обоготворение авторитета есть её образ мыслей. Но в её собственной среде спиритуализм превращается в грубый материализм, в материализм сложного подчинения, верой в авторитет, в механизм твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций".[11]

Поскольку бюрократия иерархична, то знание из реального посредством иерархии превращается в бюрократическое, и начинает функционировать как частичное. Такого рода знание становится формой существования бюрократического авторитета: "Авторитет есть поэтому принцип её знания, а обоготворение авторитета есть её образ мыслей".[12]

Данное обоготворение авторитета (и тем самым сохранение и упрочение власти демократии и закрепление иерархических принципов ее функционирования) осуществляется с помощью социальной мифологии, которую К. Маркс считал действительным средством воздействия правящих слоев на все остальное общество.[13]

Таким образом, бюрократия из средства осуществления государством своих задач превращается в конечную цель государства. Поскольку бюрократия делает свои формальные цели своим содержанием, то она везде вступает в конфликт с реальными целями. Поэтому она вынуждена выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное.

---

[10] Там же. - С.272.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] См.: К. Маркс – Людвигу Кугельману в Ганновер // Собр.соч. - Т.33. - С.215.

Итак, по мнению К. Маркса, бюрократия возникает в классовом антагонистическом обществе. Она является паразитическим социальным слоем и использует противоречия общества в своих интересах, постепенно приобретая всю полноту власти, становясь "государством в государстве" и фактически делаясь его конечной целью. Основными признаками бюрократии является её отчужденность от мира, замкнутость, иерархичность внутри бюрократической структуры, а также некомпетентность. Цель бюрократии – сохранение или повышение личного статуса внутри иерархии. Одним из способов для этого является социальная мифология.

Таким образом, К. Маркс впервые показал бюрократию как эмпирически осязаемое явление, и описал ее практические черты. Однако он, по нашему мнению, неоправданно сузил временные рамки функционирования бюрократии, показывая её только как феномен буржуазно-классового общества. Нераскрытой осталась сущность бюрократии, связь с культурной спецификой страны, а также ее приемлемость для различных типов обществ.

Если Г.В.Ф. Гегель и К. Маркс изучали бюрократию как политический факт, то М. Вебер рассматривал ее как частный случай социологии организаций. Он исходил из исторической множественности бюрократии, которая, по его мнению, имела место в различных типах обществ. На основе синтеза черт бюрократии в различных типах обществ он создал модель ее «идеального типа».

Исходным пунктом анализа являлся факт усложнения организаций в современном обществе. Крупные предприятия, чтобы успешно функционировать, должны иметь аппарат управления, осуществляющий организацию и контроль за принятием решений, а также за их эффективность на всех уровнях. Это означает, что бюрократия имеет место во всех предприятиях и организациях, во всех сферах хозяйственной, культурной и политической жизни общества. М. Вебер подчеркивал, что бюрократическое

управление означает господство посредством знания, и в этом состоит его специфически рациональный характер, а субъекты управления – чиновники-представляют собой совокупность высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенные многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность .

Основные черты "идеального типа" бюрократии, по мнению М. Вебера, следующие:

- иерархия, то есть наличие у каждого служащего четко очерченного поля компетенции, области полномочий и ответственности за свои действия перед вышестоящим начальником;
- безличность, то есть выполнение любой работы в соответствии с определенным набором правил, исключающим произвол и фаворитизм;
- постоянство и стабильность, то есть обеспечение учреждением полной занятости служащих в течение рабочего времени, гарантий долгосрочного пребывания в должности и перспектив повышения по службе;
- экспертиза, то есть отбор служащих по профессиональным качествам и наличие специальной подготовки;
- дисциплина, правила которой едины для всех чиновников.

Реализация этих составляющих, согласно М. Веберу, становится возможной тогда, когда чиновник обособляется от собственности на средства управления, а управленческая деятельность превращается в профессию.

Совокупное функционирование этих составляющих предполагает наличие следующих достоинств:

- предвидимость результатов решений, принимаемых социальными институтами;
- рациональность бюрократического действия, то есть исключение из работы исполнителя личностных и иррациональных моментов поведения. Это обусловлено как особым положением бюрократии в иерархии

общества, так и жесткой связью с правилами функционирования всякой сложной организации; практически она является только инструментом хозяйствования;

- нивелировка социальных и экономических различий, поскольку формальное равенство перед законом и образовательные институты обеспечивают свободный и равный доступ граждан к управлению независимо от их социального и экономического положения;
- подбор кадров бюрократии на основе их образования, компетентности и деловых качеств;
- неуничтожимость бюрократического аппарата в любом буржуазном государстве, организованном на рациональных началах.

При этом «идеальный тип» отнюдь не абстрактная внеисторическая категория. Он может возникнуть только на определенном этапе развития государства, имеющего определенный тип политической легитимности. По мнению М.Вебера, существуют три основных типа легитимности:

1) авторитет «вечно вчерашнего», авторитет нравов, освященный их значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, то есть традиционное господство патриарха;

2) авторитет внеобыденного личного дара, «харизма», полная личная преданность и личное доверие, вызываемые наличием качеств вождя у определенной личности;

3) господство в силу легальности и вера в обязательность деловой компетенции, обоснованная рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил.[14]

Каждому типу легитимности соответствует определенный уровень политической организации. Политику М. Вебер определял как стремление к

[14] См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия.// Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 660 – 661.

участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти между государствами или внутри государства между группами людей.[15]

Превращение политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть, знание методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории: чиновники-специалисты и «политические чиновники». Последние отличаются тем, что могут быть в любой момент перемещены или убраны с занимаемой должности в результате изменения политической конъюнктуры.[16]

Возникновение и функционирование «идеального типа» бюрократии возможно только в государствах, имеющих третий тип легитимности, с преобладанием чиновников-специалистов, то есть в странах Западной Европы: «...Лишь Западу известна рациональная и систематическая, то есть профессиональная научная деятельность, специалисты-ученые, в том специфическом современном смысле, который предполагает господствующее в данной культуре положение прежде всего в качестве специалистов-чиновников – опоры современного западного государства и современной западной экономики».[17]

Таким образом, М. Вебер впервые рассмотрел бюрократию в качестве обязательного атрибута управления в государстве, достигшем определенного уровня развития. Кроме того, он создал модель "идеального типа", в соответствии с которым должен функционировать бюрократический механизм, и определил его черты и функции. При этом М. Вебер не рассматривал бюрократию внеисторически: он отмечал, что только в обществе, достигшем определенного уровня легитимности, может развиться идеальный бюрократический тип. Россию он к такой разновидности

---

[15] См.: там же. – С. 646.
[16] См.: там же. – С. 660 - 661.
[17] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Предварительные замечания.// Вебер М. Избранные работы. – С.46.

общества не относил, считая, что русское самодержавие – это централизованная полицейская бюрократия.[18]

Специфика ее функционирования, по мнению М. Вебера, заключается в том, что, с одной стороны, правящие круги создают и развивают социальную мифологию (которую он называл «символически рационализированной магией»). При этом правящую бюрократию характеризует глубокое презрение к всякого рода иррациональной мифологии, и вместе с те она им необходима для сохранения послушания народа и усиления влияния в обществе.[19]

С другой стороны в России сохранился ряд слоев, занимающих формально определенное место в социальной иерархии (часть дворянства, не пожелавшая стать чиновниками, либеральные земские круги – «второй элемент» и т.д.), но лишенных политического влияния внутри бюрократической машины, и стремящихся его приобрести.

Кроме того, увеличилось число «париев» – людей, находящихся вне любой иерархии, то есть маргиналов.

Эти группировки создают свою социальную мифологию (в которую, в отличие от правящих кругов, искренне верят) – «спасения», проявляющуюся в антигосударственной идеологии, призывающей к радикальному слому политического устройства и отказа от всех общественных условностей. Себя же они полагали главными действующими персонажами – «героями-спасителями».[20]

М. Вебер утверждал, что в царской России в бескомпромиссной борьбе столкнулись две мифологемы «народного счастия» - государственная, навязанная сверху, и революционно-радикальная, прорывающаяся из низов общества.[21]

---

[18] См. Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. – Киев, 1906. - С.145.
[19] См. Вебер М. Социология религии. Типы религиозных сообществ// Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. - С.145.
[20] Там же. - С.162-172.
[21] См.: Вебер М. Исторический очерк. - С.33.

По сути, М. Вебер обосновал идею двух моделей мифа – имманентную, когда субъект мифотворчества является одновременно и объектом мифовосприятия (в случае революционных кругов общества), и трансцендентную, когда субъект мифотворчества и объект мифовосприятия разделены (правящий режим и все остальное общество).

М. Вебер рассматривал бюрократию как положительное явление. Однако преимущества «идеального типа», на которые он указывал, могли обернуться недостатками, а функции бюрократии в обществе зачастую становились дисфункциями. Последователи М. Вебера, отдавая ему должное, подвергали критике идею рациональности бюрократической организации, показав, что эта рациональность является весьма ограниченной. Кроме этого, принципы, предложенные М. Вебером, не универсальны и неприемлемы для организаций различного вида и масштаба. Наконец, сведение бюрократии только до уровня механизма управления означает, что и решение проблем, с нею связанных, может быть только техническим, а не политическим, хотя, как правило, бывает наоборот.

Позиция К. Мангейма по вопросу бюрократии во многом отличалась от точки зрения М. Вебера (хотя его идеи во многом развивали веберовские).

Согласно К. Мангейму, политические воззрения реальных субъектов действия всегда релятивны и односторонни. Однако эту свою односторонность каждый из противоборствующих субъектов стремится выдать за абсолютную истину. [22]

Так происходит и с бюрократией, причем ее позиция зависит от социальных качеств бюрократии и места, занимаемого ее в обществе.

Основой мышления консервативной бюрократии, играющей в обществе центральную роль, является стремление преобразовать проблемы политики в проблемы теории управления, и тем самым гипостазировать собственную сферу деятельности, сознательно игнорируя тот факт, что

---

[22] См.: Мангейм К. Диагноз нашего времени. - М., 1994. - С. 673.

администрирование есть лишь часть всей политической действительности. При этом используется даже иррациональная сфера мышления, которую бюрократия стремится ввести в рамки повседневной государственной жизни и сделать частью идеологии.[23]

Однако на определенном этапе развития в обществе возникают группы интеллектуалов, т.е. людей, имеющих высокое образование, и вследствие этого многократно детерминированных в своем духовном развитии, не связанных ни с какими классами, осознавших свои политические интересы и четко представляющих себе свои будущие социальные позиции. Приход к власти ими планируется не как результат прямых и насильственных политических действий а, как итог действия «социальных технологий», т.е. системы научно обоснованных социально-политических акций воздействия на общество.[24]

Составной частью данной стратегии действия является создание идеологии, направленной внутрь общества с целью собственной легитимизации и одновременно дискредитации конкурирующих идеологий и социальных групп, их представляющих.

Однако, по мнению К. Мангейма, группы, нуждающиеся в самолегитимизации и не нашедшие (или еще не завоевавшие) свое место в социальной структуре, главной своей целью ставят не переустройство общества на более рациональных началах, а просто замену одной элиты на другую, чьи взгляды будут столь же релятивны.[25]

Таким образом, К. Мангейм выдвигает ряд принципиально важных в контексте нашего исследования положений:

1. бюрократия всегда стремится занять в обществе главенствующее положение;

---

[23] См.: Там же. С.102-103.
[24] См. Там же с. 673.
[25] См.: Там же. - С.122.

2. одним из средств этого является идеология, с помощью которой правящая бюрократия стремится представить свои релятивные взгляды за как абсолютную истину;

3. идеология включает в себя также иррациональные воззрения (т.е. социальную мифологию) в качестве необходимого и обязательного элемента;

4. на смену старой консервативной бюрократии приходят интеллектуалы – группы людей, имеющих высокое образование не связанные ни с какими классами в обществе, осознавшие свои политические интересы и стремящиеся их осуществить;

5. к власти они приходят с помощью социальных технологий , т.е. системы научно обоснованных социально-политических акций;

6. однако качественного скачка при смене власти не происходит – одна элита сменяет другую, т.е. интеллектуалы становятся новой бюрократией.

Еще более негативно оценивал бюрократию Н.А. Бердяев. По его мнению, бюрократия порождается процессом государственной централизации и существует в каждом обществе, выполняя по отношению к нему служебные функции управления. Однако основное противоречие бюрократии заключается в том, что она в определенный период своего развития начинает считать себя самодовлеющей силой и имеет тенденцию к увеличению своей власти и рассмотрению себя не в качестве слуги народа, а как господина, требующего повиновения.[26]

Для упрочения своей власти бюрократия использует мифы: «...власть всегда носит иррациональный характер и опирается на иррациональные верования и иррациональную эмоциональную жизнь. Государство в своем осуществлении воли к могуществу всегда нуждалось в мифах... И самое рациональное демократическое государство опирается на миф», который,

[26] См.: Бердяев Н.А. Царство духа. - С.91.

согласно Н А. Бердяеву, есть рациональное прочтение и использование коллективного бессознательного.[27]

Бюрократия существует при любом социальном строе. Революция свергает старую, консервативную бюрократию лишь для того, что бы тут же создать новую, еще более многочисленную, при этом нередко используя принципы ее организации: «Русская коммунистическая революция создала небывалую по своим размерам и силе бюрократию. Это есть образование новой буржуазии, или новой пролетарской аристократии».[28]

Таким образом, Н.А. Бердяев обосновал тенденцию сохранения и развития бюрократии как основного субъекта действия, обретения ею все больших властных полномочий при любом политическом режиме. При этом одним из основных средств воздействия ею на общество является социальная мифология, вырастающая из «коллективного бессознательного», но рационально прочитанная и использованная применительно к данному политическому моменту.

Все рассмотренные выше авторы, рассматривая и изучая негативные и позитивные качества бюрократии, были каждый по-своему правы в частностях. Однако теории бюрократии, в которой был бы дан анализ взаимодействия и противоречий бюрократии как типа власти и как типа организации, они не создали.

Такая попытка была предпринята французским социологом М. Крозье. Он считал, что главной составляющей кризиса современного общества является бюрократический кризис. Однако, по его мнению, проблема бюрократии еще не получила должного разрешения и остается идеологическим мифом нашего времени.[29]

М. Крозье считает, что, рассматривая различные стороны явления бюрократии, ученые не уделяли необходимого внимания его двойственности,

---

[27] Там же. - С.87.
[28] Там же. - С.105.
[29] Crozier M. Le phenomene bureaucratique. – Paris, 1963. - P. 234

которая в имплицитном виде намечается уже в работах М. Вебера. С одной стороны, развитие бюрократических процессов в различных сферах деятельности есть проявление рациональности, поэтому бюрократия выше других форм организации. С другой стороны, бюрократические организации процветают благодаря своим отрицательным качествам, и, прежде всего, нивелировке своих членов и низведения их до уровня винтиков.

В этой связи М. Крозье рассматривает три современные социологические трактовки бюрократии, особое внимание уделяя одной из них, которая трактует бюрократию как дисфункцию, то есть распространение рутинных и тормозящих инициативу процедур. Это обусловлено анахроничностью современных средств регуляции и контроля. Однако дисфункция – это не отклонение, а конституирующее свойство современных бюрократических организаций. Они сохраняют и усиливают бюрократию: «Бюрократическая система организации – это такая, в которой дисфункции стали главным элементом равновесия»[30].

Дисфункции, по мнению М. Крозье, возникают в ряде государств (в том числе и в России) с определенным типом власти и бюрократической моделью («архетипом управления»), где сочетается официальный иерархический тип власти и «параллельный».

Первый тип опирается на рациональные аспекты бюрократии в веберовском понимании и проявляется в тенденции регламентации поведения человека в максимально возможном числе ситуаций.

Второй тип развивается тогда, когда поведение людей трудно предвидеть, в так называемых «областях неопределенности». Он является симптомом разрушения формальных государственных структур и их неспособности справиться с возникающей ситуацией.

«Параллельный тип» берет эту функцию на себя. Тем самым он, осваивая все большее число сегментов общества, усиливает растрату

[30] Ibid. - P.257.

ресурсов в государственной бюрократической системе, чем усиливает её кризис.

Как это ни парадоксально, но, будучи явлением дисфункциональным, «параллельная власть» становится условием укрепления бюрократии в качестве ее латентной функции (то есть функции коррекции и адаптации структуры к внешним трансформациям). Постепенно «параллельная власть» становится государственной, и, в свою очередь, в противовес ей снова возникает «параллельная власть». М. Крозье называет это «бюрократическим порочным кругом», выделяя при этом ряд признаков данных кругов.

Первый из них – это безличность бюрократической модели. Она предполагает выработку как можно большего числа правил, регламентирующих функции людей во всех мыслимых ситуациях. Таким образом, сущность этого признака - полная ликвидация инициативы индивидов. В такой системе роль руководителя сводится к формальному контролю за применением правил, вследствие чего он теряет реальную власть над подчиненными. Они, в свою очередь, также лишены возможности влиять на вышестоящие органы.

Второй признак – централизация власти по принятию решений. Это означает создание дистанции между тем уровнем, на котором эти решения принимаются, и тем, на котором они воплощаются в жизнь. Тем самым резко возрастает степень защищенности более высоких бюрократических уровней.

Третий признак – это стратификация. Она предполагает возможно более полную изоляцию иерархических категорий друг от друга. Тем самым устраняется возможность взаимного давления подчиненных и руководства.

Таким образом, бюрократическая организация оказывается состоящей из слоев, разделенных барьерами и мало связанных между собой. Их объединяет только кастовость, существующая как внутри каждой из страт, так и в бюрократической иерархии в целом.

Изолируясь внутри себя, бюрократия отчуждается и от остального общества, что способствует возникновению «источников неопределенности», и их становится тем больше, чем сильнее бюрократическая структура. Фактически, укрепляясь, она создает и развивает параллельный тип власти. Это четвертый признак «бюрократического порочного круга». При этом трансформация «параллельной власти» в государственную затрагивает практически все сферы жизнедеятельности общества. Такой тип социального изменения М. Крозье называет «бюрократическим режимом развития». Он предполагает преобразование всей социальной структуры в целом, причем только тогда, когда дисбаланс в ней достигает глобальных размеров.[31]

Однако последующая реконструкция общественных отношений вновь приводит к усилению бюрократии. Возникает «новое бюрократическое равновесие», состоящее из длительных периодов стабильности и затем мгновенной трансформации в виде взрыва или мощной деформации, меняющей бюрократические персоналии, ряд правил, одиозные группы политического режима, но оставляющей без изменений (и даже укрепляющей) саму бюрократическую организацию.

При этом с индивидами в ситуации быстрой социальной деформации происходит то, что М. Крозье назвал «кризисом идентичности». Под ним он подразумевал утрату прежде существовавших социально-психологических и нравственных ориентиров и потерю психологического равновесия, то есть фактически переход в маргинальный слой общества. Вслед за датским ученым Э. Эриксоном, М. Крозье выделял «персональную идентичность» - стремление индивида к сохранению психологической самотождественности, и «коммунальную идентичность», то есть включенность индивидуального бытия в некоторую человеческую общность и разделение с ней

[31] Ibid. - P. 257 – 258.

господствующих социальных ценностей на определенном этапе человеческой истории.[32]

Говоря о реально существующих типах бюрократии, М. Крозье выделяет три ее разновидности:

1) бюрократия, зависимая от потребителя и руководствующаяся его интересами (администрация заводов, учреждений). Она, в силу своего положения, должна быть относительно прогрессивной;

2) бюрократия, зависимая от политических лидеров;

3) корпоративная бюрократия, независимая и от потребителя, и от лидера. Её главная задача – расширение собственного влияния.[33]

По мнению М. Крозье, третий тип был присущ России, где практически всегда доминировал бюрократический режим развития, а его конституирующим свойством была дисфункция, то есть распространение рутинных и тормозящих инициативу и самостоятельность процедур, а так же тотальное внедрение мифологии, отвечающей интересам данного режима. В такого рода государствах наряду с функционированием официальной иерархической власти в латентной форме существовала и «параллельная власть», внедряющая в общество свой вариант социальной мифологии.

Когда дисбаланс в официальной системе достигает глобальных размеров, происходит ее трансформация, причем функции управления берет на себя «параллельная власть», переходя из латентной формы в открытую и тем самым конституируясь в качестве официальной. При этом социальная структура может подвергнуться радикальным изменениям. Возникающая в противовес новой официальной власти «параллельная» отнюдь не формируется только из остатков прежней официальной власти, но может носить инновационный характер.

Личность в такого рода бюрократическом хороводе периодически маргинализуется, стремясь при этом как можно быстрее обрести утраченную

---

[32] Ibid. - P. 258
[33] Ibid.

"коммунальную идентичность» (пусть даже иллюзорную) и включиться в новую социальную общность, пусть даже путем отказа от прежних норм и ценностей, и принятия новой социальной нормы, предлагаемой пришедшими к власти субъектами политического действия.

Подведем некоторые итоги. Резюмируя изложенные выше точки зрения на бюрократию, можно сделать следующие выводы:

1. Бюрократия – это самостоятельный социальный слой, возникающий на определенной стадии развития общества и проходящий определенные этапы становления. Он имеет ряд признаков и функций и подразделяется на типы.

2. Бюрократия может играть позитивную или негативную роль в зависимости от доминирования того или иного типа в обществе; как правило, наиболее несовместимой с потребностями общества является корпоративная бюрократия, независимая и от производства, и от политического лидера.

3. Негативная роль бюрократии заключается в превалировании ее собственных интересов над общегосударственными и постоянном стремлении к обретению полноты власти. Тогда функции бюрократии оборачиваются дисфункциями и, как одно из следствий, возникает феномен «параллельной власти», которая становится официальной в результате социального взрыва и радикальной деформации всех структур общества, исключая саму бюрократию, внутри которой меняются персоналии и ряд второстепенных функций, но сама она, как социальный слой, только укрепляется.

4. В обществах с «бюрократическим ритмом развития» (в том числе и в России), где дисфункции становятся конституирующим принципом, главенствующее место занимает корпоративная бюрократия; на этапе радикальной деформации такого общества её сменяет

«политическая бюрократия», которая затем сама трансформируется в корпоративную.

5. Человек в таком обществе с периодически разрушаемой социальной структурой попадает в кризис «коммунальной идентичности» и становится маргиналом. При этом он стремится как можно быстрее сделаться членом вновь возникающей (пусть даже иллюзорной) социальной общности, зачастую пересматривая свои прежние нравственные нормы, этические ценности и политические убеждения.

6. Одним из основных средств воздействия бюрократии как политического субъекта действия на общество является социальная мифология, выполняющая полифункциональную роль. Правящая бюрократия использует социальную мифологию для упрочения своего положения и представления себя в качестве единственной силы, укрепляющей и стабилизирующей государство.

В свою очередь, политические группировки , желающие занять место правящей бюрократии, с помощью социальной мифологии внедряют свой позитивный образ как созидающей силы нового справедливого общества.

Кроме общих, бюрократия каждой страны имела свои политические особенности. Не стала исключением и Россия. Становление ее государственности означало прежде всего формирование мощного бюрократического аппарата, проходящего ряд этапов развития, и на каждом из них обретающего все большую полноту власти, становясь не столько механизмом управления, сколько самостоятельным субъектом исторического действия.

Каждой из исторических разновидностей российской бюрократии были присущи свои формы социальной мифологии. Соответственно, мифологема «интеллигенция» возникла как закономерное, исторически обусловленное следствие становления очередной разновидности российской бюрократии –

бюрократии политической. Для доказательства этого обратимся к истории становления и развития российской бюрократии как самостоятельного субъекта действия.

Кроме рассмотренных выше, бюрократия различных государств имела свои специфические особенности. Не стала исключением и Россия. Становление ее бюрократического аппарата отличалось своеобразием и влияло на развитие государства, формируя его социальные институты. Сопутствующим фактором стало появление социальной мифологии, облегчавшей приход к власти очередной бюрократической группы. В частности так произошло и с «интеллигенцией», явившейся, по нашему мнению, мифологизированной формой исторического развития российской бюрократии. Для доказательства этого обратимся к истории её становления и развития.

Глава 2. Особенности становления субъектов мифотворчества в России

§ 1. Этапы развития субъекта статического мифа власти - бюрократического аппарата самодержавия

Одной из особенностей политического устройства допетровской («московской») Руси был плюрализм власти, многообразие её форм, среди которых было и Вече, то есть прямое народное правление мирского схода. Оно предполагало выборность и подотчетность должностных лиц, а также соблюдение принципа большинства в принятии решений. Наиболее развитые формы народное правление получило в Новгородской республике. Там имелась гибкая и разветвленная выборная система, функционировала Вечевая изба во главе с дьяком, в которой велись городские дела. Решения вечевых собраний считались действительными только при утверждении их представителями всех «концов» города и архиепископом (также избиравшимся вечевым собранием).

В селе аналогом Вече был сельский мир, мирской сход. Он просуществовал вплоть до конца XIX в., хотя постепенно стал низовой общественной организацией с весьма ограниченными полномочиями.[1]

Однако считать Вече истинным воплощением народной воли было бы преувеличением. Как показал В.Л. Янин, в действительности оно представляло собой заседания боярско-купеческих верхов города, то есть было выражением не демократии, а олигархии.[2]

Это отмечал и П.Я. Чаадаев, говоря о том, что среди разнообразных форм национального существования России можно «...усмотреть и выборное начало, слабое, неопределенное, бессильное..., это выборное начало,

---

[1] См.: Страхов А.П. Глубокие корни (выборное начало и российская государственность) // Свободная мысль. – 1999. - № 5. – С.108.

[2] См.: Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований.// Новгородский исторический сборник 1 (11). – М., 1982.- С.93.

наконец, столь ничтожно, что наша история упоминает о нем как будто лишь для того, чтобы показать его ничтожность».[3]

Эволюция власти шла от вечевых традиций к самодержавию. Внешнеполитические обстоятельства требовали концентрации сил и мобилизации значительных людских и финансовых ресурсов. Поэтому тенденцией развития российского государства стало подавление общественной автономии ради целостности и могущества державы. В 1478 г. царь Иван III упразднил вечевые порядки в Новгороде, а чуть позже в Пскове и Вятке.[4]

Кроме того, реальный плюрализм власти возможен только при наличии реального плюрализма идеологии. Российское же государство строилось как идеократическое, где господствовали православные идеи, в отличие от западных обществ, которые строились как номократические, где господствовал закон.

Это способствовало развитию социальной мифологии, причем, по мнению, А.А.Левандовского, власть на протяжении столетий власть использовала один и тот же миф, основанный на архетипе власти.

Миф о власти начинает оформляться в конце XV – начале XVI вв., в процессе завершения единого и централизованного государства. Этот процесс, затрагивавший все стороны жизни общества – сферу внешней и внутренней политики, социальных и экономических отношений, с неизбежностью сказался и на идеологии.

Российским правителям необходимо было обосновать свое самодержавие. Поэтому в начале XVI века создается «Сказание о князьях Владимирских», утверждавшее вековечность московской династии, и возводившее ее происхождение в Древний Рим, к императору Августу. В это

[3] Чаадаев П.Я. Полн.собр.соч. и избр.письма. – М., 1991. – Т.2. – С. 96.
[4] См.: Страхов А.П. Цит.соч. – С.109.

же время Иосиф Волоцкий разрабатывает теорию божественного происхождения царской власти, созданной по подобию небесной.[5]

В посланиях старца Филофея Москва провозглашалась Третьим Римом, а московское государи – преемниками византийских императоров в святом деле защиты истинной христианской веры. Иван Грозный не только реализовал эти идеи на практике, венчавшись на царство и став кесарем, но творчески развил их в переписке с князем Курбским, рассматривая любое сопротивление царской власти как оскорбление Божьей воли: «Мы, смиренный Иоанн, царь и Великий князь всея Руси по божию изволению, а не по многогрешному человеческому хотению»[6].

Он также логически обосновал и закрепил в сознании народа идею равенства всех граждан, вне зависимости от сословной принадлежности, перед верховной властью.[7]

Таким образом, самодержавие в процессе своего становления декларировало самое себя в качестве источника высшей справедливости. Это выразилось в возникновении мифологемы, согласно которой царская власть есть нечто извечное, освященное Божьей волей, в соответствии с которой царь – наместник бога на земле – вел своих подданных по особому, богом избранному и, следовательно, единственно верному пути, побеждая внешних врагов, собирая разрозненные земли, и заботясь не об отдельных привилегированных сословиях, а обо всем народе в целом.

В реальности же это означало создание мощного бюрократического аппарата, который мог бы управлять страной, сообразуясь с данной мифологемой.

В связи с этим в обществе усиливается значение приказной (то есть назначаемой сверху) бюрократии, заполнявшей собой управленческие ниши на месте прежнего самоуправления, используемой властью, во-первых, в

---

[5] См.: Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. – М., 1972. С.134-135.
[6] Цит. по Кл.ючевский В.О. Исторические портреты. – М., 1990. С.104.
[7] См.: Левандовский А.А. Оружие мифа: миф как средство легитимизации власти в России // Свободная мысль. 2001. № 8. С. 103.

качестве инструмента для проведения административной унификации, а во-вторых, в качестве субъекта внедрения социальной мифологии.[8]

По мнению Н.Ф. Демидовой, с середины XVI в. начинается первый период формирования российской бюрократии – служилый. Для него были характерны следующие особенности:

- тесная связь нарождающейся бюрократической группы со служилым сословием в целом; об этом свидетельствует общее обеспечение службы поместьями;
- формирование в качестве специальной группы (приказных людей) только низшего звена гражданской администрации;
- обособление среды, из которой формируются кадры приказных людей, и укрепление принципа наследственности административных должностей;
- образование иерархии должностей.

Численность аппарата государственных служащих в центре и на местах выросла почти в три раза. Причем большинство дьяков и подьячих было сконцентрировано в московских приказах.[9]

Однако нет оснований считать, что бюрократия этого времени была уже самостоятельным и сформировавшимся социальным слоем, поскольку, во-первых, у нее отсутствовали многие признаки бюрократии «идеального типа», и прежде всего – специальное образование.

Во-вторых, создавая новые органы централизованного управления на значительных территориях с большой численностью населения, государство было вынуждено привлекать выборных представителей местных общин в связи с элементарной нехваткой служащих. Поэтому до конца XVII в. в развитии государственных учреждений сосуществовали две тенденции. С одной стороны, в России ускоренными темпами

---

[8] См.: История России: народ и власть. – Спб., 1997. - С. 235-236.
[9] См.: Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв.// Абсолютизм в России (XVII-XVIII). – М., 1964. – С. 220.

формировалась централизованная властная вертикаль с деспотическим управлением.

С другой стороны, низовые организации общества еще сохраняли традиции самоорганизации, управляемой выборными людьми. В эпоху Ивана Грозного выборное самоуправление даже получает законодательное закрепление и развитие.

Таким образом, в политической организации Московской Руси шла борьба двух принципов: державного и выборного. Одной из завершающих попыток реализации последнего стали Земские Соборы XVI-XVII вв. Они были призваны определить общую волю всех сословий государства в делах особой важности.

Земские Соборы возникли в царствование Ивана Грозного. В эпоху Михаила Романова они проходили так часто, что их участники стали постоянными делегатами. Всего историкам известно о 57 соборах. Три русских царя (Борис Годунов, Василий Шуйский и Михаил Романов) были избраны соборами.[10]

Однако идея соборов как учреждений с функциями управления всероссийского масштаба и ограничения самодержавия так и не реализовалась.

Основной причиной этого была сама цель созыва Земского Собора. Если развитие представительных учреждений в странах Западной Европы было обусловлено необходимостью компромисса частных интересов, то русское политическое сознание искало объединяющую государство истину, которая подчинила бы все частные интересы, став универсальной и самодостаточной, т.е. мифологему власти.

Таким образом, Земские Соборы явились предпосылкой для усиления самодержавной власти, что отмечал Л. Тихомиров, рассматривая Собор 1613 г.: «Торжество самодержавия характеристично

[10] См.: Черепнин Л. В. Земские Соборы русского государства в XVI-XVII вв. – М., 1978. – С.64 – 65.

тем, что оно было произведено земской Россией в борьбе против русского аристократического начала и русского же демократического. Россия земская, то есть именно национальная, выражающая типичные особенности национальности, отвергла в Смуте все другие основы, кроме самодержавной, и воссоздала ее в том же виде, в каком рисовалось оно Иоанну Грозному, и в той земской России, которая свою культурно-государственную жизнь строила на правильном мировоззрении».[11]

Тем не менее, Московское царство еще не являлось абсолютной монархией, и народ (то есть непривилегированные разряды населения), по мнению Б.Н. Миронова, тоже являлся субъектом государственного управления.[12] Кроме того, становлению абсолютизма препятствовали следующие причины:

- наличие учреждений и институтов, ограничивающих власть монарха;
- важная роль светских законов в управлении и в суде;
- источником права являлась не только воля монарха, но также уставы и указы Боярской Думы, церковные законы и т.д.;
- слабое развитие регулярной армии и бюрократии, как аппарата управления и как субъекта мифотворчества;
- отсутствие государственного регулирования экономикой, существование церковной и вотчинной собственности, относительно слабое развитие рабства;
- действия и решения верховной власти требовали той или иной формы легализации и санкционирования со стороны общества.[13]

Однако постепенно Россия из сословно-представительной монархии становится абсолютной. Как отмечал С.М. Троицкий, этот переход, начавшись в XVII столетии, в основном завершился в первой четверти XVIII в., когда произошло фактическое и юридическое оформление

---

[11] Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М., 1998. – С. 244.
[12] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XIII – начало XX в.) - СПб., 2000. - Т.2. – С.124.
[13] См.: там же. - С. 126.

неограниченной власти монарха и были созданы институты, на которые тот опирался: регулярная армия и флот, централизованная фискальная система и бюрократический аппарат управления.[14] «Московский период» власти сменился «петербургским». При этом, по мнению Г.П. Федотова, из петербургской императорской власти возник абсолютизм, еще небывалый в истории. Его основным отличием от абсолютистских режимов Запада было религиозное отношение к власти и ее носителю (неважно, с положительным или отрицательным знаком – царь-богоносец или царь-антихрист).[15] Таким образом, с этого времени социальная мифология стала важным отличительным атрибутом российского абсолютизма. Это обеспечивало «тайну» власти и облегчало переход к мобилизационному пути развития – второй отличительной черте российского абсолютизма, необходимость которого была обусловлена тем, что страна под влиянием внешних факторов, в частности, постоянной угрозы войны (только за период с 1228 по 1462 гг. произошло 160 внешних войн) периодически попадала в условия кризиса, выйти из которого можно было только с помощью чрезвычайных мер, сознательного и насильственного вмешательства в механизмы функционирования общества. [16]

Мобилизационный путь развития имел следующие черты и признаки:

- доминировали политические факторы в определении целей развития;
- цели развития государства, как правило, опережали социально-экономические возможности страны;
- реализация этих целей осуществлялась по принципу их приоритетности, что позволяло концентрировать ресурсы и усилия на главных направлениях;

---

[14] См.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974. – С. 24.

[15] См.: Федотов Г.П. Революция идет.// Судьбы и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). – СПб., 1991. – Т. 1. - С. 128 – 129.

[16] См.: Ключевский В.О. Соч. - М., 1957. – Т. 2. – С. 47.

- государство создавало прежде всего те учреждения и институты, которые способствовали максимально быстрым достижениям поставленных целей;
- оно вмешивалось также в развитие социальной структуры российского общества, формируя её в зависимости от своих потребностей;
- необходимость интенсивного функционирования государственной системы предполагала применение внеэкономических механизмов и прежде всего принудительного крепостного труда;
- отсутствие гражданских институтов контроля за властью обусловило возникновение и развитие мощной бюрократической системы управления, постепенно охватывающей все сферы жизнедеятельности общества и становящейся субъектом мифотворчества.

Периодический распад социальных общностей и раскол культуры на два течения – государственно-универсалистское и православно-народное - привел к поляризации ценностей различных социальных групп и к возникновению феномена двоевластия, которое в России не было связано с определенным историческим этапом, но являлось постоянным атрибутом общества, существующим в имплицитной форме и проявляющимся в кризисных, переломных ситуациях. При этом каждая из противоборствующих сторон стремилась стать единственной социальной целостностью, перенимая, тем не менее, многие черты противника.[17]

Официальная мифология власти с этого времени приобретает статический характер и постепенно становится трансцендентной (т.е. субъект мифотворчества – царский аппарат управления, и объект мифовосприятия – все остальное общество, разделены, и процесс мифологизации идет только от субъекта к объекту).

Народное же сознание с этого периода начинает искать свою собственную имманентную мифологию, враждебную официальной. На первых порах попытки ее создания осуществлялись в рамках религиозного

[17] См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – М., 1991. – Т. 3. – С. 322 – 323.

сознания и во многом копировали официальную мифологию (поэтому народные восстания того времени возглавлялись людьми, всегда выдававшими себя за царя).

Наиболее полно все эти признаки проявились в эпоху царствования Петра I. В основу его революции «сверху» легла идея модернизации России по европейским образцам в кратчайшие сроки. Радикальной реформе подвергся государственный аппарат, причем при ее проведении Петр I руководствовался принципом камеранизма, то есть введения бюрократического начала.

По мнению Н.Ф. Демидовой, складывание бюрократического аппарата абсолютистского государства шло по двум направлениям:

1. Создание системы управления со сложной структурой подчиненности учреждений, строгим разделением функций управления, единоличным решением вопросов при коллегиальности их подготовки; системы, приводившей к господству канцелярии, в которой главным была бумажная переписка, а не само дело.

Развитие государственного аппарата шло через переходную ступень приказной системы централизованного государства до разветвленной системы учреждений абсолютистского управления коллежского и министерского типа.

2. Создание привилегированного круга лиц, осуществлявших это управление, то есть слоя чиновничества, подчиненного только верховной власти, целиком зависевшего от нее в своем служебном положении и имущественном обеспечении. Чиновничья каста пользовалась привилегиями власти, однако формально не входила в ее состав, что придавало бюрократическому аппарату видимость независимости. При этом устойчивой тенденцией развития бюрократии было ее стремление выйти из-

под контроля верховной власти и стать самостоятельной социальной силой, привилегированным слоем. [18]

Важной вехой в становлении бюрократии как самостоятельного социального слоя стало принятие в 1722 г. «Табели о рангах всех чинов воинских, штатских и придворных», предусматривавшей 14 классов (или рангов), в соответствии с которыми проходила карьера любого дворянина или мещанина. В её основу был положен бюрократический принцип личной выслуги, последовательного продвижения по служебной лестнице, заменившей собой аристократический принцип знатности. «Табель о рангах» разделила все гражданские должности на две категории. Первую составляли должности собственно административного значения, вторую – делопроизводители. Только первая категория была включена в иерархию чинов «Табели» и получила название чиновников, вторая оставалась канцелярскими служащими. Занятие любой классной должности в системе государственных учреждений становилось невозможным, если претендент не является чиновником.

В свою очередь, чиновники были разбиты в «Табели» на три категории. Принятие на службу в гражданское ведомство определялось теперь тремя условиями: сословным происхождением, возрастом и уровнем знаний.[19]

Реформируя государственный аппарат, Петр I ставил задачу создания принципиально нового **механизма** управления. Однако формирующийся бюрократический строй постепенно стал приобретать функции **субъекта** управления. Народ же, по мнению Б.Н. Миронова, был разжалован в объект управления.[20] Этому способствовала проводимая монархом политика в отношении существовавших тогда сословий. По мнению Х. Баггера, абсолютистский режим в России во всем, что касалось его роли и воздействия на жизнь общества, занимал иную позицию, нежели

---

[18] Демидова Н.Ф. Указ соч. - С. 206.
[19] Демидова Н. Ф. Указ.соч. – С. 222 – 223; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX. в. – М., 1978. – С.24.
[20] См.: Миронов Б.Н. Указ.соч. - С.133.

абсолютистские режимы большинства стран Западной и Центральной Европы. В России государство формировало социальную структуру в зависимости от потребностей.[21]

В допетровской Руси было по крайней мере три активных и перспективных сословия – дворянство, духовенство и купечество. Они имели голос на Земских Соборах, дворянство и духовенство – и в царском совете. Впоследствии они могли трансформироваться в мощные и влиятельные, значимые политически социальные слои. Однако при Петре I купечество, по мнению Г.П. Федотова и ряда других исследователей, было оттеснено к «черным», податным сословиям и не играло сколько-нибудь значительной роли в политической жизни страны, не став прообразом среднего класса.[22]

Духовенство же было включено в общую систему государственной администрации. «Московской» модели оцерковленного государства Петр I предпочел модель огосударствленной церкви, поскольку видел в ней удобное полицейско-духовное орудие управления народными массами. Поэтому он провел церковную реформу и подчинил церковь государству. В 1724 г. создается особая духовная коллегия – Синод с президентом, вице-президентом и другими членами, причем их назначал сам царь из числа преданных ему духовных иерархов. Над Синодом надзирал обер-прокурор, как правило, светский человек их среды гвардейских офицеров, также из ближайшего окружения Петра I.

Церковь была ущемлена и экономически, поскольку у нее отняли право распоряжаться земельными богатствами.

Было введено принудительное и строго контролируемое причащение всех православных. Священники обязаны были вести «Клировые ведомости», отмечая в них присутствие или отсутствие прихожан на исповеди и причащении. Эти сведения передавались затем в политическую полицию.

---

[21] См.: Баггер Х. Реформы Петра Великого. – М., 1985. – С.36.
[22] См.: Федотов Г.П. Указ.соч. – С. 133.

Через Синод была отменена тайна исповеди. Приходских священников обязали сообщать в Преображенский приказ (впоследствии - в Тайную канцелярию), ведавший политическим сыском, о признаниях, полученных на исповеди и затрагивавших интересы государства.[23]

Таким образом, церковь, утратив функцию альтернативы государственной идеологии, инкорпорировалась в систему государственной власти и стала служительницей светских правящих органов, и, соответственно,ее идеология была подчинена социальной мифологии, исходившей от абсолютистского режима.

Именно церковная реформа, по нашему мнению, стала впоследствии одной из главных причин возникновения двоевластия («параллельной власти» по М. Крозье) и трансформации политических доктрин (в частности социализма) в особую светскую разновидность религии.

Социальным слоем, больше всего выигравшим от реформ Петра I, стало дворянство. С одной стороны, «Табель о рангах» создала для определенной части населения, прежде служилого сословия, предпосылки вертикальной мобильности. Лица, поступающие на государственную службу, становились дворянами при получении ими очередного чина или ордена.

Следовательно, дворянство возрастало за счет чиновников. Около 47 % чиновников стали дворянами на государственной службе (хотя 85% из них получили только личное дворянство). При этом доход большинства из них состоял из полученного от казны жалованья.[24]

С другой стороны, регламентируется и положение верхнего слоя управленческого аппарата. В основу продвижения по служебной лестнице высшего чиновничества был положен бюрократический принцип личной выслуги вместо прежнего принципа значимости.[25]

---

[23] См.: Черкасов П.П. , Чернышевский Д.В. История императорской России. – М., 1994. - С. 75 – 76.
[24] См.: История России: народ и власть. – СПб., 1997. – С.321.
[25] См.: Демидова Н.Ф. Указ.соч. – С.222.

Таким образом, в результате реформ Петра I, дворянство, во-первых, возрастает численно за счет притока служилого сословия. Во-вторых, часть высшего дворянства становится бюрократией. Начинается второй период складывания бюрократии в России – дворянский. По мнению Н.Ф. Демидовой, для него характерны следующие особенности:

1) вдвое увеличивается численность служащих государственного аппарата;

2) усложняется иерархическая подчиненность должностей;

3) изменяется принцип вознаграждения за службу, служилые и поместно-денежные оклады заменяются постоянным денежным жалованьем;

4) часть дворянства, становясь государственными служащими высшего и среднего звеньев гражданской администрации, оформляется в бюрократическую группу.[26]

Однако чиновничья служба еще сохраняет свой прежний сословный характер. К тому же, по мнению В.О. Ключевского, «центральное управление не стало аристократическим по социальному составу, ни бюрократическим по деловой подготовке», а люди, которые им занимались, были еще не профессионалами, а «импровизированными администраторами».[27]

Поэтому дворянство в эпоху Петра I еще нельзя назвать господствующим социальным слоем, поскольку оно было непрофессионально, подчинено самодержавию, зарегламентировано и обязано служить до «гробовой доски». Однако за период с 1720 по 1785 гг. обязанности дворянства по отношению к государству сокращаются до минимума, а права и привилегии значительно расширяются. Так, в 1726 г. за дворянством закреплено право продажи продукции собственных хозяйств; в 1730 отменен Указ о единонаследии, следствием чего стала концентрация

[26] См.: Там же. – С.236.
[27] Ключевский В.О. Исторические портреты. - С.233.

земель в руках крупнейших владельцев-латифундистов; в 1736 г. срок службы дворянства сокращается до 25 лет; в 1739 г. подтверждается монопольное право дворян на владение «крещеной собственностью», то есть крестьянами; в 1762 г. купечеству окончательно запрещается покупать крестьян к заводам; в том же году издается «Манифест о вольности дворянства», отменяющий обязательную военную или государственную службу.[28]

Одновременно происходит процесс окончательной утраты свобод крестьянством и полное его закрепощение. В 1736 г. помещикам разрешили самим определять меру наказания за побег крестьян; в 1747 – продавать крестьян в рекруты, в 1760 – ссылать их в Сибирь, а в 1765 – на каторжные работы.[29]

Наконец, в 1785 г. была издана «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», систематизировавшая все права и привилегии, полученные дворянами в XVIII в. В ней подтверждалась вольность дворянства от обязательной государственной службы, свобода от уплаты податей и т.д. Вместе с тем подтверждались исключительные права на владение населенными имениями, то есть землей и крестьянами. Дворянина имели право судить только равные ему. Имения дворян не подлежали конфискации, даже если владелец оказывался преступником, - они передавались его наследникам. Так же за дворянством закреплялось право заниматься торговлей, иметь в городе дома, строить промышленные заведения.

Важным пунктом «Грамоты» была кодификация дворянского самоуправления, в результате которой стимулировалось поступление на государственную службу высшего дворянства, обладающего значительным доходом. В то же время от дворянской корпорации отсекалось разорившееся

---

[28] См.: История России с начала XVII до конца XIX в. – М., 1996 . – С.151.
[29] См.: там же. – С.150.

дворянство.[30] В итоге дворянство юридически оформляется как привилегированное сословие.

Узко сословная политика тормозила развитие буржуазии. По мнению Л.Н. Панкратовой и других ученых, результатом мобилизационного пути развития стало закрепление косной и искусственно сужаемой социальной структуры, что препятствовало нормальному экономическому развитию и обрекало Россию на отсталость в будущем.[31]

В перспективе дворянство имело реальную возможность выйти из-под опеки самодержавной власти и превратиться из относительно малочисленного социального слоя, составлявшего к концу XVIII в. 223 тыс. человек, или 0,6 % всего населения России, в правящий класс.[32] По мнению Г.П. Федотова, только дворянство являлось в XVIII в. носителем государственной власти и государственной идеи.[33] Однако этого не произошло по ряду причин.

Во-первых, как отмечали некоторые исследователи, сословия в России не были организованы политически, у них отсутствовал опыт совместной борьбы за свои права.[34]

Во-вторых, у дворянства не имелось объединяющей идеологии, не было продуманной альтернативы самодержавному строю, хотя попытки ее создания были. Поскольку религиозность дворянства стала формальной, она, стремясь заполнить опустевшую духовную нишу, создало свои формы социальной мифологии.

Такой формой стало масонство, которое, как отмечал Н.А.Бердяев, есть мифотворчество, порожденное известного рода аффектами и эмоциями. Однако, поскольку его теоретическая и историческая проблематика требовала соответствующей подготовки, которой у дворянства не было, оно

---

[30] См.: Там же. – С.224.
[31] См.: Баггер Х. Указ.соч. – С.80; История России с начала XVIII до конца XIX в. – С.352.
[32] См.: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С. 264.
[33] См.: Федотов Г.П. Указ.соч. – С.132.

увлекалось формально обрядовой стороной этого течения. Один из первых русских масонов, Н.И.Новиков отмечал, «покуда упражнялись в английском масонстве, то ... играли как игрушкою, ... принимали всякого без разбору, говорили много, а делали мало» [35].

Тем не менее даже робкие попытки создания мифологии, отличной от официальной, вызвали резкое противодействие властей, следствием чего стал разгон Екатериной II всех их организаций, конфискация библиотек, и тюремное наказание Н.И.Новикова.

В-третьих, несмотря на то, что дворянство в результате обретения им полноты привилегий сделалось крупнейшим владельцем «крещеной собственности», оно не стало и «экономической силой», поскольку использовало крепостной труд и было объективно заинтересовано в сохранении прежнего государственного уклада и косной социальной структуры.

К тому же слишком большое число льгот и вольностей в ущерб государственным обязанностям очень быстро превратило дворянство в пассивный и разлагающийся слой. Поэтому, продолжая играть определенную роль в жизни России, оно постоянно теряло свой вес и значимость в обществе.

Следовательно, в XVII - XVIII вв. социальная структура российского общества формировалась, во-первых, искусственно, во-вторых, хаотично, так как этот процесс осуществлялся исходя из потребностей мобилизационного пути развития и зависел от сиюминутных практических потребностей. Поэтому одни сословия пользовались благосклонностью монарха и имели преимущественную поддержку; развитие же других тормозилось. В результате такого насильственного слома социальной структуры в России

---

[34] См. например: Баггер Х. Указ соч. – С.66 – 67; Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). – М., 1981. – С. 63; Троицкий С.М. Указ.соч. – С. 365 – 366.

[35] Цит. по: Байбурова Р.М. Московские масоны эпохи Просвещения – русская интеллигенция XVIII века // Русская интеллигенция. - С.246.

образовалась огромная маргинальная масса бесправного населения и только один слой, который в перспективе мог претендовать на главенствующее место в управлении государством. Это была часть дворянства, ставшая бюрократией.

С конца XVIII в. начинается третий этап формирования бюрократии в России - чиновничий.

В то время в России с населением 40 млн.человек насчитывалось около 10,5 тыс.чиновников (из них в высшем и центральном аппарате 4,8 тыс.человек, в местном 7,7 тыс.человек) и примерно столько же канцеляристов, что было явно недостаточно (у 26-миллионной Франции было более 90 тыс.чиновников).[36] Прием чиновников на государственную службу осуществлялся по принципу фаворитизма, от них не требовалось никакого образовательного ценза, не говоря уже о профессиональном.

Сама организация власти уже не соответствовала требованиям времени. По мнению С.В. Мироненко, государственные учреждения, возникавшие в течение длительного времени и без четкого плана, не имели ясно очерченной сферы деятельности и не знали пределов своей компетенции. Структура государственных органов была неопределенной, их функции постоянно смешивались и изменялись, зачастую дублируя друг друга.[37]

Поэтому XIX век начинается с очередных реформ государственного аппарата. В их основу был положен принцип бюрократического централизма, представлявшего собой, по мнению Н.П. Ерошкина и ряда других авторов, завершающую форму организации и деятельности крепостной монархии.[38] Несмотря на то, что Александр 1 «Манифестом» от 2 апреля 1801 г. восстановил действие «Жалованной грамоты дворянству» во всей полноте, тем самым подтвердив, что оно остается привилегированным социальным

---

[36] См.: История России: народ и власть. – С.372.
[37] См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М., 1989. – С.28.
[38] См.: Ерошкин Н. П. Указ.соч. – С.87; Историки спорят: 13 бесед. – М., 1989. – С.434.

слоем, все последующие действия власти были объективно направлены на расширение социальной базы бюрократии, повышения уровня ее профессионализма и компетенции, а также усиление ее влияния в обществе.

В 1804 г. начинает создаваться система высших, средних и низших учебных заведений: университеты, губернские гимназии и уездные училища. В 1809 г. выходит указ, в соответствии с которым производство в чины на гражданской службе запрещается без представления университетского диплома или сдачи специального экзамена.

1 января 1810 г. открывается Государственный Совет – прототип верхней палаты парламента, назначаемый царем. Предполагалось также создание нижней выборной палаты, но эти планы так и остались нереализованными.

В Государственный Совет входили 42 человека. Все его члены, кроме М.М. Сперанского, были потомственными дворянами, 36,4 % имели графские и княжеские титулы, 31,8 % - придворное звание. При этом 81,8 % получили только домашнее образование, сводящееся, как правило, к знанию грамматики и четырех правил арифметики. Подавляющее большинство в Совете было крупнейшими и крупными помещиками.

Органом, фактически дублирующим Государственный Совет, был Сенат, созданный еще при Петре I в 1711 г. вместо Боярской думы. В нем заседали 102 сенатора, 97 % из которых были дворянами, 85 % имели домашнее образование.

Кроме того, в Российской Империи было 50 губернаторов, также в большинстве своем аристократов, 76 % из которых получили домашнее образование, и 120 председателей губернских палат, 86, 7 % из которых – потомственные дворяне, 76 % - с домашним образованием.[39]

Таким образом, правящая верхушка российской бюрократии была вполне однородной по происхождению и образованию (а также по

[39] См.: Мироненко С.В. Указ.соч. – С.47-57.

вероисповеданию и возрасту). Однако значительная часть средних и низших чинов бюрократического аппарата отличалась от правящей верхушки. Во-первых, для большинства из них государственное жалованье было единственным источником доходов. Во-вторых, они мели необходимый минимум профессионального образования. Как отмечал историк М. Раев, с первой четверти XIX в. в России «все специализируется, все становится профессиональным, включая – а это огромное новшество – главное занятие верхов, государственную службу».[40]

Следовательно, основная часть бюрократического аппарата превращалась, в силу своего материального обеспечения и служебного положения, в сплоченную и влиятельную группу, формально служащую царю, но преследующую свои собственные интересы. Это облегчалось еще и тем, что в условиях отсутствия гражданских институтов, контроль осуществлялся лично императором, который, естественно, не мог уделить должного внимания работе всех звеньев бюрократического аппарата.

Кроме того, функции государственных учреждений не были определены с достаточной полнотой, что также затрудняло контроль за их деятельностью.

К началу 20-х гг. XIX в. окончательно определился разрыв между назревшими потребностями развития империи и устаревшей идеологией петровской модернизации. Попыткой его преодоления стало движение декабристов, кульминацией и одновременно развязкой которого стало «стояние» на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Оно было первым политическим выступлением дворянства и в то же время его «лебединой песней». Политическим оно было потому, что ставило своей целью захват власти, имело определенную организационную структуру и лидеров из своей среды, а также программы дальнейшего переустройства страны. Однако оно потерпело поражение по следующим причинам.

---

[40] Цит. по: История России: народ и власть. – С.385.

Во-первых, декабристы не нашли реальной поддержки со стороны своего сословия, утратившего к тому времени лидирующую роль в обществе (как отмечал Г.П. Федотов, они завершители старого века, но не зачинатели нового).[41] По мнению Л.Д. Троцкого, движение декабристов не было сословно-классовым, они пытались *заместить* собой отсутствующие зрелые классы.[42]

Во-вторых, декабристы не имели в своей среде профессионалов-организаторов, структура подпольных обществ была слишком рыхлой и недостаточно законспирированной.

В-третьих, внутри самой организации имелось два течения – умеренно-либеральное и радикально-деспотическое, каждое из которых предлагало свой путь переустройства России. Если умеренные либералы не желали кровавых катаклизмов и стремились к постепенным реформам, ограждающим государство от потрясений, подобных Французской революции (то есть фактически к конституционной монархии с сохранением помещичьего землевладения), то радикальная программа Пестеля предполагала установление деспотической диктатуры, охраняемой 113 тыс. жандармов (в 30 раз больше, чем потом завел Николай I).[43]

Таким образом, в идеологии декабристов соперничали две разновидности мифов – статический (умеренно-либеральное) и динамический (радикально-революционная). Это обстоятельство не могло не сказаться на идейном и организационном единстве движения.

Поэтому после поражения декабристов дворянство перестает функционировать как самостоятельный субъект управления, оставшись только привилегированной и быстро вырождающейся кастой.

---

[41] См.: Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции.// Судьба и грехи России. – Т.1. – С.84; См. также: Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX в. – В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990. – С.62.

[42] См.: Троцкий Л.Д. Об интеллигенции.// Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. – М., 1993. – С.115.

[43] См.: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.283.

Самодержавие сделало свои выводы из происшедшего. По нашему мнению, именно в эпоху правления Николая I происходит окончательная переориентация царского режима на государственный бюрократический аппарат как на свою основную опору. Не доверяя аристократии, Николай I стремился создать обособленную касту по-военному организованных и преданных лично ему людей, и по сути, создать бюрократическую империю, формирование которой шло по нескольким направлениям. Во-первых, вскоре возникают новые учреждения с широкими властными полномочиями, в основу работы которых был положен принцип бюрократического централизма - собственная Е.И.В. канцелярия, состоявшая из следующих отделов:

1 отделение - заведование кадрами высшей бюрократии;

2 отделение – кодификация;

3 отделение – политический сыск;

4 отделение – царская благотворительность;

5 отделение – подготовка реформы деревни;

6 – управление национальными кадрами на Кавказе.

Наиболее влиятельным из них стало 3 отделение. Были созданы также высшие комитеты, состоявшие из узкого круга лиц, верхушки бюрократии.[44]

Во-вторых, правящий режим повышает требования к чиновничеству. В 1834 г. выходит "Положение о порядке производства в чины по гражданской службе", подразделявшее всех чиновников по образованию на три разряда: первый – лица с высшим образованием; второй – со средним; третий – с низшим или домашним. Продвижение по службе теперь формально увязывалось с уровнем образованности.[45]

Содержание образования и его формы строго контролировались государством. В 1826 г. был принят новый устав о цензуре, целью которого было "умножение где только можно числа "умственных плотин" против

[44] См.: Ерошкин Н.П. Указ.соч. – С.201.
[45] См.: Зайончковский П.А. Указ.соч. - С.33.

наплыва вредных идей". В 1835 г. вводится новый университетский устав, ограничивающий автономии университетов.[46]

В-третьих, не ограничиваясь частными охранительными мерами, государство впервые в истории России сделало попытку создания собственной общенациональной идеологии, поскольку, по словам Г.П. Федотова, крушение западных идеалов заставило монархию Николая I "ощупью искать исторической почвы".[47] В 1827 г. выходит написанная историком М.П. Погодиным работа "Исторические афоризмы", в которой он доказывает, что благоденствие русских основывается на православии, самодержавии и народности. В 1832 г. основные положения его теории были доложены Николаю I, и в конце 1834 г. она окончательно сформулирована товарищем министра просвещения С.С. Уваровым в следующем виде: залог силы и величия нашего отечества составляет истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности.[48]

Однако в реальном функционировании эта идеология ("русского консерватизма", как было принято ее называть) наполнялась весьма специфическим содержанием. Внутри самой триады сразу же возникла иерархия. Главенствующее место в ней занимало самодержавие, являвшееся, согласно доктрине, основой стабильности государственного строя. При этом, по мнению Г.П. Федотова, оно понималось как абсолютизм западноевропейского образца.[49]

В свою очередь, условием стабильности самодержавия являлась высокая степень влияния на общественное сознание религиозного начала. Как отмечал Л.А. Тихомиров, "признание верховной государственной власти одного человека над сотнями тысяч и миллионами подобных ему человеческих существ не может иметь место иначе, как при факте или презумпции, что в данной личности – царе – действует некоторая высшая

---

[46] См.: История России: народ и власть. - С.337, 408.
[47] См.: Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. - С.84.
[48] См.: Ерошкин Н.П. Указ.соч. - С.53.
[49] См.: Федотов Г.П. Указ.соч. - С.84.

сверхчеловеческая сила, которой нация желает подчиняться или не может не подчиняться".[50] Поэтому религия – православие – занимала в триаде подчиненное самодержавию место, и государство стремилось поддерживать его институты на должном уровне. К 1852 г. система православной церкви на местах объединялась в 55 епархий, в которых действовали 49 консисторий, 224 духовных правления и 2 142 благочинных. Под начало этой администрации попадали 582 монастыря, 574 собора, 35005 церквей, 11 576 часовен и молитвенных домов; 121 тысяч человек составляло белое и 18 тысяч монашествующее духовенство, то есть одно духовное лицо приходилось на 331 жителя империи. В 4 духовных академиях, 48 семинариях и 300 уездных и приходских училищах обучалось около 54 тысячи человек. Бюджет Синода вдвое превышал бюджет Министерства народного просвещения.[51]

Однако по содержанию православие представляло отмеренный компромисс между католичеством и протестантством в полном неведении мистической традиции восточного христианства (на это сразу же обратили внимание славянофилы в лице К.С. Аксакова, К.Н. Леонтьева, А.С. Хомякова и др.).[52]

По мнению Н.С. Трубецкого, вся эта доктрина свободно могла быть заменена одним только словом "самодержавие" (являвшимся для бюрократии главной и безотносительной ценностью); православие же и народность (в виде фальшивого поддельно-народного фразёрства, высочайше утвержденного "дю-рюсс с петушками") были не очень эффективными и традиционными его аксессуарами.[53]

Следовательно, с одной стороны, доктрина "русского консерватизма", по сути, была продолжением петровской традиции разрушения основ прошлой жизни, внешне русифицированной формой западничества. С другой

---

[50] Цит. по: История России: народ и власть. - С.430.
[51] См.: Ерошкин Н.П. Указ.соч. - С.132.
[52] См.: Бердяев Н.А. Указ.соч. - С.86.
[53] См.: Трубецкой Н.С. Мы и другие. Мир России – Евразия. - М., 1995. - С.101.

стороны, в основу петровской "революции сверху" легла идея создания новой российской цивилизации (пусть даже путем мобилизационного развития). Доктрина же "русского консерватизма" носила чисто охранительный характер и была создана для увековечения соответствующего строя и сохранения у власти правящей прослойки. Поэтому она сразу же стала государственным мировоззрением бюрократии, статическим мифом, призванным укрепить стабильность режима.

Наряду с созданием охранительной идеологии абсолютистский режим принял ряд законов о государственной безопасности. В 1845 г. выходит «Уложение о наказаниях»; согласно его третьему и четвертому разделам попытка изменить существующий государственный строй и порядок управления, и даже сама постановка вопроса об этом трактовалась как государственное преступление. При этом не проводилось различие между поступком и умыслом, то есть отсутствовала четкая градация виновности.[54]

Таким образом, право заниматься политической деятельностью монополизирует правящая верхушка Российской империи. Все остальные граждане лишались этого права под угрозой сурового наказания.

Следовательно, власть в России приобретает все более тотальный характер, сосредотачиваясь при этом в руках одного привилегированного сословия – бюрократии. Ее численность возрастает с 16 тысяч в начале века до 74 тысяч в 1851 и 86 тысяч в 1857 г., хотя население империи за это время увеличилось лишь в 1,5 раза – с 40 до 60 миллионов человек. К этому времени она фактически обретает полную самостоятельность в своих действиях. Крупный государственный чиновник П.Я. Валуев, критикуя административную систему, сложившуюся при Николае I, утверждал, что по сути своей она является министерской олигархией, которая решает важнейшие государственные дела в обход царя и без его ведома.[55]

---

[54] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993. – С.383.
[55] См.: История России: народ и власть. - С.382.

В свою очередь, шеф жандармов А.Ф. Бенкендорф в «Обзоре общественного мнения» представил Николаю I следующее заключение относительно чиновничества: «К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но в сущности все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы».[56]

Славянофил Ю.Ф. Самарин, в свою очередь отмечал, что бюрократия, «эта тупая среда, лишенная всех корней в народе и в течение веков карабкавшаяся на вершину, начинает храбриться и кривляться перед своей собственной единственной опорой... власть отступает, делает уступку за уступкой без всякой пользы для общества».[57] В итоге же, по мнению Л.А. Тихомирова, бюрократия фактически освобождается от верховной власти и подчиняет ее себе. Это признавал и сам Николай I, сказав однажды: «Россией правят столоначальники».[58]

Данной точки зрения придерживался и В.О. Ключевский. Он считал, что к середине XIX в. Россия управлялась не аристократией и не демократией, а бюрократией, то есть действовавшей вне общества и лишенной всякого социального облика кучей физических лиц разнообразного происхождения, объединенных только чинопроизводством. При этом зачастую в ее деятельности отсутствует всякий смысл: «Здесь никто никем не руководит и никто не знает, что он делает и что выйдет из его деятельности; здесь все только плывет по течению, направляемому какими-то таинственными стихийными силами, и никто не оглядывается на то, что было, и не заглядывает в то, что будет...», а также элементарная некомпетентность: «Здесь господствует странная мысль, что управление государственными делами избавляет от необходимости знать их».[59]

---

[56] Цит. по: Миронов Б.Н. Указ.соч. С.148.
[57] Цит. по: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.293.
[58] См.: Там же. – С.340.
[59] Ключевский В.О. Из неопубликованных произведений. – М., 1983. – С.332 – 333.

Известный правовед Б.Н. Чичерин полагал, что ограничить всевластие бюрократии можно только системой сдержек, вводящих господство бюрократии в должные рамки.[60]

Однако представительные противовесы бюрократии не были созданы. Поэтому она оказалась столь же косной силой, как и дворянская олигархия, и тормозила любые попытки преобразований, которые могли уменьшить ее могущество (в частности, ряд реформ, предпринятых Александром II, и предназначенных превратить Россию в правовое государство). Это были:

- принятый в 1863 году университетский Устав, разрешивший автономию высшей школы, лишивший полицию доступа в университеты, а цензуру – контроля за научными изданиями;
- земская реформа, то есть создание выборных сословных органов местного самоуправления;
- судебная реформа 1864 г., вводившая в России суд присяжных, подсудность всех видов преступлений, включая политические, обычным судам, равную ответственность сословий перед законом;
- реформа цензуры 1865 г., сократившая круг изданий, подверженных предварительному просмотру.[61]

Все они носили умеренный характер, не затрагивавший основ самодержавной власти (даже судебная реформа, поскольку привлекать чиновников к ответственности можно было только с согласия высшего начальства). Тем не менее бюрократический аппарат выступил их наиболее непримиримым противником. Их аргументы, проанализированные П.А Зайончковским, сводились к следующему:

1. Привлечение к управлению представителей общественности на местах ведет к его дезорганизации; Россия же, наоборот, нуждается в системе управления, скованной минимумом ограничений и контроля. Поэтому земство следует упразднить, а полицейское правосудие отделить от судов.

---

[60] См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.3. Политика. – М., 1898. – С. 146.
[61] См.: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.322 – 323.

2. Политические реформы истолковываются общественностью как признак слабости и способствуют дальнейшему ослаблению государственной власти. Поэтому России не нужны никакие представительные учреждения.

3. Реформы парадоксальным образом способствуют радикализации определенных слоев общества.[62]

В итоге возобладала точка зрения бюрократии. Более того, напуганное ростом терроризма, государство усиливает охранительные меры. Секретный циркуляр от 1 сентября 1878 года перечислял превентивные акции и уполномочивал чинов жандармского корпуса, а в их отсутствие – чинов полиции, задерживать, а также подвергать административной ссылке любое лицо, *подозреваемое* в политических преступлениях. Для этого необходимо только согласие Министра внутренних дел или шефа жандармов, санкции прокурора не требовалось.[63]

Это означало, во-первых, перераспределение власти внутри самой бюрократической структуры. Наиболее могущественной организацией становилось Министерство Внутренних Дел. Во-вторых, тем самым еще более сужались полномочия монарха.

Следующим этапом усиления полицейского режима стала ликвидация Третьего отделения и создание на его базе Департамента полиции с чрезвычайно широкими полномочиям, входящего в состав МВД. 9 июня 1881 г. был издан приказ, согласно которому жандармский корпус подчинялся только шефу полиции. Тем самым он выделялся из административного аппарата и функционировал по собственным законам.[64]

Таким образом, в России (впервые в истории человечества) возникает два вида полиции: одна для защиты государства (то есть прежде всего бюрократического аппарата), другая – для защиты его граждан.

---

[62] См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. – М., 1964. – С.76 – 77.
[63] См.: Там же.
[64] См.: Пайпс Р. Указ.соч. - С. 406 - 407.

Наконец, 14 августа 1881 г. Александр III подписал «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». В нем, в частности, указывалось, что поскольку обычных законов для сохранения порядка оказалось недостаточно, обществу нужны чрезвычайные законы. Суть их сводилась к следующему:

1. Политика становилась исключительной прерогативой правительства и высокопоставленных чиновников; вмешательство в нее неуполномоченных лиц являлось преступлением и каралось законом (при этом понятие «политическое преступление» трактовалось столь широко, что под него подпадали все идеологические течения тех лет – от умеренно-либеральных до крайних анархистских, от социалистических до националистических).

2. Надзор за соблюдением этого принципа поручался Департаменту полиции и жандармскому корпусу.

3. Департамент полиции и жандармский корпус не подлежали никакому контролю со стороны государственных органов и наделялись самыми широкими полномочиями: правом обыска, тюрьмы, высылки лиц, виновных или подозреваемых в политической деятельности, отказа в выдаче свидетельства о благонадежности, надзора за общественными организациями и утверждения их устава, увольнения лиц (включая чиновников ниже трех высших разрядов), заподозренных в неблагонадежности и т.д.

4. Никакая литература не могла быть привезена в Россию или напечатана без разрешения цензуры.

5. Министр Внутренних Дел мог объявить любой район империи в состоянии Усиленной и Чрезвычайной охраны (то есть чрезвычайного положения).

6. Высшие губернские чиновники могли с разрешения министра придавать инакомыслящих военно-полевому суду.[65]

---

[65] См.: Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – М., 1997. – С. 264 – 265.

По мнению главы Департамента полиции с 1902 по 1905 гг. А.А. Лопухина, это Положение поставило все население России в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции.[66] Там, где речь шла о государственной безопасности, объективного критерия виновности больше не существовало: виновность определялась субъективным мнением полицейских чиновников.

Н.А. Бердяев, характеризуя государственное устройство России конца XIX – начала XX в., отмечал, что она стала самой бюрократической страной в мире, где слабо выраженные классы и сословия не играли сколько-нибудь значительной роли в жизни государства. Бюрократия же развилась до чудовищных размеров, превратившись в самодовлеющее отвлеченное начало, живущее своей собственной жизнью, по своим законам.[67]

Французский посол в России в 1914-1917 гг. Морис Палеолог характеризовал власть в России следующим образом: «вне царского строя, то есть вне его административной олигархии ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно устанавливаемых партий, ни социальных группировок».[68]

Госаппарат оставался крупнейшим в России собственником, сохраняющим традиционную форму владения – государственную докапиталистическую монополию. По мнению ряда российских и зарубежных ученых, еще никогда в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была столь широкой и всеобъемлющей, чем за период с 1881 по 1917 гг.: оно с помощью центрального государственного аппарата контролировало финансовое положение страны: оно владело и управляло 2/3 всей железнодорожной сети, 7/8 всех почт и телеграфов. Почти 1/3 всей земли, 2/3 всех лесов в его непосредственном заведовании. Оно владело наиболее ценными рудниками и

---

[66] См.: Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. – М., 1907. – С.26 - 27.

[67] См.: Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. Ч.1. Психология русского народа: Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. Сочинения. - М., 1998. – С. 276.

[68] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М., 1991. – С. 22.

обрабатывало на свих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продавало все спиртные напитки.[69]

Русское правительство было самым крупным капиталистом и предпринимателем во всем мире. Даже частные по форме концессии (например, железнодорожное строительство) осуществлялись с помощью государства.

М. Вебер в этой связи считал, что основой стабильности России и залогом ее будущего процветания должно быть развитие буржуазного элемента в качестве «третьей силы», которая объединила бы лучших представителей власть имущих, имеющих хорошее образование, политический опыт и капитал, и полупролетарские слои, тесно связанные с народными массами и обладающие необходимой решительностью и духом борьбы.[70]

Что касается нарождавшейся буржуазии, то она формировалась в основном из небольшого числа близких к правительственному аппарату финансовых и промышленных олигархов, занимавшихся не столько предпринимательством буржуазного типа, сколько паразитированием на внешних формах капиталистического финансового механизма, то есть функционирующих в рамках феодальной монополии.[71]

Средний предпринимательский слой был слаб и представлял собой в подавляющем большинстве традиционное купечество с низкой культурой, отсутствием элементарной деловой этики, действовавшее докапиталистическими методами. Поэтому у населения России начинает доминировать отрицательное отношение к владельцам собственности, которое постепенно переносится на сам принцип частного владения. Как отмечал В.В. Розанов, «в России собственность выросла из «выпросил», или

---

[69] См.: Жидков В.С. Российская интеллигенция, большевизм, революция // Русская интеллигенция. – С.284 – 285.

[70] См.: Вебер М. Исторический очерк. - С.141.

[71] См.: Иванов А.В., Лоскутов В.А. Сталинщина и сталинизм: восхождение по кругам отчуждения // Марксизм и Россия. – М., 1990. – С. 82 – 83.

«подарил», или кого-нибудь «обобрал». Труда собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается».[72]

Таком образом, к концу XIX в. российская бюрократия окончательно сформировалась как корпоративный социальный слой, имеющий в своем распоряжении все политические, административные и финансовые рычаги влияния, то есть ее власть приобретает формально тотальный характер.

Однако к этому времени бюрократия не использовала свою власть в полном объеме, поскольку госаппарат постепенно вырождался, становясь все более косным и инертным. Служба сводилась к отсиживанию в учреждении обязательных 5-6 часов. По мнению Г.П. Федотова, призванная некогда спасать Россию от дворянской атонии, бюрократия превращалась в огромную школу безделья, открыто и принципиально принося в жертву личным семейным интересам дело государства: «чиновник думает только о том, чтобы вывести в люди своих детей и обеспечить себе приличную пенсию под старость».[73] Русским бюрократическим верхам на исходе века не хватало не только творческих идей, передовой идеологии, но и элементарной воли к власти. Поэтому основная часть бюрократии объективно становилась абсентеистским социальным слоем, повторяя судьбу дворянства. Она не могла справиться с проблемами, которые к тому времени встали перед страной. Видный юрист В.М. Гессен отмечал: «Самодержавная бюрократия - самая эгоистичная и своекорыстная, самая невежественная и тупая из всех бюрократий мира – такова та государственная власть, которая призвана ныне к осуществлению великой политической и социальной реформы, долженствующей пересоздать Россию».[74]

Внутри самой бюрократии произошло перераспределение власти: большая часть функций управления перешла к репрессивному аппарату. А.А. Лопухин считал, что с 14 августа 1881 г. (с момента выхода «Положения об

---

[72] Розанов В.В. Уединенное // Волга. – Саратов,1989. - № 6. - С. 89.
[73] Федотов Г.П. Указ.соч. – С. 140.
[74] Гессен В. М. На рубеже. – Спб., 1906. - С.255.

усиленной охране») Россия оставалась самодержавной монархией только формально. На самом деле сущностью самодержавия стало всемогущество политической полиции: только в ней «...заключалась вся сила покончившего свое существование режима».[75]

Подведем некоторые итоги. В начале XVI века в России возникает социальная мифология, цель которой – легитимизация правящей верхушки. Ее сутью был тезис о божественном происхождении царской власти.

Чуть позднее создается бюрократический аппарат централизованного государства, призванный служить инструментом управления (в том числе и в сфере идеологии).

В своем развитии бюрократия проходит служилый, дворянский, и чиновничий этапы, обретая на каждом из них дополнительные функции и усиливая свое влияние в обществе. При этом она в своих интересах начинает использовать статический миф власти, хотя и делает попытки создания альтернативной мифологии.

К концу XIX в. бюрократия получает всю полноту власти, замещая собой, по выражению Л.Д. Троцкого, все «несуществующие классы», и становится единственным потенциальным историческим субъектом действия. Однако использовать свои полномочиями она была объективно не в состоянии, поскольку выполнение ее управленческих функций свелось к одной – охранительной. У российской бюрократии отсутствовала целостная концепция развития страны, а также идеология, которая принималась бы большинством общества; русский консерватизм (выражаемый формулой «православие – самодержавие - народность») был, по выражению Г.П. Федотова, «идеологической псевдоморфозой», лишенной реального содержания и существовавшей только по инерции.

Как отмечал А.А. Левандовский, господствующий миф, направленный на идеализацию переживавшей череду кризисов реальной России, изжил

---

[75] Лопухин А.А. Указ.соч. – С. 5.

себя, превратившись в псевдомиф, искусственно навязываемый сверху. Все большая часть российских подданных утрачивала «царистские иллюзии», подпадая под влияние мифа революционного обновления.[76]

Как отмечал один из авторов сборника «Из глубины» В.Н. Муравьев, власть не в силах была заместить для народа его образованные слои, восполнить отсутствие общественного мнения, она перестала быть восприимчивой к прогрессу и обновляться свежими силами и идеями: «Она окостенела и сгнила. И... по мере того, как умирало миросозерцание, ею искусственно защищаемое, умирала и русская власть».[77]

Гипертрофия охранительной функции свидетельствовала о попытках власти законсервировать существующий режим. Однако наличие серьезных экономических и политических противоречий внутри российского общества и невозможность их разрешения усилиями правящего социального строя обрекало эту попытку на неудачу. В свою очередь, ослабление витальности главной государственной силы – чиновничьей бюрократии вызвало к жизни потребность в новой социальной силе, в историческом субъекте, который, смог бы взяться за реализацию новой государственной идеи. К началу XX века в России сталкивается и противоборствует ослабленный статический миф самодержавной власти, направленный на консервацию существующего режима, и динамический, набирающий силу революционный миф, на стороне которого были все преимущества, поскольку предлагаемое им будущее было достаточно туманно. Таким субъектом действия стала, по словам Г.П. Федотова, "инобытие" чиновничьей бюрократии – интеллигенция.

---

[76] См.: Левандовский А.А. Указ соч. С.105-106.

[77] Муравьев В.Н. Рев племени // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М., 1990. – С. 193.

§ 2. Возникновение субъектов динамического мифа и их сущность

Становление нового исторического субъекта действия, идущего на смену чиновничьей царской бюрократии, носило инновационный характер. Это выразилось, прежде всего, в социальном составе формирующегося слоя. В отличие от всех прежних российских властных структур, социальный состав которых определялся происхождением и близостью к царю, первооснову формирующегося слоя составили разночинцы.

«Толковый словарь великорусского языка» Даля так определял данную категорию: «Разночинец – человек неподатного сословия, но без личного дворянства, и не приписанный ни к гильдии, ни к цеху».[1]

По мнению Г.В. Плеханова, разночинцами становились все люди, деятельность которых не укладывалась в сословные рамки. С одной стороны, ими были формально вышедшие из своего сословия дети купцов и духовных лиц, а также дети мещан и крестьян, хотя и сохранившие свое сословное звание, но потерявшие связь с экономическими корнями, занятиями и бытом своего сословия.[2]

С другой стороны, появился круг людей, которые не могли быть никем иным, как разночинцами. Это – дети чиновников и офицеров, выслуживших личное почетное гражданство или личное дворянство на низших ступенях «Табели о рангах» (обер-офицерские дети, а также дети личных почетных граждан). П.П. Черкасов и Д.В. Чернышевский отмечали, что разночинцы воплощали отрыв от почвы, были отщепенцами той народной (духовной, купеческой, крестьянской) Руси, из которой они вышли.[3]

В.В. Воровский считал, что разночинец – это «продукт разложения, отброс разных социальных групп».[4] Такого же мнения придерживалась и В.Р.

---

[1] Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. – М., 1999. - Т.4. – С.46.
[2] См.: Плеханов Г.В. Н. Г. Чернышевский. Введение (к немецкой книге 1871 г.) // Избранные философские произведения. – М., 1958. . – Т.4 – С.60.
[3] См.: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ. соч. – С.326.
[4] Воровский В.В. Русская интеллигенция и русская литература. – Харьков, 1923. – С. 63.

Лейкина-Свирская, утверждая, что данный термин применялся к «безродным слоям населения».[5]

В подавляющем большинстве разночинцы были жителями городов. Так, в Москве, в 1840 г. их насчитывалось 27, 7 тыс., что составляло 8 % ее населения; в Санкт-Петербурге в 1869 г. – 17,5 тыс. (из них к лицам умственного труда можно было причислить только 601 человека или 3 %). В городском населении европейской России в 1858 г. они составляли 3,5 % (дворян и чиновников было 5,8 %); в общей численности населения России они составляли ничтожную долю – около 0,4 %.[6]

Таким образом, первоначально разночинцы представляли собой немногочисленный городской маргинальный слой; как известно, одним из признаков маргинальности является пограничное, переходное состояние субъекта, выпавшего из привычной социальной среды и еще не примкнувшего к новым общностям, а именно такими и были разночинцы.[7]

Позднее понятие «разночинец» расширяется: в него стали включать, во-первых, дворянство, отказавшееся от привилегий своего сословия. А.И. Герцен и Н.П. Огарев под разночинцами подразумевали «то меньшинство дворянства, которое отказалось от своего сословия, или то разночинство, которое вовсе не пошло в чиновничество или находится в нем с отвращением».[8]

Во-вторых, так стали называть лиц, получивших чин или звание по праву образования. Г.В. Плеханов отмечал, что разночинцы - выходцы из чиновничьей, помещичьей, купеческой и поповской среды – видели в образовании главное средство карьеры. Однако его получение отнюдь не являлось гарантией служебной перспективы.[9]

---

[5] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. – М., 1971. – С. 24.
[6] См.: Там же. – С. 25, 328 – 329.
[7] См.: Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. – М., 1998. - С.107.
[8] Огарев Н.П. Избранные социально-политические произведения. – М., 1952. – Т.1.– С.676.
[9] См.: Плеханов Г.В. Наши разногласия // Указ.соч.. – Т.1. – С.331.

По мнению С.А. Франка, разночинцы сознательно отчуждали себя от культуры верхних слоев населения и презирали ее. По своему мировоззрению, выработанному путем догматического усвоения материалистического рационализма, и социальному уровню, они были духовно близки низшим слоям населения, проникнутым антигосударственными устремлениями. Поэтому они зачастую принципиально не желали пользоваться привилегиями образования при существующем политическом режиме, поскольку считали себя полной противоположностью правящей власти, а точнее – бюрократии. [10]

Однако при этом разночинцы-маргиналы, отрицая сакральный символический смысл христианских ценностей в пользу их земного, мирского воплощения в виде богатства (не вещного, но богатства знаний), тут же возводили их в разряд сверхценностей, наличие которых автоматически выделяло человека в особый качественно лучший социальный слой.[11]

Итак, разночинство пополнялось за счет других маргинальных прослоек общества, в состав которых входили лица, формально принадлежащие к определенному социальному (дворянство) или профессионально-образовательному слою, но не удовлетворенные своим положением в обществе. Представители именно такой маргинальной разновидности, как правило, играют ведущую роль в формировании новых социальных общностей и структур, где они предполагают занять более выгодную социальную позицию. Это, по мнению М. Вебера, происходит в том случае, когда разрозненные маргинальные группы организуются в социальную силу и дают толчок изменениям в обществе, будь то революции, или реформы, чтобы добиться главной цели – власти.[12]

---

[10] См.: Франк С.А. По ту сторону «правого» и «левого». Статьи по социальной философии // Новый мир. – 1990. - № 4. – С.216.

[11] См.: Скоробогацкий В.В. Марксизм как феномен европейской и русской культуры: парадоксы становления и развития // Ленинизм и Россия. – Екатеринбург, 1995 . –С.11.

[12] См.: Вебер М. Исторический очерк. – С.88.

Необходимым условием преобразования маргинальной массы людей в «практическую группу» (по терминологии Ю.Л. Качанова) или «реальную социальную группу» (по терминологии О.В. Шкаратана) является, во-первых, осознание ею совокупности собственных интересов – экономических, политических, духовных и наличие потенциальных возможностей для их удовлетворения.

Во-вторых, функционирование реальной социальной группы предполагает наличие ее внутренней структуры, состоящей из ядра – концентрированного выразителя всех социальных свойств группы и ее интересов, то есть субъекта действия, реального лидера (иногда таких «ядер» может быть несколько, что предполагает конкурентную борьбу между ними), и «периферии» – людей, разделяющих позиции «ядра» и участвующих в его деятельности с различной степенью активности.[13]

Задачи «ядра» на этапе становления реальной социальной группы следующие:

- формирование круга интересов и притязаний данной группы;
- создание репрезентирующих институций, прежде всего – функционирующей организации, имеющей лидера;
- создание специфических рычагов влияния на власть для удовлетворения совокупности обозначенных интересов;
- конструирование представлений о данной группе в обществе, от первичных номинаций до научных теорий, идеологий и политических мифов.

В этой связи П. Бурдье отмечал, что создание политического явления при помощи номинации означает закрепление за ним совокупности качеств, определенных субъектами данной номинации.

---

[13] См.: Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) // Социс. – 1996. - № 12. – С.97 – 98; Сергеев Н.В., Шкаратан О.В. Реальные группы – концептуализация и эмпирический расчет // ОНС. – 2000. - № 5. – С.36.

Политическая группа также может создаваться актом номинации, когда субъект, выступающий от имени данной группы, заявляет о наличии у нее ряда качеств, чаще всего позитивных (тем самым скрыто конституируя ее), и получает право выступать и действовать в качестве ее полномочного представителя.[14]

Маргинальная разночинская масса начала оформляться в социальную группу к началу 30-х гг. XIX в. Предпосылкой этого становления была консолидация разночинства на основе политического радикализма, носившего первоначально отвлеченно-абстрактный характер. Тем не менее уже в начале 40-х гг. Третье отделение – политическая полиция – зафиксировала трудноопределимую смену настроений среди разночинства и части образованного слоя, но поскольку речь шла о чисто духовном процессе, сложно было предпринять конкретные репрессивные меры.[15]

Специфика становления субъекта действия в России заключалась в том, что политический опыт приобретался не в совместной партийной борьбе, поскольку партий не существовало, а в учебных заведениях разного уровня – гимназиях, семинариях, университетах. Как писал В.Ф. Асмус, «...чем менее охвачено было общество политической деятельностью, чем более ограничен был для него доступ к различным формам и проявлениям политической жизни, чем менее ясным было общественно-политическое сознание различных его групп, тем большее значение в политическом развитии страны принадлежало университетам как выразителям растущей политической самодеятельности».[16] По мнению Г.В. Плеханова, университеты, создавая карьеристов, создавали и революционеров.

Другим действенным средством политизации масс стали газеты и литературные журналы. Цензор Ф.П. Еленев (Скалдин) характеризовал эпоху

---

[14] См.: Бурдье П. Социология политики. – М., 1993. - С. 112-114.
[15] См.: Люкс Л. Интеллигенция и революция: летопись триумфального поражения // Вопросы философии. – 1991. - № 11. – С.4.
[16] Асмус В.Ф. Борьба философских течений в Московском университете в 70-х гг. XIX в. // Асмус В.Ф. Избр.филос.труды. – М., 1969. – Т.1 – С.238.

40-60-х гг. следующим образом: «...у нас, где на самом деле не существует никаких политических партий и не допускается никакая оппозиция правительству, на деле существовала оппозиция гораздо более обширная и деятельная, чем в каком бы то ни было конституционном государстве, оппозиция, захватывавшая в свои сети всю читающую Россию и доходившая в некоторых изданиях до отрицания государственной власти и частной собственности», и далее: «...в России взамен западно-европейских парламентских партий образовались партии «Современника», «Русского слова», «Слова», «Голоса», «Отечественных записок» Некрасова и т.д.».[17]

При этом, как отмечал на страницах народнической газеты «Неделя» ее ведущий публицист П.П. Червинский, большинство толстых журналов занято «сопоставлением наиболее темных и курьезных фактов из прошлого и настоящего... тут голое, сплошное отрицание превратилось в специальность, в ремесло».[18]

Товарищ министра внутренних дел В.К. Плеве в записке министру Д.А. Толстому указывал, что «литературный кружок, руководящий журналами и газетами, состоит почти исключительно из людей, вся литературная деятельность которых составляет непрерывный протест против законного порядка»; государству противостоял «враг великой крепости и силы, не имеющий плоти и крови, то есть мир известного рода идей».[19]

На роль общественного лидера разночинское движение начинает претендовать к началу 60-х гг. Его идеология (как уже отмечалось ранее) характеризовалась крайним для того времени радикализмом, поскольку, по словам Н.А. Бердяева невозможность легальной политической деятельности вела их к исповеданию самых крайних социальных учений.[20] Разночинцы не просто критиковали тот или иной правительственный курс, но отрицали самые основы существующей государственной системы. Г.П. Федотов

---

[17] Цит.по: Лейкина-Свирская В.Р. Указ.соч. – С.226.
[18] Червинский П.П. Отчего безжизненна наша литература // Неделя. - 1875. - № 44. – Стб. 1427 – 1428.
[19] Цит.по: Лейкина-Свирская .В. Р. Указ.соч. – С.226.
[20] См.: Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.. 1990. – С.64.

отмечал, «что для разночинцев политическая свобода не является достаточно привлекательным идеалом – они желают революции, которая немедленно осуществит в России всеобщее равенство, хотя бы и ценой полного уничтожения привилегированных классов».[21] Традиционной формуле Российской Империи «православие, самодержавие, народность» разночинцы противопоставили формулу, заимствованную у Запада: атеизм, социализм, интернационализм.

Однако эти составляющие преломились в русской революционной среде весьма специфическим образом. По мнению ряда ученых, атеизм разночинцев носил особый, мистический характер – отрицание религии у них переходило в религию отрицания; движение в идее, утверждавшее крайнее западничество, по сути, представляло собой русскую религиозную секту: «Запад дает новые символы и догматы, но идеалам молятся как иконам, по-православному».[22]

Новым «символом веры» для разночинцев стал социализм, воплотившийся в теорию и практику народничества. Это было первое русское революционное движение, создавшее действующие политические организации.

По мнению П.И. Новгородцева, социализм народников носил мифологизированный характер. Его сутью была почти религиозная вера в то, что «...народ всегда является готовым, зрелым и совершенным, что надо только разрушить старый государственный порядок, чтобы для народа тот час же оказалось возможным осуществить самые коренные реформы, самую грандиозную работу общественного сознания».[23]

В наше время сходной точки зрения придерживается И.К. Пантин, отмечая, что под народническим секуляризмом скрывалась особая светская

---

[21] См.: Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – Сб., 1991. . – Т.2– С.294 – 295.

[22] См.: Мережковский Д.С. Грядущий хам // Интеллигенция. Власть. Народ. – С.99; Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – Т.1. – С.91.

[23] Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. – С.231 – 232.

разновидность религиозного сознания, проявлявшаяся в социальном утопизме, и прежде всего – в мифологизированных представлениях о крестьянстве как основой революционной силе общества. При этом вера в народ исходила не из объективных качеств и нужд самого крестьянства, а из нравственного стремления разночинства найти опору своей жизнедеятельности.[24] Известный писатель–народник С.М. Кравчинский писал о своих товарищах, что социализм был их верой, а народ – божеством.[25] Само же народническое движение было, по его мнению, «...скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились... к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения».[26]

Они отвергали и провиденциализм исторического процесса, и его законосообразный детерминизм, как гегелевского, так и марксистского толка. Не отрицая совершенно исторических законов, народники считали, что они действую ограниченно во времени и в пространстве, оставляя простор для активной деятельности в историческом процессе и народу, и отдельной личности. Н.А. Михайловский, в частности, выступал как «враг естественного хода вещей» и требовал активного вмешательства человека в изменение естественного хода. В.И. Ленин в этой связи отмечал отсутствие у народников «социологического реализма».

По мнению революционера Н.А. Морозова, народники в борьбе за свою свободу (которую они путали со свободой для всей страны), подняли первое попавшееся идеологическое знамя и обожествили крестьянство.[27]

Рассуждая о жертвенности и бескорыстном служении крестьянству, народники на деле считали себя его духовными наставниками и

---

[24] См.: Пантин И.К. и др. Революционная традиция в России: 1723 – 1883 гг. – М., 1986. – С.238.
[25] См.: Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия. В кн.: Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. В 2 Т. – Т.1. _ М., 1987. – С.353-354.
[26] Там же. – С.351.
[27] См.: Морозов Н.А. Повести моей жизни. – М., 1965. – Т.1. - С.74 – 75.

руководителями, овладевшими, по словам С.А. Булгакова, «тайнами народного счастия».

Социалистическая идеология народников претерпевала быструю трансформацию. По мнению Н.А. Бердяева, первоначально в ней преобладали социальные, а не политические составляющие. Но уже к концу 70-х гг., с момента образования партии «Народная Воля», движение народников приобретает политический характер и переходит к террору как средству завоевания власти.[28]

Следовательно, вследствие распространения идей социализма в России, маргинальное разночинское движение начинает оформляться в социально-политическую группу, противостоящую власти. В связи с этим возникла необходимость создания привлекательного для общества образа репрезентируемой группы. В данном случае он должен был строиться, с одной стороны, на контрасте с властными структурами российской империи. С другой стороны, идеализация народниками крестьянства предполагала создание собственного облагороженного образа и присвоение соответствующего наименования. Им стало модное слово «интеллигенция».

Единичные случаи употребления термина «интеллигенция» в значении «разумность» отмечены уже во второй половине XVIII века, в работах поэта В.К. Тредиаковского. Позднее профессор петербургского университета А.И. Галич в книге «Опыты философского словаря» (1819 г.) объяснял это слово как «разумный дух» и «высшее сознание».[29] В таком же абстрактно-философском значении его употреблял А.И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России»(1851 г.).[30]

Первое зафиксированное употребление этого понятия в социологическом значении найдено в дневниковых записях В.А. Жуковского в 1836 г. при описании пожара с многочисленными жертвами, а вскоре после

---

[28] См.: Бердяев Н.А. Указ. Соч. – С.131.
[29] См.: Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенцияю История и судьба. – М., 1999. – С.66.
[30] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Указ.соч. – С.5.

«этого общего бедствия, почти рядом... осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию; никому не пришло в голову..., что случившееся несчастие есть общее».[31]

В данном случае В.А. Жуковский использует понятие «интеллигенция» для обозначения определенной социальной группы.

В 1863 г. славянофил И.С. Аксаков в газете «День» употреблял этот термин в переходном от абстрактного к собирательному значении.

В 1866 году писатель и публицист П.Д. Боборыкин использовал слово «интеллигенция» в одном из своих очерков, а затем в целом ряде произведений, то в абстрактном (романы «В чужом поле», 1866 г., «Жертва вечерняя», 1868 г., «Китай-город»,1882 г.), то в собирательном социологическом значении (роман «Солидные добродетели», 1870 г.). Это позволило ему позднее, в 1909 году, претендовать на авторство данного понятия: «в 1866 году, в одном из своих критических эпизодов я пустил в обращение слово *интеллигенция*, придав ему значение... самый образованный, культурный и передовой слой общества известной страны. Тогда же я присоединил к нему одно прилагательное и одно существительное, *интеллигент* и *интеллигентный*».[32]

Приоритет П.Д. Боборыкина поддерживал ряд ученых, в том числе первый биограф писателя С.А. Венгеров, экономист М.И. Туган-Барановский, А.К. Дживелегов, историк Р.В. Иванов-Разумник, позднее В.В. Виноградов, А.Н. Севастьянов, Б.П. Балуев, немецкий социолог Э.Вин и др.[33]

---

[31] Цит. по: Степанов Ю.С. Указ.соч. – С.22-23.

[32] Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. – 1904. - № 12. - С.80.

[33] См. например: Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Вехи; Интеллигенция в России. – М., 1991. – С.430; Дживелегов А.К. Интеллигенция // Энциклопедический словарь бр.Граната. 7 изд. 1914. - Т.22. - С.59 – 60; Виноградов В.О. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. – М., 1938. – С.389, 394, 397, 399; Севастьянов А.Н. Национал-капитализм. – М., 1995 . – С.121; Балуев Б.П. Споры в конце XIX в. о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX в.). – М., 1996. – С.301: Вин Э. Интеллигенты в политике и обществе // Интеллигенция и политика. – М., 1978. – С.44.

Однако в настоящее время большинство исследователей считает, что П.Д. Боборыкин был лишь одним из многих, кто способствовал внедрению и укоренению данного слова в русском языке. Данной точки зрения придерживаются Н.И. Балашов, В.Б. Катаев, И.В. Кондаков, Ю.С. Сорокин, американские историки Д. Биллингтон и А. Поллард, немецкий филолог О. Мюллер и др.[34] Мы разделяем данное мнение, поскольку, как уже говорилось ранее, случаи употребления понятия «интеллигенция» как в абстрактно-философском, так и в собирательном социологическом значении отмечены и до П.Д. Боборыкина, и в одно время с ним. Так, в 1868 г. вышло отдельное издание «Войны и мира», в котором имелась фраза: «он [Пьер] знал, что тут [в салоне Шерер] собрана вся интеллигенция Петербурга», а в журнальном варианте 1865 г. это слово еще отсутствовало. В 1870 г. был издан рассказ И.С. Тургенева «Странная история», где герою советуют съездить на бал в дворянское собрание: «ну и всю нашу интеллигенцию вы увидите».[35]

Кстати, И.С. Тургенев допускал наличие качества «интеллигенция» и у животных: в 1871 г. он писал, что «даже собака стала... интеллигентнее, впечатлительнее и сообразительнее, ее кругозор расширился».[36]

Ученый А. Стронин в книге «Политика как наука» также использовал данный термин в значении «представители труда нервного, работники умственные, интеллигенция общества».[37]

Таким образом, понятие «интеллигенция» в исторически закрепившемся значении сложилось в *русской художественной литературе и публицистике.* При этом оно отличалось лексико-семантической неопределенностью и употреблялось то в абстрактно-философском, то в собирательном значении. Четкого социологического определения понятия

---

[34] См.: Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов (к истории понятия "интеллигенция" в русской литературе) // Русская интеллигенция. – С.382- 397; Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции // Там же. – С. 63 – 90; Сорокин Ю.С. Развитие словарного запаса русского литературного языка: 30-90- гг. XIX в. – М.-Л., 1965. – С.148.

[35] Цит. по: Катаев В.Б. Указ.соч. – С.385.

[36] Цит. по: Гаспаров М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. – С.7.

«интеллигенция» не существовало. В этой связи историк В.О. Ключевский отмечал: «очевидно, это – первое слово, подвернувшееся торопливому писателю, когда он искал простейшего термина, которым можно было бы обозначить такое сложное явление, как человек, имеющий научно-литературное образование. Таков уж характер газетного лексикона: он весь состоит из слов кратких и неточных, которые не столько слова, сколько условные знаки».[38]

По мнению филолога В.С. Елистратова, «в значении слова «интеллигенция» есть то, что можно назвать семантическим беспределом. Значение этого слова вмещает в себя все, что угодно, лишь бы это было загадочно, оригинально, приятно и не так, как в других культурах». При этом «в любом высказывании о сути интеллигенции всегда есть одна мысль: интеллигенция – лучшая часть России».[39]

Поскольку же народники именно себя считали этой лучшей частью, силой, противостоящей царскому деспотизму, то стали употреблять этот термин по отношению к себе.

Многие исследователи проблемы «интеллигенция» отмечали, что массовое распространение этот термин получил именно в разночинско-народнической среде. Г.П. Федотов отводил народничеству главное место в истории возникновения феномена русской интеллигенции.[40] Такой же точки зрения придерживались Н.А. Бердяев, Р. Иванов-Разумник, М.И. Туган-Барановский, Г.В. Флоровский, С.А. Булгаков, В. Воровский, Л.Д. Троцкий и др.[41]

---

[37] Стронин А. Политика как наука. – СПб., 1872. – С.22.
[38] Ключевский В.О. Об интеллигенции // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. – С.299.
[39] Елистратов В.С. Язык старой Москвы. – М., 1997. – С.696.
[40] См.: Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. – С.69.
[41] См.: Иванов-Разумник Р. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ. – С.75; Туган-Барановский М.Н. Интеллигенция и социализм // Там же. – С.214; Троцкий Л.Д. Об интеллигенции // Там же. – С.115; Флоровский Г.В. Пути русского богословия // О России...- С.331.

М.Вебер, исследуя революционное движение в России, отмечал, что народники прокламировали себя в качестве творческого дееспособного руководящего меньшинства, осуществляющего волю народа – в качестве интеллигенции.[42]

В наше время это мнение разделяют Н.И. Балашов, М.Н. Гаспаров, М.В. Кондаков, Ю.С. Степанов, П.П. Черкасов и Д.В. Чернышевский, а также ряд других исследователей.[43]

Таким образом, к сороковым годам XIX в. в Российской империи из маргинальных разночинских групп начинает оформляться радикальное политическое движение, выдвигающее первые претензии на власть.

Тогда же в широкое употребление входит термин «интеллигенция», имеющий литературное происхождение. Он отличается лексико-семантической неопределенностью, но в его значении обязательно присутствует аксиологическая доминанта (что- то лучшее). Она сохранилась и в первых научных толкованиях этого слова; в частности, во втором издании «Толкового словаря В.И. Даля»(1881 г.) оно выглядело следующим образом: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей».[44]

Наличие аксиологической доминанты в толковании данного понятия свидетельствует о его антикаузальности, перевесе эмоционального над логическим, то есть о возникновении одного из признаков мифа.

Дальнейшее развитие мифа об интеллигенции определялось расширением границ употребления этого термина. Постепенно слово «интеллигенция», сохраняя прежнюю доминанту, начинает применяться в качестве собирательного наименования членов народнических групп. Однако монополизировать понятие «интеллигенция» народникам не удалось. С развитием политических процессов в России и появлением движений с

---

[42] См. Вебер М. Исторический очерк. С.92.

[43] См.: Гаспаров М.Л. Указ.соч. – С.12; Кондаков М.О. Указ.соч. – С.73; Степанов Ю.С. "Жрец", нарекись и знаменуйся: "жертва" (К понятию "интеллигенция" в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция. – С.26 – 27; Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.326.

[44] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 2 изд. СПб.-М., 1881. – Т. 2.- С.46.

различной идеологией все они начинают использовать данный термин в своей практике, зачастую вкладывая в него противоположные значения.

Этим, по нашему мнению, обусловлено появление еще одного признака мифа – сохранение его «оболочки» (то есть наименования) при смене содержания в зависимости от позиции субъекта мифотворчества.

Для обоснования этого обратимся к анализу взглядов на интеллигенцию представителей основных политических движений дореволюционной России.

Глава 3. Генезис и эволюция мифологемы «интеллигенция»

§ 1. Формирование и укоренение мифологической парадигмы взглядов на интеллигенцию в российском обществе второй половины XIX – начала XX в.

Как уже говорилось ранее, термин «интеллигенция» входит в широкое употребление в народнической среде. Один из первых идеологов народничества, П.Л. Лавров, развивая идею А.И. Герцена о «свободной личности», считал, что главный субъект исторического действия – «критически мыслящие личности», то есть люди, действующие под влиянием осознанного побуждения к развитию общества с позиций этического идеала всеобщего благоденствия. Это русская передовая интеллигенция, исторические деятели.

Кроме них существуют и неисторические – народные массы, лишенные образования, а также «псевдоинтеллигенция» - «дикари высшей культуры», мыслящие по заданному и живущие «как все». Они составляют большинство образованного общества, располагают значительным капиталом, занимают руководящие посты и в силу этого имеют неограниченные возможности для формирования общественного мнения.

По мнению П.Л. Лаврова, наличие образования еще не дает патента на интеллигентность: «профессора и академики сами по себе, как таковые не имели и не имеют ни малейшего права причислять себя к «интеллигенции»... иной автор многочисленных ученых трудов может оставаться фетишистом культурного быта, тогда как далеко выше его в этой интеллигенции стоит какой-нибудь полуграмотный ремесленник, работающий в немногие часы досуга над своим развитием... официальные дипломы не дают ей (русской молодежи) еще права считать себя принадлежащей к интеллигенции, которая

воплощает русскую идейную жизнь... Лишь по недоразумению можно отнести к армии интеллигенции служителей культурных фетишей».[1]

Псевдоинтеллигенция составляет основу «современного бюрократического абсолютизма Российской империи» - главного врага подлинной интеллигенции. Для борьбы с ним подлинная интеллигенция – главный исторический субъект действия – должна объединиться в немногочисленную, но сплоченную, сильную и организованную политическую партию, идеология которой – социализм.

Союзником интеллигенции в этой борьбе будут народные массы, составляющие, по мнению П.Л. Лаврова, «необходимую подкладку социального переворота».

В результате этого переворота низложится «главный враг и социализма, и всякого человеческого развития» - русское самодержавие, и возникнет справедливый социальный строй.[2]

Таким образом, согласно П.Л. Лаврову, интеллигенция – это небольшая группа «критически мыслящих личностей» внутри образованного общества, «творцы истории», объединенные *по социально-этическому критерию*.

Этот критерий стал главным и определяющим при выделении интеллигенции в особую социальную группу. Из него исходили практически все видные теоретики народничества. Так, Н.К. Михайловский писал: «Мы – интеллигенция, потому что мы многое знаем, обо многом размышляем, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой; слепым историческим процессом мы оторваны от народа, мы чужие ему, как и все так называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разум наш с ним».[3]

---

[1] Арнольди С.С. (Лавров) Кому принадлежит будущее? Из рукописей 90-х гг. – М., 1905. – С.230.

[2] См.: Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности (открытое письмо молодым товарищам).// Лавров П.Л. философия и социология. Избранные произведения в 2 т. – М.,1965. – Т.2 – С.442-443

[3] Михайловский Н.К. Записки современника // Отечественные записки. – 1881. - № 12. – С. 201.

Из этого определения исходил другой известный народник В.П. Воронцов, автор статьи «Интеллигенция», помещенной в «Новом энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. По его мнению, интеллигенция – это небольшая группа лиц, сделавшаяся представителем образованности и политической силы. К ней можно причислить только тех граждан России, «...сердце и разум которых с народом и которые из факта своего образования за счет народа делают вывод о долге интеллигенции народу. Таким образом, к интеллигенции причисляется только прогрессивная часть образованного общества, а не в коем случае не служители религии, хотя бы они были людьми весьма интеллигентными».[4]

Л.А. Тихомиров, начинавший как революционной народник, называл интеллигенцию «мирским радетелем». Выступая в ее защиту, он видел в интеллигенции бескорыстных подвижников, особенно полезных в переломные исторические моменты, поскольку «убежденный в своей правоте, каждый из них способен воскрешать и поддерживать в массах уверенность в том, что идеалы правды – не фантазия, не безусловная мечта, а выражение мирового закона. В этом состоит великое значение интеллигенции, делающее ее в полном смысле «солью земли», предохраняющей общество от нравственного разложения».[5]

Результатом практической деятельности интеллигенции станет, согласно Тихомирову, получение возможности народу самому реформировать жизнь.[6]

Следует отметить, что к пониманию интеллигенции, идентичному пониманию Н.К. Михайловского, приходили народники, незнакомые с его работами. Так, Ф. Денисенко отмечал, что данное понятие возникает в художественной литературе и сразу же начинает употребляться для обозначения определенной социальной группы. По его мнению,

---

[4] Новый энциклопедический словарь. – СПб., Б.г. - Т.19. – Стб. 538.
[5] Тихомиров Л.А. (И.Кольцов). В защиту интеллигенции // Дело. – 1882. - № 4. – 2 отд. – С.26.
[6] См.: Там же. – С.28.

интеллигенция – это особая, господствующая каста одаренных лучше от природы передовых людей.[7] Если сравнивать государство с человеческим организмом, то интеллигенция «будет вполне соответствовать нервной системе, распространенной по всему телу и оканчивающейся на периферии».[8]

Задача такой интеллигенции – воспитание и развитие многомиллионной массы населения с помощью школы (в строгом значении этого слова), печати (то есть средств массовой информации) и, главное, политической деятельности.[9]

Однако в народническом движении не было полного единодушия по вопросу об интеллигенции и ее роли в обществе. Умеренный народник либеральной школы Н.Н. Златовратский считал, что интеллигенции следует не столько учить народ, сколько учиться у него общинности, коллективизму и высоким нравственным качествам. Одним из слагаемых этого процесса

Златовратский считал свободное обсуждение интеллигенцией «народного вопроса», то есть свободу печати: «...только свободная интеллигенция во всеоружии своих прав и свободной мысли может слить свои интересы с интересами народа и смело и последовательно взяться за решение задач, логически неизбежно назревших для нашего поколения».[10]

В свою очередь, радикально настроенный революционер-народник Н.Е. Шелгунов подчеркивал роль и значение интеллигенции как «передовой, умственной силы, единственно обладающей государственным и общественным творчеством»; кроме того, она «...сознающая сила и в этой роли – ее государственная функция. Она же создает и новое государство, разрушая сначала критикой все обветшалое».[11]

---

[7] См.: Денисенко Ф. Роль интеллигенции. – Одесса, 1884. – С.5.
[8] Там же. – С.10.
[9] См.: Там же. – С. 13-14.
[10] Златовратский Н.Н. (Н. Оранский). Народный вопрос в нашем обществе и литературе // Русское богатство. – 1880. - № 6. – 2 отд. – С.20.
[11] Шелгунов Н.В. Неизданная записка 1881 – 1882 гг. // Каторга и ссылка. – 1929. - № 8 – 9. – С.165.

Если Н.В. Шелгунов считал интеллигенцию главным субъектом исторического действия, отводя ей ведущую роль в революционном процессе и последующем государственном строительстве, то П. Аксельрод полагал, что «последовательный народник, ставивший выше всего деятельность для народа посредством народа, согласится скорее на политическую бездеятельность, чем на сосредоточение революционного движения исключительно в среде интеллигенции».[12]

Понимание интеллигенции как «слуг народа» сохранилось и у второго поколения народников. А.А. Николаев в 1906 г. писал: «...интеллигентом будет тот, кто понимает правду жизни, видит, как все мы обязаны народному труду и как этот народ обречен в настоящее время на жалкое существование, и, наконец, тот, кто хочет бороться против этой неправды жизни, хочет помочь трудящемуся народу устроить свою жизнь на новых, лучших основаниях и не жалеет для этого сил... Интеллигенцию мы узнаем по ее поведению относительно трудящегося народа».[13]

Почти дословно повторял Н.К. Михайловского его последователь, редактор журнала «Русское богатство» С.Я. Елпатьевский: «...интеллигенция, это – общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, та вооруженная знанием, руководимая общественными интересами часть общества, которая в своих мыслях и чувствах, в своем миропонимании и своем общественном поведении отправляется не от узких, личных, групповых, профессиональных или классовых интересов, а интересов страны вообще, народа вообще, разумея под понятием народа всю сумму трудящихся на всех разнообразных путях человеческого труда».[14]

---

[12] Цит. по: Рязанов Н. Две истины: народничество и марксизм. Очерк из истории русской интеллигенции. – СПб., 1906. – С.35.

[13] Николаев А.А. Интеллигенция и народ. – М., 1906. – С.12 - 13.

[14] Елпатьевский С.Я. По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. – 1905. - № 3. – 2 отд. – С.59.

В наиболее завершенном и целостном виде народническая концепция интеллигенции была изложена в труде Р.В. Иванова-Разумника «История русской общественной мысли». В разделе «Что такое интеллигенция?» автор ставит цель ограничения термина «интеллигенция» конкретными рамками, выделяя основные признаки данного понятия.

По мнению Р.В. Иванова-Разумника, понятие «интеллигенция» характеризуется следующими принципами:

- интеллигенция есть определенная общественная *группа*;
- интеллигенция есть *преемственная* группа; общая идея и общее действие (борьба за освобождение народа) связывает ее в единое историческое целое;
- интеллигенция есть *внесословная* и *внеклассовая* группа.

Это, согласно автору, *социологические* признаки интеллигенции. Кроме них, существует и этический: интеллигенция – *антимещанская* группа. Мещанство, вслед за А.И Герценом, П.Л. Лавровым и Д.С. Мережковским, Иванов-Разумник рассматривает как «толпу сплоченной посредственности».[15]

Все вышеизложенное позволяет автору предложить следующее определение: «интеллигенция есть этически антимещанская, социологически – внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности».[16]

Таким образом, народничество, организуясь, открывает для себя новое пространство человеческой деятельности и самоутверждения – политику как реальность, несводимую к иным составляющим общественного целого. Начало этого этапа Ю.О. Мартов хронологически увязал с образованием партии «Народная Воля», открыто поставившей своей целью

---

[15] См.: Иванов-Разумник В.Р. Что такое интеллигенция.// Интеллигенция. Власть. Народ. – С. 73 - 80.
[16] Там же. – С.80.

государственный переворот.[17] В соответствии с этим возникла потребность определения нового субъекта исторического действия. Поэтому народники создают и внедряют в общественное сознание модель избранного сообщества развитых людей – носителей высшего сознания, выдвигающих претензии на интеллектуальное, образовательное, этическое и организационное превосходство над другими классами, что предполагает руководящую роль этого сообщества. Принадлежность к нему определяется, таким образом, в соответствии с *социально-этическим критерием.*

Данная теоретическая модель имплицитно экстраполировалась на представление о социальной структуре российского общества, создавая тем самым ее принципиально новый образ.

Главенствующее место в этой структуре занимала интеллигенция. Другой элемент – народ – представлен в качестве основной силы истории, однако еще не способной подняться до осмысленного и организованного протеста в силу отсутствия научного мировоззрения. Поэтому воспитание народа – основная задача интеллигенции.

Тем самым народная масса представала в качестве *объекта* воздействия.

Следующие элементы социальной структуры, враждебные интеллигенции и народу, - буржуазия, дворянство и чиновничество. Борьба с ними, считал Н.К. Михайловский, составляет одну из главных задач интеллигенции.[18]

В свою очередь, государственные служащие различных рангов никогда не употребляли термин «интеллигенция» по отношению к себе. Л.Д. Любимов, внук профессора-консерватора, вспоминал, что «наши отцы презирали этот термин и никогда не применяли его к себе».[19]

---

[17] См.: Мартов Ю.О. Общественные и умственные течения в России 1870 – 1906. – Л.; – М., 1924. – С.46.
[18] См.: Михайловский Н.К. Указ.соч. – С.205 - 206.
[19] Любимов Л.Д. На чужбине. – Ташкент, 1965. – С. 43.

Это же отмечал и публицист-народник С.Я. Елпатьевский, утверждая, что «крепостнически-бюрократические люди», примыкавшие к правящим слоям, «тщательнее всех отгораживали себя от интеллигенции и настойчиво уверяли, что там нет интеллигенции».[20]

Следовательно, народничество не только создало отдельную мифологему «интеллигенция» и представило ее в качестве субъекта политического действия, но и вписало ее в определенную мифологическую систему, состоящую из нескольких взаимосвязанных элементов.

Во всех последующих вариантах теории социальной структуры в России использовались мифологемы, созданные народниками, и в том числе – интеллигенция.

Фактически же народники создали модель «идеального типа» бюрократа, позднее описанного М. Вебером – образованного, компетентного и бескорыстного, стоящего над сословиями и пекущегося о благе народа.

Однако народники не были государственниками в полном смысле этого слова. Их отношение к политике было, по мнению Г.П. Федотова, бессознательно-религиозным, а политическая деятельность являлась, по сути, сектантской борьбой с царством «зверя государства». Во власти народникам всегда чудилось нечто грязное, поэтому они боялись и презирали ее.[21]

Идеи, развиваемые народниками в теории и попытки осуществления их на практике в конечном итоге сводились к бунтарско-анархической борьбе с властью, где интеллигенция выступала субъектом этой борьбы при помощи набора средств от либеральных (воспитание, пропаганда, агитация) до радикальных (восстание и переворот). Это могло произойти в том случае, если они возьмут власть; какой подразумевался тип государства, какие формы государственного управления придется вводить и кто будет главным субъектом управления – об этом народники не задумывались. К примеру, в программе организации «Земля и Воля» записано, что интеллигенция

---

[20] Цит.по: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. – М., 1981. – С.35.
[21] См.: Федотов Г.П. Революция идёт.// Федотов Г.П. Судьбы и грехи России. – Т.1. - С.142 - 144.

совместно с народом разрушит послепетровскую машину самодержавной власти и установит анархию и коллективизм.[22]

Свое логическое завершение миф об интеллигенции как составной части социальной структуры российского общества получил в русском воплощении марксизма – в теории и практике большевизма. В своей практической деятельности большевики во многом опирались на положения, выдвинутые одним из своих предшественников – П.Н. Ткачевым.[23]

При анализе социальной структуры он первым высказал мысль, что в России еще нет ни многочисленного фабричного пролетариата, ни буржуазии, поэтому страдающий народ и деспотическое правительство стоят лицом к лицу, лишенные примиряющего посредничества среднего сословия. Считая невозможным в таких условиях появление массовой революционной организации, П.Н. Ткачев выдвинул идею строго централизованной дисциплинированной партии, создаваемой силами интеллигентного, умственно и нравственно развитого «революционного меньшинства» для захвата власти.[24]

Это революционное меньшинство должно включать в себя три основные «общегосударственные» категории граждан – бюрократию, до мозга костей проникнувшуюся идеалами государства, людей науки, и представителей формирующегося фабричного пролетариата.

После революции партия должна сохранить власть для построения государства нового типа – «авторитарного, образовавшегося сверху вниз, говоря прямо – государства диктаторского», и сама стать *государственной* властью, то есть высшим типом власти, наиболее прочным и могущественным.[25]

---

[22]. См.: Руденко В.Н. Популистская традиция в России от возникновения до большевизма.// Ленинизм и Россия. – Екатеринбург, 1995. – С. 181.

[23] Обусловленность революционной практики большевизма теориями П.Н. Ткачева отмечали в свое время один из лидеров меньшевизма Ф.И. Дан, философ-эмигрант Ф.А. Степун, советские ученые Б.Горев, С. Мицкевич и М.Н. Покровский.

[24] См.: Ткачев П.Н. Соч.: В 2 т. – М., 1975. – Т.1 – С.31.

[25] См.: Там же. – Т.2. – С.149, 187.

В своей деятельности партия не должна рассчитывать на активную поддержку народа. Ему в этой схеме отводилась пассивная роль, поскольку он никогда не будет готов к революции, так как консервативен и неспособен к стройной и целесообразной организации: «народ – необходимый фактор социальной революции, но только тогда, когда революционное меньшинство возьмет в свои руки дело этой революции, когда оно постоянно будет направлять и руководить как революционными, так и консервативными силами общества».[26]

Революционное насилие, по мнению П.Н. Ткачева, в конечном итоге идет на благо всего общества для осуществления его основных идеалов. Революционный же идеал в общих своих чертах есть тот же консервативный идеал народа, «только полнее и всесторонне развитый в известном и определенном направлении».[27]

Подводя итог, П.Н. Ткачев следующим образом формулирует свою основную концепцию: «революционное меньшинство, пользуясь разрушительно-революционной силой народа, уничтожает врагов революции и, основываясь на общем духе положительного народного идеала (то есть на консервативных силах народа), положит основание новому разумному порядку общежития».[28]

Таким образом, П.Н. Ткачев выдвинул и обосновал идею непрерывности государственной власти в России и, соответственно, преемственности государственного аппарата, инновационной формой которого после переворота станет партия, состоящая из революционного меньшинства, то есть интеллигенция станет новой бюрократией.

Идею партии, руководимой революционным меньшинством, вооруженной теорией, привлекательной для масс и предназначенной не только для захвата власти, но и для дальнейшего функционирования в

---

[26] Там же. – С.169.
[27] Там же.
[28] Там же.

качестве государственного аппарата управления, воплотили в жизнь большевики под руководством В.И. Ленина. Они оказались единственными, кто реально боролся за власть на основе долговременной, теоретически обоснованной стратегии, предусматривавшей самые отдаленные перспективы государственного строительства. Как отмечал А.С. Панарин, марксизм, вобравший в себя начало немецкого бюрократического сциентизма, пришел в Россию не только с революционно-освободительной, но и с организационной миссией.[29]

В своей программной работе «Что делать?» В.И. Ленин утверждал, что одной из главных задач революционного марксистского движения является создание всероссийского группового аппарата управления, или, точнее говоря, общерусской централизованной организации, объединяющей в единый поток все проявления политической оппозиции, состоящей из профессиональных революционеров и руководимой политическими вождями всего народа.[30]

Образцом такой партии могли бы стать организации революционеров 70-х гг., однако ошибка как русской легальной, культурнической интеллигенции, так и крайне левой, радикальной интеллигенции заключалась в том, что «они опирались на теорию, которая, в сущности, была вовсе не революционной теорией и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества».[31]

Наиболее передовым учением, центральное место в котором занимала теория классовой борьбы, по убеждению В.И Ленина, был марксизм. Тем не менее, он считал, что любая теория, чтобы стать руководством к действию, должна быть редуцированна до наличного уровня сознания масс. Поэтому В.И. Ленин выдвинул концепцию «научной идеологии», то есть способа

---

[29] См.: Панарин А.С. Смысл истории // Вопросы философии. – 1999. - № 9. – С.6.
[30] Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полн.собр.соч. – Т.6. – С.99.
[31] Там же. – С.135.

укоренения русской версии марксизма в массовом сознании. С ее помощью к образу реальной действительности «достраивались» существенные черты бытия, постигнутые с помощью материалистического понимания истории, в результате чего образ действительности обретал целостность.

Одной из таких черт была «классовая борьба пролетариата», что предполагало, во-первых, наличие классов, то есть определенной социальной структуры; во-вторых, выделение рабочего сословия в особый класс – пролетариат; в-третьих, внесение в этот класс идеологии социализма с помощью специалистов-идеологов; в-четвертых, признание пролетариата политическим субъектом действия.[32]

В этой связи А.С. Панарин отмечал, что в русском марксизме столкнулись и объединились две субкультуры – апокалиптическая, вобравшая в себя всю энергетику униженных и оскорбленных, и сциентистско-бюрократическая, представляющая рационалистический миф Просвещения, в его радикализованной версии тотальной заорганизованности. Она и стала доминантной.[33]

Поэтому мифологемы, присутствующие в каждой из субкультур, поменялись местами. Интеллигенция, занимавшая главное место в теории народничества, была подчинена главной мифологеме марксизма – пролетариату.

На изначально мифологический характер данного термина обращал в свое время внимание Н.А. Бердяев, считая, что идея пролетариата у К. Маркса не научная, а мессианская. По его мнению, К. Маркс объективировал свои страстные эмоции и превратил нравственные суждения в онтологические. Затем «марксизм был приспособлен к русским условиям и русифицирован. Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей. В

---

[32] См.: Там же. – С.362 – 363.
[33] См.: Панарин А.С. Указ.соч. – С.6.

русской коммунистической революции господствовал не эмпирический пролетариат, а идея пролетариата, миф о пролетариате».[34]

В действительности же разнообразные группировки рабочих очень дифференцированы. Они не являются носителями полноты человечности, не имеют единого «пролетарского» сознания и ведут борьбу лишь за конкретные насущные интересы.

Тем не менее, Н.А. Бердяев считал, что мифотворческая идея пролетариата имеет громадное значение в борьбе, поскольку мифы всегда динамичнее реальности, и все революции основывались на мифах, которые, в свою очередь, делались реальностью, переворачивающей историю.[35]

В свою очередь, Л.Д. Троцкий отмечал, что политической профессией определенных идеологических групп становится «заместительство несуществующих классов»: сначала разночинец-народник замещает крестьянство, затем марксист заместительствует пролетариат.[36]

По мнению историка и философа Ф.А. Степуна, попытка В.И. Ленина создать нужный для революции пролетариат «из крестьянской среды говорит за то, что классово-сознательного пролетариата в России не было. Быстрый рост индустриализации России и связанное с этим увеличение на фабриках числа сезонных рабочих из крестьян, несомненно, сближало последних с рабочими и горожанами. Но настоящим пролетариатом… эти крестьяне все же не становились».[37] В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» произвольно завысил численность пролетариата, поскольку теоретически расслоил крестьянство, отнеся богатых к буржуазии, а бедных к пролетариату.[38]

---

[34] Бердяев Н.А. Русская идея. – С.264, 335.
[35] См.: Бердяев Н.А. Царство духа. - С.335..
[36] См.: Троцкий Л.Д. Об интеллигенции.// Интеллигенция. Власть. Народ. – С.115.
[37] Степун Ф.А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции.// В кн.: Интеллигенция. Власть. Народ. – С.290.
[38] Там же. – С 287.

На самом деле к 1917 г. при населении 143,5 миллиона человек промышленных рабочих насчитывалось около 3,6 миллионов человек, то есть 2,5%.[39]

В наше время на мифологический характер термина «пролетариат» (и ряда других) указывал французский социолог Р. Арон. Эту точку зрения разделяет также А.В. Иванов, Н.А. Остарков, В.В. Скоробогацкий и ряд других ученых.[40]

Объявив пролетариат реально существующим и передовым классом современного общества, большевики определили и его основных противников. Первым из них стал царский государственный аппарат. В.И. Ленин, констатировав факт, что бюрократия (особый слой лиц, специализировавшийся на управлении и поставленный в привилегированной положение перед народом), нигде не имела такой власти и не действовал так бесконтрольно, как в абсолютистской России, характеризовал ее как «чисто военную, строго централизованную, руководимую до самых мелочей единой волей организацию русского правительства, нашего непосредственного врага в политической борьбе».[41]

Другим врагом считалось реформистское крыло в социал-демократии: «реформизм против социалистической революции – вот формула современной «передовой», образованной буржуазии. И... чем чище господство буржуазии, тем шире область применения «новейшего» буржуазного лозунга: Реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти».[42]

---

[39] См.: Жидков В.С. Российская интеллигенция. Большевизм. Революция.// В кн.: Русская интеллигенция. – С. 288.

[40] См.: Иванов А.В., Остарков Н.А. Социалистическая идея в русском марксизме. – В кн.: Марксизм и Россия. – М., 1990. – С.137; Скоробогацкий В.В. Ленинский этап в развитии марксизма: идейный контекст и исторические рамки. – Там же. - С.46.

[41] Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов. Что делать? // Полн.собр.соч. – Т.2. – С.455; Т.6. – С.161.

[42] Ленин В.И. Реформизм в русской социал-демократии // Там же. – Т.20. – С.305.

Не считалось союзником и народническое (а позднее - неонароднические) движение, с которым, прежде всего, ассоциировалось понятие интеллигенция – воплощение хаоса, безверия и неупорядоченности. П. Лафарг отмечал половинчатость и нерешительность интеллигенции, пытающейся заменить классовую борьбу нравственным усовершенствованием.[43] В свою очередь, Г.В. Плеханов считал, что интеллигенция никогда не представляла собой самостоятельную экономическую и материальную силу, а ее взгляды эволюционировали от «бессознательно буржуазного народничества» к откровенно буржуазному мировоззрению. Поэтому, полагал Г.В. Плеханов, движение, организованное тесными рамками интеллигенции, ни в коем случае не может быть названо социалистическим. Оно способно служить только преддверием и предвестием настоящего социалистического движения, то есть движения рабочих, которое воспитает в своих рядах новую рабочую интеллигенцию, и она успешно выполнит свою историческую миссию.[44]

С Г.В. Плехановым солидаризовался В. Керженцев. По его мнению, «русская интеллигенция... всегда страдала позорным разгильдяйством, жалкой бесхарактерностью, элементарным неумением работать. И при этом она всегда отличалась чрезмерным самолюбием и самовлюбленностью, желанием господствовать над массами...».[45]

В.И. Ленин также не считал интеллигенцию самостоятельным политическим классом, способным к организованным политическим действиям, а только социальным слоем, занятым преимущественно умственным трудом.[46]

В силу характера своего труда, и ряда субъективных факторов – индивидуализма, неспособности к дисциплине и организации, а также «мещански-интеллигентского оппортунизма», интеллигенция может обрести

---

[43] См.: Лафарг П. Социализм и интеллигенция. – СПб., 1906. – С.28.
[44] См.: Плеханов Г.В. Materialismus militans (ответ г.Богданову) // Соч. - М., 1958. – Т.3 – С.263 - 265.
[45] Керженцев В. Еще об интеллигенции.// В кн.: Интеллигенция и Советская власть. – М., 1919. – С.61.
[46] См.: Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии) // Полн.собр.соч. – Т.8. – С.309.

реальную силу, только примкнув к определенному классу. Таковым наиболее отвечающим ее интересам классом, по мнению В.И. Ленина, была буржуазия. В связи с этим он отмечал, что современная ему «русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной».[47]

Она отличалась «узкоинтеллигентским самомнением», а также «бюрократическим мышлением» и, по сути, была «родней русскому чиновничеству», то есть, согласно В.И. Ленину, нарождающейся разновидностью новой бюрократии.[48]

Однако и Г.В. Плеханов, и В.И. Ленин (а вслед за ними их сторонники – А.В. Луначарский, В.В. Воровский и т.д.), несмотря на субъективное неприятие народничества, объективно исходили из народнического же понимания интеллигенции как лучшей части общества (сузив его до рамок класса). Каждый класс вырабатывает свою интеллигенцию, и рабочие не исключение: «как и всякий другой класс современного общества, пролетариат… вырабатывает свою собственную интеллигенцию».[49]

По убеждению В.И. Ленина, «в России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы… из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической партии», поскольку «всегда и везде вождями известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители».[50]

Эту точку зрения разделяли и другие, менее известные соратники В.И. Ленина. Так, М. Белорусс считал, что рабочие-интеллигенты должны

---

[47] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе) // Там же. – Т.1. – С.441.
[48] Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Там же. – Т.2. – С.456.
[49] Ленин В.И. Революционный авантюризм // Там же. – Т.6. – С.389.
[50] Ленин В.И. Попятное направление в русской социал-демократии // Там же. – Т.4. – С.269; По поводу «profession de foi» // Там же. - С.316.

составить костяк, ядро пролетарской партии.[51]

По мнению М.Л. Мандельштама, интеллигент-пролетарий – высшая и завершающая фаза развития интеллигенции.[52]

Таким образом, согласно концепции, разработанной В.И. Лениным, инструментом завоевания власти является партия, созданная передовым классом – пролетариатом, и выражающая его интересы с помощью научной идеологии марксизма. Она же является основой государственного аппарата, который необходимо будет создать после революции. Главным принципом строения партии является централизм и железная дисциплина. Руководит партией (а, следовательно, в последствии и госаппаратом) небольшая группа наиболее интеллигентных ее представителей.

Большевистская концепция, в отличие от народнической, более четко социологически выстроена. Интеллигенция является передовой частью пролетариата и его руководителем; в свою очередь, пролетариат является передовым классом; остальной народ является объектом воздействия. Кроме того, использован иной критерий выделения интеллигенции в особую социальную группу. Если у народников он *социально-этический*, то у большевиков – *социально-классовый*. Однако реальность существования интеллигенции как особой социальной группы, пекущейся о благе народа и выражающей интересы передового класса, ни у народников, ни у большевиков не вызывала сомнения.

Тем самым проявляется еще один признак мифа – сохранение его оболочки (то есть наименования «интеллигенция») при радикальном изменении содержания в зависимости от конкретных политических целей.

В реальности же появление большевистской партии означало, по мнению А.Н. Потресова, логическое завершение партийного строительства 70-90-хх гг. XIX века: «агитационно-пропагандистский кружок «просветительского» типа окончательно стушевался перед организацией, в

---

[51] См.: Белорусс М. Рабочие и интеллигенция. – Женева, 1904. – С.57.
[52] См.: Мандельштам М.Л. Интеллигенция как категория капиталистического строя. – Казань, 1890. – С.47.

которой все должно быть приноровлено к осуществлению воли... высших инстанций и к передаче этой воли для исполнения массам».[53]

Такого рода организация предполагала создание административной машины, аппарата управления. Он, в свою очередь, с неизбежностью подразумевал лестницу иерархических учреждений и перестройку «интеллигентски-кружковых» отношений применительно к обусловливающим друг друга началам подчинения и властвования, смену примитивных основ обычного права разветвленной системой писаного закона уставных норм. Следствием этого, считал А.Н. Потресов, при отсутствии контроля со стороны рабочих масс и сохранении традиционной кружковой обособленности, стал партийный бюрократический централизм.[54]

Историк Р. Пайпс отмечал, что радикальная интеллигенция, борющаяся с режимом, который традиционно основывался на принципе обязательной государственной службы, сама прониклась служилой психологией.[55]

М. Вебер, в свою очередь, указывал на сектантский характер радикальной социал-демократии, и бюрократический характер их организации, при котором идеологическая догма придает революционеру сознание собственной непогрешимости, уверенность в своих силах и в скорой победе, после которой, по мнению М. Вебера, новая власть станет «централизованным чиновничеством», руководствующимся принципом «якобинского бюрократизма».[56]

По мнению Ф.А. Степуна, иерархически выстроенная и централистски организованная ленинская партия была инструментом захвата власти и одновременно костяком будущего госаппарата. Поскольку в ее основу были заложены бюрократические принципы, то и новая Россия будет строиться не на демократических, а на бюрократических началах.[57]

---

[53] Потресов А.Н. О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии.// В кн.: Интеллигенция. Власть. Народ. – С.267.
[54] См.: Там же.
[55] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993. – С.366.
[56] См.: Вебер М. Исторический очерк. - С.66-70.
[57] См.: Степун Ф.А. Указ.соч. – С.300.

На тенденции такого развития партийного строительства указывал Л.Д. Троцкий исходя из опыта подпольной работы. По его мнению, уже к началу XX века в большевистском подполье успели сложиться аппаратные навыки, наметился тип молодого профессионального революционера-бюрократа.[58]

Таким образом, большевистская партия, по сути, была разновидностью бюрократической организации и представляла собой институционализирующуюся форму «параллельной власти», описанную М. Крозье. Тем самым она являлась преемницей царского бюрократического аппарата.

Однако у бюрократии «нового», ленинского типа имелся ряд отличий, первым из которых был ее социальный состав. Если царская бюрократия, как уже было рассмотрено ранее, состояла из лиц, принадлежащих к определенным сословиям, то основу ленинской партии составляли профессиональные революционеры. Они, по словам В.И. Ленина, были разновидностью деклассированных людей, выбитых из своего класса, оставшихся без связи с определенным классом, то есть маргинальной прослойкой. Следовательно, организация профессиональных революционеров находилась *вне* тогдашнего общества и рассматривалась В.И. Лениным в качестве самостоятельного, автономного социального организма, функционирующего по своим правилам, который после революции составит ядро новых правителей России.

Их главной специальностью является антигосударственная деятельность: «Организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности... Пред этим общим признаком членов такой организации должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других».[59] При этом

[58] См.: Троцкий Л.Д. Сталин. – В 2 т. – М., 1990. . – Т.1 – С.94.
[59] Ленин В.И. Что делать? // Там же. – Т.6. – С.112.

революционер находится на содержании организации: «Мы должны *позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии*».[60]

Вторым отличием бюрократии нового типа было наличие идеологии, доступной и привлекательной для масс.

Фактически большевики создавали аппарат и способ управления, более соответствующий потребностям времени. По мнению А.Н. Севастьянова, исторический смысл падения российской монархии и прихода к власти большевиков заключался в замене устаревшего беспартийно-административного способа управления на более совершенный – партийный: «самодержавие изжило себя, утратив авторитет – главный и незаменимый свой рычаг. И партия – гибкая и всепроникающая структура, связанная строгой иерархией и железной дисциплиной, стала идеальным инструментом *власти новой эпохи*».[61]

Тем самым воплотилась в жизнь концепция М.Я. Острогорского, считавшего, что основной тенденцией политического развития царской России постепенно становится приоритет организации над обществом и идеологических институтов над организацией.[62]

Итак, организация большевиков представляла собой новый тип бюрократии, идущей на смену царской – бюрократии партийной, основу которой составляли профессиональные революционеры, то есть маргиналы, вооруженные теорией русифицированного марксизма (позднее названной теорией марксизма-ленинизма).

Именно в данной теории, по нашему мнению, миф об интеллигенции *находит свое логическое развитие и завершение, поскольку вписывается* в систему мифологем (коммунизм, класс, пролетариат и т.д.), находясь с ними в функциональной взаимосвязи, и становится частью более глобального мифа социально-классовой структуры. Кроме того, понятие «интеллигенция»

---

[60] Там же. – С.133.
[61] Севастьянов А.Н. Национал-капитализм. – М., 1995. – С.18.
[62] См.: Острогорский М.Я. Демократии и политические партии. – М., 1997. – С.17.

эксплуатируется другими политическими группировками, поэтому в период с 90-х гг. XIX века до 1917 г. проявляется большая часть признаков мифа об интеллигенции. Р. Барт в этой связи отмечал, что вершиной любого политического мифа является его встраивание в классовую теорию и функционирование в качестве ее составляющей.[63]

Ранее нами уже был рассмотрен ряд признаков данного мифа.

Одним из них является сохранение «оболочки» мифа (его наименования) при радикальном изменении его содержания в зависимости от того, какими политическими силами он используется. У народников интеллигенция определялась в соответствии с социально-этическим критерием, у марксистов – в соответствии с социально-классовым.

Другой признак – антикаузальность мифа, доминанта эмоционального, аксиологического (неважно, положительного или отрицательного) над логическим в его определении. Если у народников интеллигенция была просто лучшей частью общества, то у большевиков – лучшей частью класса. Если Г.Г. Шпет считал интеллигенцию аристократией таланта и творчества, то В.О. Ключевский предлагал уничижительную характеристику, классифицируя ее следующим образом:

«1. Люди с лоскутным миросозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных;

2. Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению;

3. Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные и без верований и без мыслей, с одними словами и аппетитами».[64]

Однако во всех случаях налицо априорное признание интеллигенции как лучшей (или худшей), но реально существующей общественной группы.

---

[63] См.: Барт Р. Указ.соч. – С.69.

[64] Ключевский В.О. Об интеллигенции. – В кн.: Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – С.299.

Об антикаузальности свидетельствует и тот факт, что исследователи этого феномена, придерживающиеся традиционной парадигмы взглядов на интеллигенцию, не имеют единого мнения по вопросу датировки ее появления. Как отмечал В.В. Кожинов, «вопрос о времени возникновения феномена «интеллигенция» в России не решен сколько-нибудь основательно».[65]

Согласно точке зрения Г.П. Федотова, первыми интеллигентами на Руси были православные священники, монахи и книжники Киевского и Московского периодов древнерусской культуры.[66]

Г.С. Кнабе считает, что многие черты «интеллигента» явственно обнаруживаются в кругу Максима Грека, Вассиана Патрикеева, новгородских «жидовствующих», то есть в начале XVI столетия, в правление Ивана III.[67]

Достаточно многочисленна группа сторонников теории возникновения интеллигенции в эпоху Петра I. Так, Д.С. Мережковский утверждал: «Я уже говорил и вновь повторяю и настаиваю – первый русский интеллигент – Петр».[68] С ним солидаризуется П.Н. Милюков, а также М.Н. Туган-Барановский и чуть позднее В. Муравьев.[69]

В наше время это мнение разделяют В.С. Жидков, А.Н Новикова с И.Н. Сиземской, С.С. Элбакян, а также Н.Н. Балашов, который утверждает: «Непрерывное развитие русской интеллигенции начинается со времен реформ Петра I».[70]

---

[65] Кожинов В.В. Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции.// Русская интеллигенция. – С.110.
[66] См.: Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. – С.72 – 75.
[67] См.: Кнабе Г.С. Финал: Арбатская эпопея.// Русская интеллигенция. –С.363.
[68] Мережковский Д.С. Грядущий хам. – С.97.
[69] См.: Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция.// Вехи. – С.360; Муравьев В.Н. Рев племени // Из глубины. С. 192-194; Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм. – Там же. – С.421.
[70] См.: Жидков В.С. Указ.соч. – С.276; Элбакян Е.С. Место интеллигенции в Российской цивилизации. – М., 1999. – С.8; Балашов Л.И. Русская интеллигенция в ее классическом виде как важный субъект формирования живой культуры России XIX - XX вв.// Русская интеллигенция. – С.234.

В.Р. Иванов-Разумник предполагал, что группа русской интеллигенции существует со времен Новикова, Радищева и Фонвизина.[71]

Г. Андреев считает, что «именно в век Екатерины возникло такое явление, как русская европейская интеллигенция, которая с самого начала своего существования стала в оппозицию к власти».[72]

Д.Н. Овсянико-Куликовский начинал отсчет истории русской интеллигенции с момента опубликования «Философического письма» П.Я. Чаадаева.[73]

Зачастую в рамках одного исследования автор высказывает взаимоисключающее мнение. Так, Г.П. Федотов, отнеся вначале возникновение интеллигенции к эпохе Древней Руси, затем утверждает, что «интеллигенция рождается с Петром».[74]

Н.А. Бердяев в работе «Русская идея» высказывает три противоположные точки зрения: интеллигенция возникает в эпоху Петра I; первым русским интеллигентом был Радищев; она рождается вместе с масонами и декабристами.[75]

Следовательно, основания для датирования генезиса русской интеллигенции определяются самими исследователями и носят произвольный и субъективный характер.

Таким образом, антикаузальность мифа подтверждается по нескольким основаниям.

Средствами распространения мифа в России служили газеты, литературно-публицистические журналы и альманахи. Н.А. Ульянов, автор «Указателя журнальной литературы за 1896-1910 годы» считал, что именно

---

[71] Иванов-Разумник В.Р. Указ.соч. – С.74.
[72] Цит.по: Соколов Т.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность.// Русская интеллигенция. – С.152.
[73] См.: Овсянико-Куликовский Д.Н. Из истории русской интеллигенции.// Овсянико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические опыты. – В 2 т – М., 1989. . – Т.2. – С.5 – 8.
[74] Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. – С.79.
[75] См.: Бердяев Н.А. Русская идея. – С.56, 66, 63.

«толстая журналистика» руководит чтением широких масс интеллигенции и вырабатывает у нее определенное мировоззрение.[76]

Народники еще не обладали полноценными возможностями использования печатных органов в силу их малочисленности и малотиражности. Журнал «Современник» имел 1862 г. 7000 подписчиков, «Русское слово» - 4000. При этом цензура пропускала не более трети представленного в журнал материала.

Нелегальные народнические издания выходили нерегулярно и малыми тиражами. «Земля и воля» (6 номеров в 5 выпусках) выходила с октября 1878 по июнь 1879 г.; «Народная воля» (12 номеров в 9 выпусках) – с октября 1879 по октябрь 1885 г. Их тиражи составляли максимум 2,5 тысячи экземпляров.

В начале 90-х гг. органом народничества стал журнал «Русское богатство», возглавлявшийся Н.К. Михайловским. В 1899 г. его тираж составил 11 тысяч экземпляров.[77]

Большевики учли ошибки народников, использовав все возможности для создания легальных и нелегальных изданий и распространения их среди населения. В.И. Ленин заявлял: «Нет иного средства воспитать сильные политические организации, как посредством общерусской газеты».[78] Поэтому с конца 1900-х гг. в России непрерывно выходили центральные большевистские газеты, а на их основе – провинциальные партийные издания.

С 1901 до конца 1905 г. за границей издавались «Искра», «Вперед!», «Пролетарий». С конца октября 1905 по июль 1906 г. выходили 5 легальных большевистских газет. В 1906-1912 гг. за границей печатались «Пролетарий», «Социал-демократ», «Рабочая газета». Наконец, с конца 1910 до июня 1914 г. в России выходили легальные газеты «Звезда» и «Правда», журналы «Мысль» и «Просвещение».

---

[76] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. – М., 1981. – С.124.
[77] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. – М., 1971. – С.227 – 228.
[78] Ленин В.И. Что делать? // Полн.собр.соч. – Т.6. – С.161.

Эти издания распространялись огромными для своих материальных и полиграфических возможностей тиражами: «Новая жизнь» - до 60 тысяч, газеты 1906 г. – до 100 тысяч, «Правда» к началу 1914 г. – до 60 тысяч, а 5 мая 1915 г. ее праздничный выпуск вышел 130-тысячным тиражом.[79]

В июне 1914 года петербуржское охранное отделение констатировало, что большевистские организации «сумели правильно соорганизовать по всей империи массы революционно настроенного и недовольного существующим строем элемента, фактически выполнив этим самым функции преследуемых законами подпольных социалистических организаций».[80]

Таким образом, печатные органы были *средством* внедрения мифа в общественное сознание. *Формой* проявления мифа в обществе была идеология, представлявшая собой, по мнению А. Кольева и ряда других ученых, систему мифологем, то есть механизмов превращения мифа мышления в миф, объединенных единой концепцией.[81]

Идеология, альтернативная официальным установкам правящего режима, предполагала особый язык, «новояз», словарный состав которого состоял из набора мифологем. На этапе разрушения старой социальной нормы и внедрения новой идеологии в сознание общества мифологемы выполняет функции эмоционального воздействия, а также констатации обозначаемого ими явления как давно и реально существующего, но не объяснения его сути. Тем самым мифологема становится для оппозиционной части общества признанным и обыденным словом. Так произошло и с термином «интеллигенция», вошедшим в повседневное употребление в разночинских кругах, но официально не признаваемым властями. Сословия «интеллигенция» в «Табеле о рангах» царской России не существовало, хотя де-факто это понятие использовалось и в государственных документах.

---

[79] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 гг. – С.127.
[80] Цит.по: Никитин Л.Н. Большевистский журнал «Просвещение». – М., 1955. – С.15.
[81] См.: Кольев А. Указ.соч. – С.178.

«Энкратическим» (то есть признаваемым властями и употребляемым ими) это понятие стало только после Октябрьской революции. Тогда же, по нашему мнению, произошло окончательное укоренение термина «интеллигенция» и в научном лексиконе.

Следующим признаком мифа является ограниченность его функционирования рамками определенной территории. Как отмечал Р. Барт, любой политический миф имеет свою географию.[82]

М. Элиаде, в свою очередь, также считал, что миф не имеет универсального характера и функционирует в ограниченном ареале.[83]

В данном случае это обозначает, что термин «интеллигенция» получил широкое признание и распространение только в России. Уже Н.К. Михайловский писал: «Не бог знает, конечно, какая находка это слово, но любопытно, что ...нигде в Европе подобное слово не употребляется в смысле определения особой общественной силы... по-моему, в самой наличности этого нескладного на русское ухо слова есть нечто отчасти утешительное, отчасти прискорбное и, во всяком случае, обусловленное особенностями русской истории».[84]

Точка зрения на интеллигенцию как на уникальный, только в России существующий социальный феномен, разделялась подавляющим большинством исследователей, от авторов «Вех» до их оппонентов. «Только русской» называл интеллигенцию Д.С. Мережковский. И.А. Гредескул полагал, что «другие страны не знали и не знают такой интеллигенции, как наша, русская, разумея здесь тот ее вид, какой она имела в течение XIX столетия».[85]

Действительно, понятие «интеллигенция» не получило распространения не в одной стране мира. Во всех толковых и двуязычных словарях этот термин дается в двояком написании. Так, немецкий Brokhaus-

---

[82] См.: Барт Р. Указ.соч. – С.119.
[83] См.: Элиаде М. Священное и мирское. С.93.
[84] Михайловский Н.К. Указ.соч.– С.201 - 202.
[85] Гредескул И.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл. –Вехи. – С.234.

Lexicon (in 20 Bd. Mannheim, 1989) наряду со словами intellektueller, intelligenz дает слово inttelegenzija, intelligentsija с пояснением: «Возникшее в 1860-е гг. в России название социальной группы образованных людей, по преимуществу выходцев из духовенства, позднее – вовлеченных в общественную, нередко антиправительственную деятельность интеллектуалов». Другой немецкий толковый словарь (Meyers Grosses Taschenlexicon: in 84 Bd. Mannheim; Wien, Zürich 1981) дает слову intelligentsija сходное толкование: «Установившееся в 1860-е гг. название радикальной революционной элиты русского образованного слоя». С пометой Mot Russe приводят слово intelligentsija французские Dictionaire Alphabetique Delangue Francaise и Houveau Petit la Rousse. Большой англо-русский словарь по ред. И.Р. Гальперина (М., 1979) наряду со словами Intellectual, Intelligence также дает как самостоятельную единицу русское по происхождению Intelligentsia, Intelligentzia.[86]

Таким образом, термин «интеллигенция», имеющий литературное происхождение и расплывчатое толкование, внедряется в общественное сознание, начиная с 40-хгг XIX в. маргинальной группой разночинцев, исповедующих радикальные политические идеи, с целью создания позитивного образа данной группы. За короткий срок он входит в широкое употребление, становясь феноменом, обладающим совокупностью признаков, позволяющих квалифицировать его как политический миф:

- в определении интеллигенции отсутствует каузальность, эмоциональное довлеет над логическим;
- при сохранении «оболочки» мифа (то есть наименования) его содержание варьируется в зависимости от того, какой политической силой он используется; принадлежность к интеллигенции определяется в соответствии либо с социально-этическим (народники), либо с социально-классовым критерием (марксисты);

[86] См.: Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов. – С. 396.

- одну из главных ролей при внедрении мифа в общественное сознание играют средства массовой информации тех лет (газеты и литературно-публицистические журналы);
- термин «интеллигенция» входит в словарь идеологического «новояза» радикализованных групп российского общества. В свою очередь, официальные власти не признают и не используют его;
- данный термин входит в широкое употребление только в России.

Кроме того, термин «интеллигенция» постепенно вписывается в **систему** мифологем (класс, пролетариат и т.д.), становясь ее составной функциональной частью.

Таким образом, за короткий промежуток времени, термин «интеллигенция», имеющий литературное происхождение и расплывчатое толкование, превратился в мифологический феномен, встроенный в систему мифологем и используемый в интересах различных политических группировок, стремящихся к власти.

Тем не менее было бы неверным утверждать, что все, кто занимался проблемой «интеллигенция», изучали ее только с мифологических позиций. В целом ряде исследований интеллигенция рассматривается как новая разновидность бюрократии.

§ 2. Попытки демифологизации: концепции интеллигенции как разновидности бюрократии

Первую попытку демифологизации данного понятия предпринял ученый И.И. Каблиц, придерживавшийся народнических убеждений. В работе «Интеллигенция и народ в общественной жизни России», вышедшей в 1885 году, он отмечал, что хотя этот термин вошел в употребление сравнительно недавно, тем не менее он получил широкое распространение. При этом единственным отличительным признаком данного социального слоя назывался умственный труд.[1]

Поскольку умственный труд предполагал высокий образовательный уровень, а образование, в свою очередь, было привилегией дворянско-чиновничьего слоя (то есть бюрократии), то под интеллигенцией, по мнению И.И. Каблица, подразумевалась нарождающееся лжепатриотическое небюрократическое течение – «народолюбие». Вначале, в 60-е гг. XIX века, оно было еще «бессознательным и туманным интеллигентским бюрократизмом» западнического толка.[2] Позднее оно превращается в слой «просвещенной бюрократии», претендующей на участие в управлении страной: «Основная идея народолюбия состоит в том, что центр тяжести страны лежит в *культурно-интеллигентских* классах, и что эти классы должны оказывать если не исключительное, то, во всяком случае, *преимущественное* влияние на ход социальной жизни».[3]

При этом общей основой, связующей старую и новую бюрократии, было их отношение к народу как к бессознательному и бессмысленному человеческому материалу, который только под руководством интеллигенции может превратиться в культурное общество: «Если оставить в стороне некоторые второстепенные признаки, которыми «народолюбие» отличается

---

[1] См.: Каблиц И.И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. – СПб., 1886. – С.73
[2] См.: Там же. - С. 47
[3] Там же. - С. 48

от бюрократизма обыкновенного, то можно сказать, что по своей сущности, а именно в отношении к массе народа, они вполне однородны между собой. И тот, и другой одинаково считают необходимым мудрить над народом, устраивать его жизнь по своему образцу, и насильно *навязывать* ему свои идеалы; вся разница тут только в том, что бюрократизм делает это просто в силу власти, а «народолюбие» прикрывается знаменем науки и прогресса, понимаемых ими, разумеется, на свой лад».[4]

Одна из главных идей интеллигенции – идея самоуправления народа. Однако, по мнению И.И. Каблица, очень часто под этим подразумевается право интеллигенции на самоуправное действие над народом. Таким образом, под самоуправлением, по сути, скрывается замена одной бюрократии на другую, более интеллигентную.[5]

И.И. Каблиц полагал, что «просвещенный бюрократизм» есть прямое следствие крепостного права, глубоко укорененного в миросозерцании даже тех, кто способствовал его уничтожению. Поэтому русская интеллигенция и русский бюрократизм неразделимы друг от друга, интеллигенция – плоть от плоти бюрократизма, и работая на свое господство над народом, интеллигенция работает на господство бюрократии.[6]

В связи с этим И.И. Каблиц делает вывод, что победа интеллигенции приведет лишь к торжеству «бюрократического режима, сущность которого нисколько не изменится от более возвышенной формы этого режима, при которой бюрократия будет состоять из людей, действующих не по традициям, а по последним словам науки».[7]

Последствия деятельности «новой бюрократии» будут гибельными для страны и для отдельной личности: «Проповедники «просвещенного бюрократизма», получив возможность осуществить свою программу на практике, мало чем будут отличаться от лихой памяти инквизиторов. Правда,

---

[4] Там же.
[5] См.: Там же. - С. 55
[6] См.: Там же. - С. 137
[7] Там же. - С. 105-106

содержание, вталкиваемое ими в народную жизнь, было бы совершенно иное, нежели оно было у инквизиторов, но ее поведение относительно личности вполне тождественно».[8]

Мнение народника И.И. Каблица разделял народник-публицист А.С. Изгоев, в прошлом «легальный марксист», а затем один из лидеров правых кадетов. В статье «Интеллигенция как социальная группа», опубликованной в январе 1904 года, он писал: «Вопрос, что такое интеллигенция должен был неотступно стоять перед каждым мыслящим человеком, и неотступно требовать разрешения прежде всего другого. К удивлению, ничего подобного мы не видим. Этот вопрос практически не поднимался».[9]

В связи с этим А.С. Изгоев предлагает свое понимание интеллигенции исходя из классовой теории К. Маркса. По его мнению, ни субъективный критерий «любви к народу» («сердце и разум наш с ними»), ни объективный критерий образованности не дают достаточных оснований для выделения из людской массы особой группы, именуемой интеллигенцией. Этот критерий следует искать в материальном базисе общества, в социально-экономических отношениях.[10]

Однако А.С. Изгоев считает недостаточным количество выделенных К. Марксом классов: «Современное общество, в отличие от того, как полагал К. Маркс, делится не на три, а на четыре великих класса: землевладельцев, капиталистов, физических рабочих и умственных работников».[11]

Главным признаком, позволяющим выделить интеллигенцию в особую социальную группу, служит критерий профессиональной деятельности этих лиц, элемент учительства в широком смысле слова.

---

[8] Там же. - С. 70
[9] Изгоев А.С. Интеллигенция как социальная группа.//Образование. 1904. - №1. - С. 73
[10] Там же. - С. 77
[11] Там же. - С. 84

Появляющаяся интеллигенция, полагает А.С. Изгоев, в своей повседневной деятельности должна придерживаться именно этого принципа и ограничиваться *только* распространением знаний.[12]

Однако в действительности все происходит не так. Интеллигенция, стремясь к абсолютной свободе, начинает заниматься социальным творчеством, то есть несвойственными ей функциями. Вследствие этого она превращается в бюрократическую силу, и вместо двигателя жизни превращается в тормоз.[13]

А.С. Изгоев определяет бюрократию как группу лиц, обладающих над населением властью, основанной на праве, формально исходящем от Верховной власти. Интеллигенция, занимаясь социальным творчеством, усиливается как социальная группа и, организуясь, приобретает черты бюрократической структуры. В свою очередь, правящая бюрократия, обеспокоенная падением ее влияния на общество, рекрутирует интеллигенцию в свои ряды.

В результате интеллигенция, обуреваемая реформаторскими планами и пытаясь осуществить их без широкой поддержки всего общества, «превращается в бюрократию, в силу, тормозящую общественное развитие, как бы почтенны и прекрасны ни были те реформаторские планы, которыми интеллигенция собирается облагодетельствовать человечество. Обстоятельства могут сложиться так, что прекрасные планы в действительности превратятся в аракчеевщину, в военные поселения».[14]

Таким образом, А.С. Изгоев под интеллигенцией фактически подразумевает новый бюрократический класс, претендующий на место старой бюрократии.

Точку зрения на интеллигенцию как на качественно новый бюрократический класс разделял известный анархист Ян Вацлав Махайский.

---

[12] См.: Там же. - С. 86
[13] См.: Там же. - С. 91
[14] Там же. - С. 93

В книге «Умственный рабочий», выпущенной им в 1904-1905 гг. под псевдонимом А. Вольский, он прямо называет интеллигенцию новым эксплуататорским классом и ставит задачу «объявить нападение на общественную силу, тщательно скрывающуюся в социалистическом движении, для которой примирение социализма с существующим строем является не ошибкой, а естественным интересом, неотвратимым стремлением».[15]

По мнению А. Вольского, искомая общественная сила есть интеллигенция в ее новейшей формации. Она находится в конфликте с капиталистическим обществом при продаже ему своих знаний, поэтому выступает в союзе с пролетариатом как антикапиталистический социальный отряд до тех пор, пока не удовлетворит свои требования. А. Вольский называет утопией мнение о том, что «интерес интеллигенции, которая живет за счет эксплуатации рабочего класса и стремится установить в полном размере это свое право в классовом строе, был признан силою социалистической, желающей гибели классовому строю».[16]

В свою очередь, внутри интеллигенции выделяется ядро лиц, профессионально занимающихся политикой, являющихся субъектом революционного действия, но преследующих собственные цели. Как отмечает А. Вольский, «между стремлениями русского революционера и стремлениями рабочих масс существует глубокий антагонизм».[17]

Для осуществления своих задач этому ядру «потребовалась партия, которая, не занимаясь вовсе никакими новшествами, защищала бы старую испытанную программу и не делала бы малейших попустительств по отношению к самостоятельному рабочему движению».[18]

В результате возникает «новая народная бюрократия», которая подчиняет себе рабочие массы и выступает якобы от их имени, хотя

---

[15] Вольский А. Умственный рабочий. New York – Baltimore.1968. – С. 43
[16] Там же. - С. 228
[17] Там же. - С. 257
[18] Там же. - С. 320-321

преследует свои собственные интересы, делаясь при этом обычным чиновничеством.[19]

Таким образом, согласно Я. Махайскому, интеллигенция – новый бюрократический класс, использующий пролетариат в своих интересах и затем эксплуатирующий его.

Мнение об интеллигенции как о качественно новой, «просвещенной» разновидности бюрократии, которая претендует на то, чтобы стать правящим классом, высказывал немецкий социал-демократ К. Каутский в работе «Интеллигенция и социал-демократия».[20]

Парадоксальным образом мнения об интеллигенции как о новой разновидности бюрократии, действующей по западным рецептам без учета реалий российского общества, придерживались некоторые ученые консервативного толка. Так, Н.М. Соколов в книге «Об идеях и идеалах русской интеллигенции», вышедшей в 1904 году, в качестве основных признаков интеллигенции как бюрократии западнического толка называл ряд «разрывов»:

- разрыв с государством;
- разрыв с церковью;
- разрыв с народом;
- разрыв с наукой;
- разрыв с прошлым.[21]

Тем самым Н.М. Соколов предвосхитил ряд идей, всесторонне рассмотренных впоследствии в сборнике «Вехи».

Презрительное отношение к интеллигенции как к далеко не самой лучшей разновидности бюрократии высказывал писатель, которого почему-то традиционно причисляли к «квинтэссенции русской интеллигенции» - А.П. Чехов.

---

[19] См.: Там же. - С. 402
[20] См.: Каутский К. Интеллигенция и социал-демократия. - СПб., 1906. – С. 9-10
[21] См.: Соколов Н.М. Об идеях и идеалах русской интеллигенции. - СПб., 1904. – С. 457

В феврале 1899 г. в письме к сельскому врачу И.И. Орлову, обосновывавшему все беды интеллигенции тем, что власти не дают ей свободы и применяют против неё всевозможные средства, А.П. Чехов, не соглашаясь, отвечал следующим образом: «Не гувернер, а вся *интеллигенция* виновата, вся, сударь мой. Пока это еще студентки и курсистки – это честный и хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша, и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-землевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры.<...> Я не верю в нашу *интеллигенцию*, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр».[22]

Наиболее фундаментальным и концептуальным исследованием феномена «интеллигенция» в дореволюционный период стал сборник «Вехи». Его отличие от рассмотренных нами выше работ заключается в том, что авторы «Вех» в своем анализе исходили не из априорных конструкций поведения интеллигенции как новой формы бюрократии в случае ее прихода к власти, а из *реального опыта* – опыта революции 1905 года.

Все участники сборника были солидарны в том, что движущей силой революции стала некая социальная группа, именуемая «интеллигенцией». Так, С.Л. Франк отмечал, что всё революционное движение «как по своим целям, так и по своей тактике было руководимо и определяемо духовными силами интеллигенции – ее верованиями, ее жизненным опытом, ее оценками и вкусами, ее умственным и нравственным укладом».[23]

В свою очередь, С.Н. Булгаков утверждал, что «русская революция была интеллигентской», «революция – духовное детище интеллигенции».[24] Поэтому нужды русской государственности требуют тщательного

---

[22] Чехов А.П. Полн. Собр. Соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т.– М., 1979. – Т.8. – С. 101
[23] Вехи: Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909-1910. - М., 1991. – С. 134
[24] Там же. - С. 144-145

исследования природы феномена русской интеллигенции, тем более, что «революция объяснила, подчеркнула, усилила такие стороны ее облика, которые до нее во всем значении угадывались лишь немногими... Замалчивать эти черты теперь было бы не только не позволительно, но и преступно».[25]

Однако прежде чем рассматривать все эти черты и признаки, необходимо было определить, что такое интеллигенция.

Отвечая на этот вопрос, П.Б. Струве указывал, что под интеллигенцией не подразумевается «образованный класс», так как уже в 60-е гг. XIX века интеллигенция отделяется от него как нечто «духовно особое».[26] По его мнению, русская интеллигенция как особая духовная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особыми условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма русской интеллигенции не существовало, был только «образованный класс и разные в нем направления».[27]

Таким образом, интеллигенция есть категория прежде всего идеологическая и политическая. В качестве последней она проявляется в эпоху реформ и окончательно обнаруживает себя в революции 1905-1907 гг.

Одним из особых условий становления интеллигенции было, согласно Н.А. Бердяеву, давление «внешней казенщины» - царской власти. Этой же точки зрения придерживался С.Н. Булгаков, отмечая, что характер русской интеллигенции складывался под непрерывным и беспощадным давлением на нее полицейского пресса. Это изолировало ее от жизни и вырабатывало черты «подпольной психологии», политический моноидеизм, затрудняя возможность разностороннего духовного развития.[28]

«Подпольная психология» способствовала формированию интеллигенции как замкнутой касты. А.С. Изгоев считал интеллигентов

---

[25] Там же. - С. 46
[26] Там же. - С.138, 142
[27] См.: Там же. - С. 151
[28] См.: Там же. - С. 31, 46-47

своеобразным монашеским орденом; С.Л. Франк называл их «воинствующими монахами нигилистической религии земного благополучия». В целом же интеллигенция, по его мнению, есть как бы самостоятельное государство со своими крепчайшими традициями и обычаями: «Нигде в России нет столь незыблемо-устойчивых традиций такой определенности и строгости в регулировании жизни, такой верности корпоративному духу, как в том всероссийском духовном монополизме, который образует русская интеллигенция».[29]

Идеологией этой замкнутой касты, ее теоретической базой стал марксизм, «наиболее крайняя и резкая форма западничества», «система, которая, несмотря на всю широту своего научного построения, не только лишена какого бы то ни было философского и этического обоснования, но даже принципиально от него отрекается».[30]

Поэтому, по мнению П.Б. Струве, марксизм с его учением о классовой борьбе и государстве как организации классового господства был завершителем интеллигентской антигосударственной идеологии.[31]

Однако, полагал С.Н. Булгаков, марксизм был усвоен весьма поверхностно, по сути же, мировоззрение социальной группы, именуемой интеллигенцией, оставалось народническим. Эту же точку зрения разделял Н.А. Бердяев: «Экономический материализм утратил свой объективный характер на русской почве, производственно-созидательный момент был отодвинут на второй план, и на первый план выступила *субъективно-классовая* сторона социал-демократизма. Марксизм подвергся у нас народническому перерождению, экономический материализм превратился в новую форму «субъективной социологии».[32] Природа русской интеллигенции не изменилась от мнимых побед над марксизмом, «...она

---

[29] Там же. - С. 178-179
[30] Там же. - С. 183
[31] См.: Там же. - С.140
[32] Там же. - С. 35

осталась староверческой и народнической и в европейском одеянии марксизма».[33]

Мысль Н.А. Бердяева продолжил С.Л. Франк, указывая на то, что народничество является наиболее подходящим обозначением интеллигентского мировоззрения. При этом оно не связано с каким-то одним социально-политическим направлением – «это широкое духовное течение, соединимое с разнообразными социально-политическими теориями и программами».[34]

Народнический дух ассимилировал и марксистскую теорию, поэтому «...различие между народниками сознательными и народниками, исповедующими марксизм, сводится в лучшем случае к различию в политической программе и социологической теории, и совершенно не имеет значение принципиального культурно-философского разногласия. По своему этическому существу русский интеллигент... остается упорным и закоренелым *народником*: его Бог есть народ... Эту народническую душу русский интеллигент сохранил в неприкосновенности в течение ряда десятилетий, несмотря на все разнообразие политических и социальных теорий, которые он исповедывал...».[35]

Таким образом, С.Л. Франк, во-первых, акцентировал не внешние, партийные или социальные различия противоборствующих групп, но их *внутреннюю общность*, что позволило исследовать социальную группу, именуемую интеллигенцией, как *единый и целостный культурно-исторический феномен народничества*.

Во-вторых, из определения мировоззрения интеллигенции как народнического следует то, что этот слой сохраняет все характерные черты народничества.

---

[33] Там же. - С. 28
[34] Там же. - С.164
[35] Там же. - С.165

Как уже говорилось ранее, одной из таких черт является аксиологический подход в оценке социальных групп и самооценке. По мнению С.Н. Булгакова, «интеллигенция стала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы, опираясь при этом на свою самооценку»;[36] термином, наиболее адекватно ее отражающим, является «героизм», причем героизм самообожения. Суть его заключается в том, что «Россия должна быть спасена и спасителем ее может и должна явиться интеллигенция».[37] Кроме того, «из самого существа героизма вытекает, что он предполагает пассивный объект воздействия – спасаемый народ или человечество».[38]

Себя же интеллигенция считает коллективным «главным героем», возвышающимся над толпой: «При всем своем стремлении к демократизму интеллигенция есть лишь особая разновидность духовного аристократизма, надменно противопоставлявшая себя «обывателям».[39] При этом она отличалась высокомерием и самомнением, сознанием своей непогрешимости и крайним догматизмом, в который превращалась исповедуемая ими идеология.

Догматическая идеология становится у интеллигенции при ее внешнем атеизме новой разновидностью религии «абсолютного осуществления народного счастия», где место Бога занимает народ (в русском марксизме - пролетариат), а социалистическая революция является универсальным способом достижения всеобщего блага.

Догматическое усвоение идеологии соответствующим образом определяет цель революции. Для «монаха-революционера» политическая деятельность имеет целью не столько провести в жизнь какую-нибудь объективно полезную, в мирском смысле, реформу, сколько истребить врагов веры и насильственно обратить мир в свою веру». Суть этой веры «есть

---

[36] Там же. - С. 55
[37] Там же. - С. 56
[38] Там же. - С. 58
[39] Там же. - С. 59

основанная на религиозном безверии обоготворение земного, материального благополучия».[40]

Кроме того, обожествление народа и превращение его в некую отвлеченную абстракцию сделало интеллигенцию равнодушной к *реальным* национальным проблемам страны. Поэтому, отмечает С.Н. Булгаков, интеллигент, у которого отсутствует здоровое национальное чувство, воспитанный на отвлеченных схемах просветительства, неизбежно становится космополитом.[41]

Таким образом, еще одной чертой интеллигенции является космополитизм.

Вера противоположна строгому знанию, интеллигентская вера не исключение. Поэтому, по мнению авторов «Вех», в интеллигентской среде развито утилитарно-прагматическое отношение к знанию, к истине. Как саркастически писал Н.А. Бердяев, «интеллигенция готова принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы, и без критики отвергнет всякую самую глубокую и истинную философию, если она будет заподозрена в неблагополучном или просто критическом отношении к этим традиционным настроениям и идеалам».[42] Внешний рационализм сознания сочетается у интеллигенции с исключительной эмоциональностью и слабостью умственной жизни.[43]

А.С. Изгоев считал, что в массе своей «средний» интеллигент не любит своего дела и не знает его, солидные специальные знания у него отсутствуют. Без образования же занятие политикой превращается в «революционное верхоглядство». По его мнению, большинство политиков не обнаруживало знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России.[44]

---

[40] Там же. - С. 179
[41] Там же. - С. 76
[42] Там же. - С. 89
[43] Там же. - С. 31
[44] См.: Там же. - С. 207

Развивая эту мысль, С.Н. Булгаков отмечал, что интеллигентская среда оказалась совершенно непригодной для выработки дисциплинированной, работоспособной и образованной личности, которая смогла бы сыграть позитивную роль в обустройстве страны.[45]

По мнению Б.А. Кистяковского, личность дисциплинируется прежде всего правом. Но русское общественное сознание никогда не выдвигало идеала *правовой* личности, то есть личности, воспитанной на праве и устойчивом правопорядке, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими.[46]

Русская же интеллигенция, с одной стороны, игнорируя установленные законы и нормы, проявляет пристрастия к статьям и параграфам организационных уставов партий. Подобная тенденция, полагает Б.А. Кистяковский, присуща полицейскому государству и составляет его отличительный признак в противовес правовому государству. Поэтому он делает вывод, что правосознание наше интеллигенции находится на стадии развития, присущей формам полицейской государственности. Черты последней выражаются в склонности к формализму и бюрократизму. В связи с этим, считает Б.А. Кистяковский, противопоставление бюрократии и интеллигенции теряет смысл, поскольку последняя есть лишь новая разновидность первой: «Наша интеллигенция всецело проникнута своим интеллигентским бюрократизмом. Этот бюрократизм проявляется во всех организациях нашей интеллигенции и особенно в ее политических партиях».[47] В их работе особенно заметно рабское подражание угодливым порядкам государственной жизни России.[48]

---

[45] См.: Там же. - С. 63
[46] См.: Там же. - С.115
[47] Там же. - С.126
[48] См.: Там же.

К выводу о том, что из аморфной интеллигентской среды формируется (или уже сформировалась) качественно новая разновидность бюрократии, присоединились все авторы сборника «Вехи».[49]

Исходя из вышеизложенного совокупная характеристика социальной группы, именующей себя «интеллигенция», по мнению «веховцев», выглядит следующим образом:

- причиной появления социальной группы, именуемой «интеллигенцией», является монополизация политической деятельности царской властью и недопущение элементов из средних и низших слоев населения к управлению страной;
- в течение короткого времени аморфные движения оформляются в замкнутую касту, состоящую из групп, исповедующих революционные идеологии различных степеней радикальности;
- однако по своему мировоззрению интеллигенция в целом остается народнической; народническому перерождению подвергаются все теории, включая марксизм;
- народнический характер определяет ее следующие черты и признаки:

а) социально-этический критерий выделения себя в качестве «главных героев», основных субъектов действия и, соответственно, всего остального народа в качестве пассивного объекта воздействия;

б) прагматически-утилитарное отношение к науке и образованию;

в) отсутствие интереса к реальным национальным нуждам государства, космополитизм;

г) догматизм, слепая приверженность к параграфам партийных уставов;

д) неуважение к формальному праву, закрепленному в законах, подмена его «интересами народа».

---

[49] См.: Там же. - С. 42, 45, 100, 126

Это позволяет авторам «Вех» сделать два принципиально важных в контексте нашего исследования вывода:

1. Социальная группа (или каста), именуемая интеллигенцией, несмотря на внутрипартийные разногласия, представляет собой *единый и целостный культурно-исторический феномен народничества*; рассмотренные выше черты и признаки присущи не только русским марксистам, но и всем политическим движениям в целом.

2. Степень правосознания данной социальной группы находится на уровне полицейской государственности и является ее закономерным этапом, то есть *продолжением традиций российской государственной власти.*

Таким образом, «веховцы», на основании опыта революции 1905 г., фактически показали тип бюрократии, в большинстве признаков совпадающий с типом бюрократии по К. Марксу. Это замкнутая каста, функционирующая по собственным законам, преследующая свои корыстные интересы и стремящаяся обрести всю полноту власти. Признаком, отличающим ее от царской бюрократии, являлось наличие идеологии (т.е. динамического мифа), апеллирующей к широким массам населения и используемой в качестве одного из инструментов прихода к власти.

Кроме того, они доказали воплощение в жизнь одного из постулатов теории, выдвинутой в свое время П.Н. Ткачевым – о преемственности государственной власти в России, несмотря на идеологические различия.

Портрет интеллигенции как особой формы бюрократии, нарисованный и описанный участниками сборника, вызвал яростное неприятие со стороны различных политических лидеров.

Как отмечал А.И. Солженицын, «роковые особенности русского предреволюционного образованного слоя были основательно рассмотрены в «Вехах» - и возмущенно отвергнуты всею интеллигенцией, всеми партийными направлениями от кадетов до большевиков».[50]

---

[50] Солженицын А.И. Образованщина. - В кн. Русская интеллигенция. – С. 125

Против «Вех» выступили лидеры кадетской партии П.Н. Милюков, И.И. Петрункевич, проф. Н.А. Гредескул, лидер партии эсеров В.М. Чернов, лидер партии народных социалистов А.В. Пошехонов, лидер партии демократических реформ М.М. Ковалевский, идеолог прогрессизма кн. Е.Н. Трубецкой. Наконец, «Вехи» неоднократно критиковал В.И. Ленин.

Однако, полемизируя с «Вехами», многие их противники парадоксальным образом выдвигали те же самые идеи. Так, Н.А. Гредескул, характеризуя интеллигентское миросозерцание, отмечал, что наиболее верным термином для его обозначения является «народничество» как такое миросозерцание, в котором на первом плане стоит идея о народе в смысле совокупности всех «труждающихся и обремененных». При этом по типу сознания оно почти религиозно.[51]

П.Н. Милюков, рассуждая о понятиях «интеллигенция» и «образованный класс», представлял их соотношение в виде двух концентрических кругов. Интеллигенция – небольшой внутренний круг; ей принадлежит инициатива и творчество (то есть она является главным субъектом действия). Большой круг «образованного» слоя является средой непосредственного воздействия интеллигенции (то есть пассивным объектом). При этом круг влияния интеллигенции постоянно расширяется.[52]

Развиваясь, интеллигенция приобретает целый ряд отрицательных черт: «Излишняя отвлеченность доктрины, непримиримый радикализм тактики, сектантская нетерпимость к противникам и аскетическая цензура собственных нравов... У интеллигенции сложился свой собственный патриотизм – государства в государстве, особого лагеря, окруженного врагами».[53]

---

[51] См.: Вехи. – С. 232
[52] См.: Там же. - С. 292
[53] Там же. - С. 352-353

Организационной формой этого «государства в государстве», закономерным выходом из интеллигентской «кружковщины» стала политическая партия.[54]

Развивая эту идею, Д.Н. Овсяннико-Куликовский утверждал, что русская интеллигенция в своем развитии переживает идеологический фазис.[55] Идеология же, по его мнению, вредна тем, что идеолог чересчур философ, чтобы стать политическим деятелем, и чересчур деятель жизни, чтобы быть философом. Поэтому интеллигенция представляет собой нечто вроде секты.[56]

Наконец, М.И. Туган-Барановский считал, что в основе выделения интеллигенции в особую социальную группу лежит социально-этический критерий, а сама она есть продукт разложения дворянства и чиновничества и выступает, с одной стороны, как их закономерное продолжение, а с другой – как их оппозиционный антипод. Поэтому интеллигенция как новая форма бюрократии радикальным образом отличается от бюрократии западной, тесно связанной с буржуазными классами.[57]

Таким образом, оппоненты «Вех» также считали, что социальная группа, именуемая интеллигенцией является народнической по своему мировоззрению; что она является субъектом действия и стремится обрести полноту власти; поэтому она является новой формой бюрократии, отличие которой от старой, царской, заключается в наличии у нее идеологии, привлекательной для масс (то есть динамического мифа), и в создании новой организационной формы в борьбе за власть – политической партии.

Подведем некоторые итоги. Наряду с теориями, рассматривавшими интеллигенцию как *реально* функционирующую социальную группу, принадлежность к которой определяется либо в соответствии с *социально-этическим*, либо с *социально-классовым* критерием, с 80-х гг. XIX в. целый

---

[54] Там же. - С. 369
[55] Там же. - С. 387
[56] См.: Там же. - С. 390
[57] См.: Там же. - С. 430, 432

ряд исследователей с различными политическими взглядами определяет интеллигенцию как новую, мифологизированную разновидность бюрократии, новый эксплуататорский класс, представляющий потенциальную опасность для развития России. При этом некоторые ученые (в частности, авторы «Вех») в своем анализе исходили из *практики*, из опыта революции 1905-1907 гг.

Согласно их точке зрения, политические группировки, стремясь к власти, выдают свои кастовые интересы за интересы народа (в этой связи Ф. Энгельс в свое время отмечал: «Всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества, то есть, выражаясь абстрактно, предать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые. Класс, совершающий революцию, - уже по одному тому, что он противостоит другому классу, - с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества»).[58]

При этом, хотя они используют радикальную антигосударственную идеологию, представляющую собой псевдокаузальный динамический миф, по способам организации во многом копируют царский бюрократический аппарат.

Возникает политическая бюрократия, которая, несмотря на лозунг разрыва с прошлым, становится преемницей старой власти. Ее признаки: некомпетентность; следование только собственным кастовым целям или букве параграфа партийного устава; отсутствие правового сознания и подмена его «интересами передового класса»; возведение идеологии в разряд единственно верного учения (т.е. превращения динамического, революционного мифа в статический, направленный на стабилизацию

[58] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собр.соч. - Т. 3. – С. 46

власти); подмена реальных национальных интересов априорными моделями и схемами.

Однако эти концепции-предупреждения не сыграли никакой роли в формировании политической ситуации в России. А.И. Солженицин отмечал, что «пророческая глубина «Вех» не нашла... сочувствия читающей России, не повлияла на развитие русской ситуации, не предупредила гибельных событий».[59]

В итоге к власти в результате революции пришел новый политический субъект действия, предложивший российскому обществу новые парадигмы социальной мифологии, наполненные содержанием исходя из русифицированной марксистской доктрины (в этой связи Н.А. Бердяев отмечал: « Революция всегда проявляет реальности ... Она сменяет старые фикции, но создает новые»).[60]

Этим субъектом действия стала очередная разновидность бюрократии – политическая.

[59] Солженицын А.И. Указ. соч. – С. 125
[60] Бердяев Н.А. Царство духа. - С.119.

§3. Специфика функционирования мифологемы «интеллигенция» в Советской России

Советское государство, в отличие от исторической модели русского самодержавия, возникло как инновационная форма *партийного* правления. Бюрократический аппарат, доставшийся в наследство от царского режима, подвергся радикальным преобразованиям, поскольку В.И. Ленин, считая старую бюрократию одним из врагов советской власти, добивался не замены отдельных звеньев или персоналий, но полного его слома и разрушения. Это было проведено в кратчайшие сроки, и спустя несколько лет после Октябрьской революции В.И. Ленин заявлял: «Мы в борьбе с бюрократизмом сделали то, что не одно государство в мире не сделало. Тот аппарат, который насквозь был бюрократическим и буржуазно-угнетательским, который оставался таковым даже в самых свободных буржуазных республиках – мы его уничтожили до основания».[1]

Новый государственный аппарат должен был быть приспособлен к нуждам советского государства, функционирующего, по замыслам его создателей, как единая фабрика. Социализм порожден крупной машинной индустрией, и если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи.

Для этого был необходим качественно новый строй компетентных управляющих: «Умение управлять с неба не свалится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению... для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают

[1] Ленин В.И. VIII съезд РКП (б) 12-23 марта 1919 г. // Полн. собр. соч. Т.38. - С.169

техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт...».[2]

Фактически В.И. Ленин подразумевал создание веберовского «идеального типа» бюрократа. Однако практика функционирования аппарата управления Советской России показала, что, во-первых, бюрократизм отнюдь не уничтожен до конца, и, во-вторых, у формирующегося бюрократического слоя проявляется ряд негативных черт. Это с возрастающей тревогой отмечал В.И. Ленин: «Самый худший у нас внутренний враг – бюрократ, - это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением как человек добросовестный».[3] Бюрократия, по его мнению, проникает и в партийные учреждения, поскольку «верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же».[4]

Внутри самой партии начала выстраиваться иерархическая лестница. Уже в 1923 г. 46 левых большевиков отправили в Политбюро секретный меморандум, в котором шла речь о «постоянно усиливающемся и теперь едва скрываемом расколе партии между секретарской иерархией и «простым людом», между профессиональными партийными работниками, назначенными сверху, и остальной массой партийцев, не участвующей в общественной жизни».[5]

Л.Д. Троцкий тогда же констатировал: «Партия живет на два этапа: в верхнем решают, в нижнем только узнают о решениях».[6]

Таким образом, в стране вновь формируется бюрократический слой, стремительно обретающий полноту власти, и воспроизводящий многие черты царской бюрократии. По мнению С.Л. Франка, «тип старого русского

---

[2] Ленин В.И. Речь на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 г.; IX съезд РКП (б) 29 марта – 9 апреля 1920 г. // Там же. – Т.40. – С.222, 252 - 253.
[3] Ленин В.И. Московская губернская конференция РКП (б) 20-22 ноября 1920 г. // Там же. – Т.45. – С.15.
[4] Ленин В.И. О международном и внутреннем развитии советской республики // Там же. – Т.42. – С.32.
[5] Цит. по: Такер Р. Сталин: путь к власти. 1879 – 1929. История и личность. – М., 1991. – С.272.
[6] Троцкий Л.Д. Новый курс. – М., 1924. – С.12.

администратора... внутренне почти совпадает с типом «честного» большевистского комиссара».[7]

Н.А. Бердяев также полагал, что революция в России в конечном итоге свелась только к замене одной бюрократии другой, идеология которой является очередной разновидностью мифа: «социализм ... никогда не осуществит совершенного общества, не осуществит и равенства ... но образуется новый привилегированный правящий слой, новая бюрократия».[8]

Тем самым подтвердилась высказанная в свое время П.Н. Ткачевым и подтвержденная на опыте революции 1905 г. авторами «Вех» идея о преемственности бюрократии в России.

Эту мысль в настоящее время разделяет большинство ученых, занимающихся изучением феномена бюрократии. В частности, Р. Апресян полагает, что бюрократия воспроизводит себя при различных политических режимах. С ним солидаризуется В.А. Блюмкин. По его мнению, XX век продемонстрировал способность бюрократии к самовоспроизведению и расширению ее инвариантности по отношению к общественному строю.[9]

Мы присоединяемся к данной точке зрения, но вместе с тем полагаем, что инвариантность бюрократии предполагает наличие не только общих, но и специфических признаков, определяемых характером господствующего режима.

Одним из главных отличительных признаков нарождающегося бюрократического слоя было то, что его ядро еще до завоевания власти составляли профессиональные революционеры-идеологи. Как отмечал писатель В. Полонский, «революция оказалась превосходно оснащенной интеллигентскими силами... превосходные теоретики, исключительные организаторы, писатели с великолепным стилем,... выдающиеся ораторы –

---

[7] Франк С.Л. По ту сторону "правого" и "левого". Статьи по социальной философии // Новый мир. – 1990. - № 4. – С.221.

[8] Бердяев Н.А. Царство духа. - С.309.

[9] См.: Апресян Р.Г. Этос властвующей бюрократии.// Бюрократия и общество. – М., 1991. – С.189; Блюмкин В.А. Бюрократия – социально-нравственные аспекты. – М., 1990. – С.4.

они были тем «головным отрядом», «главным штабом», с помощью которого Октябрьская революция пришла к победе».[10]

Л.Д. Троцкий назвал новый правящий слой, происходивший из революционной интеллигенции, «политической бюрократией».[11] Впоследствии этот термин воспроизвел и всесторонне обосновал М. Джилас. По его мнению, свои объективно слабые позиции в экономической и других сферах политическая бюрократия компенсировала субъективными факторами особого порядка – единством сознания и железной дисциплиной.[12] Как писал Н.И. Бухарин, «суровая дисциплина большевизма,... крайняя однородность взглядов, централизованность всех рядов были всегда характернейшими признаками нашей партии..., делали из нашей партии... своеобразный революционной орден».[13]

В принципе соглашаясь с таким определением нового правящего слоя, мы вместе с тем полагаем, что *политической* бюрократия была только на первом этапе становления советского государства.

По определению М. Вебера, "политика означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распространение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает".[14]

Согласно К. Мангейму, политика возникает там, где начинается *деятельность*, то есть там, где отсутствует рационализация, а решения принимаются в ситуации, не регулируемой предписаниями.[15]

В большевистской партии изначально присутствовали три элемента: революционная динамика авангарда, централизованная организация и марксистская доктрина. Кроме того, до Октябрьской революции партии приходилось действовать в условиях, далеких от любого рода

---

[10] Полонский Вяч. На литературные темы. – М., 1968. – С.117 – 118.
[11] См.: Троцкий Л.Д. Сталин. – Т.2. – С.233.
[12] См.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М., 1992. – С.199.
[13] Бухарин Н.И. Железная когорта революции.// Бухарин Н.И. Избр пр. – М., 1988. – С.116.
[14] Вебер М. Политика как призвание и профессия.// Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С.646.
[15] См.: Мангейм К. Идеология и утопия.// Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С.99-100.

регламентации. Ситуация первых лет становления советского государства также требовала решений, далеких от стереотипов. Однако постепенно, к концу 20-х гг., главным элементом стала централизованная организация, то есть бюрократический аппарат, функционирующий по определенными правилам и установленным стандартам, стремящийся обрести всю полноту власти. Н.А. Бердяев, исследуя черты нового советского общества, отмечал, что «самая тяжелая и отрицательная сторона социалистического государства есть присущая ему тенденция к усилению и расширению бюрократии».[16] На эту тенденцию указывал также один из лидеров российской социал-демократии А.Н. Потресов. Говоря о различиях между ранним большевизмом эпохи революционного романтизма и поздним, бюрократическим, он писал: «Когда же революционная волна окончательно спала..., первоначальный большевизм весьма быстро закончил свое развитие, превратив рабочие и крестьянские Советы в намалеванные декорации и консолидировавшись в независимую по существу от народа бюрократию, бюрократическую пирамиду, заостренную олигархическим шпилем».[17]

По мнению С.А. Королева, к концу 20-х гг. в СССР практически исчезает *политика* как форма взаимодействия между социальными группами, являющимися равноправными субъектами политического действия. Главным инструментом управления становится *идеология*, и, соответственно, главным (формально нигде не провозглашенным и неутвержденным, но реально функционирующим) принципом новой бюрократии стал *идеологический монизм*, а сама она – единственным реальным субъектом действия, обладающим материальными ресурсами, а также всей совокупностью политических и духовных рычагов воздействия. Все остальное общество в очередной раз стало объектом управления.[18]

---

[16] Бердяев Н.А. Царство духа. - С.91.
[17] Потресов А.Н. Дорога через абсурд // Новое время. – 1992. - № 36. – С.57.
[18] См.: Королев С.А. Искус корпоративности и мутации системы: советская бюрократия в структуре политической власти.// Бюрократия и общество. – С.127.

Поэтому, по нашему мнению, с конца 20-х гг. бюрократия становится скорее идеологической, чем политической.

Все это не могло не сказаться на теоретическом обосновании концепции социальной структуры в СССР. Классы могли быть только дружественными, создавая, по выражению И.В. Сталина, «особую форму классового союза», направленного на скорейшее уничтожение классов и классового общества. Старая интеллигенция, по этой схеме, должна быть деидеологизирована и превратиться в прослойку специалистов, не имеющую особого классового интереса.[19]

Таким образом, вновь, как в эпоху Петра I, государство формировало социальную структуру в зависимости от своих целей.

К тем же, кто представлял хотя бы потенциальную опасность для режима и мог противостоять его идеологии, применялись конкретные превентивные меры.

В 1922 году Ф.Э. Дзержинский получил следующую директиву В.И. Ленина: «Продолжить неуклонную высылку активной антисоветской интеллигенции...», под которой В.И. Ленин подразумевал совокупность *профессиональных* групп: «1. Беллетристы; 2. Публицисты и политики; 3. Экономисты (здесь необходимы подгруппы): а) финансисты; б) топливники; в) транспортники; г) торговля; д) кооперация и т.д.; 4. Техники (здесь тоже подгруппы): а) инженеры; б) агрономы; в) врачи; г) генштабисты и т.д.; 5. Профессора и преподаватели и т.д. и т.д.».[20]

Таким образом, новый режим не нуждался в динамическом мифе об интеллигенции как лучшей части общества, исправляющей его недостатки и пекущейся об его благе. Тем не менее отказаться о него было невозможно. Как отмечал профессор М.А. Рейснер, «может быть, было бы правильнее совершенно отбросить этот термин и заменить его другим, более точным и,

---

[19] См.: Сталин И.В. На хлебном фронте.// Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – Изд.11. – М., 1945.- С.193.
[20] Цит.по: Дмитриевский В.Н. Художественная интеллигенция и власть: роль, маски, репутация. – В кн.: Русская интеллигенция. – С.307.

следовательно, научным. Но нам не хочется терять этого слова, которое обладает одним большим преимуществом: оно получило теперь право гражданства среди широких кругов общества и притом не только у нас, но и за границей».[21]

Поэтому данный термин не только не вышел из употребления, но стал *энкратическим* (то есть находящимся под опекой властей). Однако его значение было максимально редуцировано до рамок «специалиста», то есть чисто профессиональной прослойки, не играющей самостоятельной политической роли в обществе и являющейся *объектом* воздействия со стороны правящего класса.

Обоснованию такого понимания интеллигенции был посвящен целый ряд теоретических работ, а также научный дискуссий, проходивших в первой половине 20-х гг.

Уже в 1919 году В. Керженцев писал, что жесткие уроки социальной революции и суровый период пролетарской диктатуры показали вздорность претензий интеллигенции на роль руководителей мировой истории – она не выдержала экзамена ни на свое хваленое народолюбие, ни на свое умение работать. Поэтому перед советской властью встает задача формирования из рядов пролетариата новой интеллигенции, задача которой – быть верной служанкой партии.[22]

В 1922 г. М.А. Рейснер в концептуальном труде «Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы» обосновал новое видение интеллигенции. Отметив недостаточную теоретическую проработку аспектов данной проблемы, он предложил более точное понимание интеллигенции как «техников социальной организации».[23]

По его мнению, существует слишком широкое и слишком узкое толкование данного понятия. Узкое толкование ограничивает значение этого

---

[21] Рейснер М.А. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. Кн.1. –Январь-март 1922. – С.93.
[22] См.: Керженцев В. Ещё об интеллигенции.// Интеллигенция и советская власть. – М., 1919. – С.61-63.
[23] См.: Рейснер М.А. Указ.соч. – С.93.

слова понятием какого-то абстрактного идеального героя и подвижника духа. Когда же «под именем интеллигента разумеют вообще *просвещенного человека* или даже более – человека, который предается так называемой *духовной деятельности*, то этим обозначают известное качество индивидуальности, но менее всего социальную категорию».[24]

М.А. Рейснер считал, что оба эти толкования внеисторичны, поскольку интеллигенция рождается вместе с классовым обществом как технический аппарат его организации, то есть как профессионалы, техники-специалисты, добывающие средства к существованию путем эксплуатации и продажи своих способностей, знаний и опыта. При этом сразу же возникает тенденция к превращению интеллигенции в особую касту, монополизировавшую образование и функции управления. Поэтому, полагает М.А. Рейснер, противопоставление интеллигенции и бюрократии лишено всякого смысла, поскольку последняя есть лишь одна из разновидностей первой.[25]

Становясь бюрократией, интеллигенция в обществе с еще до конца не сформировавшейся классовой структурой превращается в псевдокласс и образует корпоративную группу, преследующую собственные интересы, мистифицируя общество путем создания мифов о себе самой.

М.А. Рейснер предлагал следующее определение такой группы: «Интеллигенция – это профессиональная группа специалистов и техников духовной или интеллектуальной работы, которая осуществляет эту свою деятельность в целях получения материального обеспечения и, пользуясь слабым распространением культуры среди населения, обслуживает кастовое общество путем доставления ему необходимых идеологических и культурных ценностей».[26]

Такого рода интеллигенция была неотъемлемой составной частью социальной структуры царской России. Выступая на проходившем 6 апреля

---

[24] Там же. – С.94.
[25] Там же. – С.94-95.
[26] Там же. – С.99-100.

1924 г. в Москве диспуте «Будущее интеллигенции», М.А. Рейснер указывал на необходимость воспитания новой интеллигенции – подлинных «красных спецов». Он считал, что «в ВУЗах должна быть продолжена та чистка в среде старой интеллигенции, которая началась только в 1923 году, отставши на целых 5 лет от Октября. Интеллигенция как совокупность просвещенных элементов населения, конечно, будет расти и размножаться, но интеллигенция как каста должна быть уничтожена. Весь пролетариат должен стать своей собственной интеллигенцией».

Доклад М.А. Рейснера обосновывал официальную установку власти, выразившуюся в заключительных словах диспута: «Интеллигенция» - это иллюзия, которая очень дорого обошлась стране и революции, с которой давно пора покончить».[27]

По сути дела, речь шла об определенной демифологизации данного понятия путем отнесения интеллигенции в разряд чисто профессиональной категории. Это не означало полного исчезновения мифа об интеллигенции (поскольку понятие, как уже говорилось выше, оставалось в употреблении и санкционировалось властями), но предполагало определенную его *редукцию*, а затем встраивание в новую схему социальной структуры Советской России: *два класса – пролетариат и крестьянство, и интеллигенция* – профессиональная деидеологизированная прослойка.

Следовательно, динамический революционный миф, который использовался большевиками в качестве одного из средств завоевания власти, после революции превратился в статический, направленный теперь на укрепление режима, и, соответственно, изменилось содержание мифологем, его составляющих.

Такая точка зрения нашла выражение во всех последующих работах по проблемам интеллигенции. Так, Ю П. Мещеряков в сборнике «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией» категорично утверждал:

---

[27] Цит.по: Степанов Ю.С. Указ.соч. – С.33.

«Интеллигент может и должен быть только хорошим и добросовестным спецом».[28]

Теоретические диспуты по проблемам интеллигенции завершились после выхода в 1925 году обобщающей и фактически нормативной работы С.Я. Вольфсона «Интеллигенция как социально-экономическая категория». В начале работы автор отмечает, что до последнего времени существовало 5 основных точек зрения на интеллигенцию и дает подробный анализ каждой из них.

Согласно *первой* концепции, интеллигенции как самостоятельной социальной группы не существует. Интеллигенты, то есть люди, обладающие высокой умственной квалификацией, не образуют *классовой* категории. Они также не могут быть отнесены ни к одному из существующих классов.

Группа образованных людей стоит *вне* классов, *над* классами. Ее можно определить только с помощью субъективно-этического критерия. Она внеклассова, надклассова, сверхклассова.[29]

Вторая точка зрения определяет интеллигенцию как часть различных классов и сословий в обществе: «Нет интеллигенции как таковой, а есть интеллигенция дворянская, буржуазная, пролетарская и т.д. это все... умственно-квалифицированные верхушки класса, обыкновенно являющиеся его идеологами и организаторами».[30]

Эта точка зрения была популярна и распространена в первые годы после революции. Так, А.Б. Залкинд отмечал: «Интеллигенции как организованной группы, спаянной однородностью социального состава и экономически-идеологических интересов в природе не существует. Интеллигенция – наиболее сознательная часть того или иного общественного класса... Интеллигенций столько, сколько в данном обществе основных

---

[28] Мещеряков П. Мечты сменовеховства и их судьба.// На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. – Сб.статей. – М., 1923. – С.102.
[29] См.: Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория // Красная новь. – Кн.VI. – 1925. – Июль – август. – С.121.
[30] Там же. – С.122.

социальных делений и каждая из этих интеллигенций имеет свою специфическую физиономию, в полном соответствии с истинным существом того класса, который она наиболее сознательно олицетворяет и защищает».[31]

Сторонники *третьей* концепции считали, что интеллигенция по своему месту в классовой структуре относится к *одному* из классов, являясь его составной частью. А.В. Луначарский, в частности, полагал, что она относится к мелкой буржуазии.

Четвертая концепция, по мнению С.Я. Вольфсона, была конкретизированной разновидностью третьей. Ее придерживались Н.Я. Махайский, К. Каутский, А.С. Изгоев и позднее Н.И. Бухарин. Они трактовали интеллигенцию как особый класс капиталистического общества последней эпохи, всё увеличивающийся количественно, усиливающийся качественно, подчиняющий своему воздействию и влиянию все сферы общественной жизни. Поэтому можно говорить о грядущем мировом господстве интеллигенции.[32]

Наконец, *пятая* точка зрения утверждает, что интеллигенция есть особый социальный слой классового общества, не являющийся, однако, вполне конституированным классом и долженствующий поэтому рассматриваться как междуклассовая группировка.

Этой точки зрения придерживался и сам С.Я. Вольфсон. Он отмечал, что для изучения интеллигенции и ее выделения в особую категорию необходим объективно-экономический признак.

Он подвергает критическому анализу все рассмотренные выше концепции и делает следующее заключение: «Нельзя интеллигенцию распылять между отдельными общественными классами, превращая в умственно-квалифицированную, идеологическую верхушку каждого данного класса. Она также не может быть вкраплена в какой-нибудь из существующих классов. Интеллигенция существует как единая социальная

---

[31] Залкинд А.Г. Очерки культуры революционного времени. – М., 1922. – С.129.
[32] См.: Вольфсон С.Я. Указ. Соч. – С.123

группировка. Эта группировка не характеризуется классовой самостоятельностью, она межклассова». Тенденцией ее развития в СССР становится слияние с пролетариатом.[33]

С.Я. Вольфсон дает свое определение интеллигенции: «Интеллигенция представляет собой междуклассовую, промежуточную – меж пролетариатом и мелкой буржуазией – группировку, образуемую лицами, существующими путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии».[34]

В Советском Союзе тенденция ее слияния с пролетариатом привела, по мнению автора, к тому, что «интеллигенция после долгих шатаний и колебаний, влилась в ряды рабочего класса».[35]

Фактически в данной работе анализ подменен идеологическими установками, а точка зрения на интеллигенцию как новый правящий класс вообще не прокомментирована.

Таким образом, со второй половины 20-х гг. в СССР устанавливается единственная одобренная властью нормативная точка зрения на интеллигенцию как чисто профессиональную междуклассовую прослойку, не имеющую собственных политических интересов, и обслуживающую правящие классы – рабочих и крестьян.

Властью отвергался даже намек на политическую самостоятельность этого слоя. В частности, когда М. Горький совместно с И. Павловым в конце 1933 г. предложил И.В. Сталину идею создания второй партии (безусловно, полностью лояльной), состоящей из представителей интеллигенции, это предложение было отвергнуто без обсуждения.[36]

Чуть позднее государственная точка зрения на интеллигенцию была изложена И.В. Сталиным в докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов 25 ноября 1936 года.

---

[33] Вольфсон С.Я. Указ.соч. – С.152.
[34] Там же. – С.124.
[35] Там же. – С.161.
[36] См.: Такер Р. Сталин у власти. 1928 – 1941. История и личность. – М., 1997. – С.217.

Прежде всего докладчик несколько раз подчеркнул, что в результате ликвидации эксплуататорских классов и успехов социалистического строительства в СССР, создано общество, состоящее из двух дружественных друг другу классов – рабочих и крестьян.[37]

Кроме них, существует также интеллигенция – инженерно-технические работники, работники культурного фронта, служащие вообще. Ее состав за годы советской власти радикально изменился. На 80-90 % советскую интеллигенцию составляют выходцы из рабочего класса и крестьянства.

Характер ее деятельности также стал качественно иным: теперь ее основная задача – служить народу.[38]

Вместе с тем, касаясь вопроса о поправках к проекту Конституции, он счел теоретически и политически ошибочным предложение о внесении изменений в статью 1, где к словам «государство рабочих и крестьян» предлагалось добавить «и трудовой интеллигенции».

Мотивация И.В. Сталина выглядела следующим образом: «Советское общество состоит, как известно, из двух классов, из рабочих и крестьян... стало быть, 1-ая статья проекта Конституции правильно отражает классовый состав нашего общества». Интеллигенция же «никогда не была и не может быть классом, - она была и остается прослойкой, рекрутирующей своих членов среди всех классов общества. В старое время интеллигенция рекрутировала своих членов среди дворян, буржуазии, отчасти среди крестьян и лишь в самой незначительной степени среди рабочих. В наше советское время интеллигенция рекрутирует своих членов главным образом среди рабочих и крестьян. Но как бы она не рекрутировалась и какой бы характер она не носила, интеллигенция все же является прослойкой, а не классом».[39]

---

[37] См.: Сталин И.В. О проекте конституции СССР. Доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г.// Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – С.510, 516, 523, 525-526.
[38] См.: Там же. – С.512.
[39] Там же. – С.526.

Следовательно, согласно государственной точке зрения, интеллигенция являлась чисто профессиональной социальной прослойкой, не имеющей собственных политических интересов и обслуживающей классы рабочих и крестьян.

Эта точка зрения с различной степенью убедительности была растиражирована во всех немногочисленных теоретических исследованиях тех лет. В частности, если В. Ведерников, Ем. Ярославский, Б. Волин, С. Кафтанов в своих работах фактически ограничились констатацией того, что интеллигенция – это государственные служащие,[40] то мнение «всесоюзного старосты» М.И. Калинина было более аргументировано.

Указав, что термин этот достался в наследство от старого режима, он справедливо отметил: «Определение численности интеллигенции и водораздела, отделяющего ее от других слоев населения, очень трудная задача», осложненная к тому же «неопределенностью термина «интеллигенция» и большой вольностью его употребления».[41]

Тем не менее это не является препятствием для ее изучения: «Марксисты стремились определить не точные границы, отделяющие интеллигенцию от остального населения, а ее социально-экономическую роль и место в классовой структуре общества».[42]

Согласно М.И. Калинину, в советском обществе интеллигенция является прослойкой, роль которой – «служить народу, то есть рабочему классу и крестьянству».[43]

Позднее А.И. Солженицын отмечал, что именно в конце 30-х гг. «по государственному расчету и покорным общественным сознанием» понятие

---

[40] См.: Ведерников В. Что такое интеллигенция?; Ярославский Ем. О старой и новой интеллигенции; Волин Б. Интеллигенция советского народа; Кафтанов С. О советской интеллигенции. – В кн.: Об интеллигенции. – Сб. статей. Чкаловск, 1939. – С.3, 27, 63.
[41] Калинин М.И. Об интеллигенции.// Об интеллигенции. – С.22.
[42] Там же.
[43] Там же. – С.23.

«интеллигенция» было отождествлено с категорией «служащие» и растворено в ней.[44]

Однако межклассовое положение интеллигенции никоим образом, по мнению И.В. Сталина, не ущемляло ее прав. Из глав 10-й и 11-й проекта Конституции явствует, что рабочие, крестьяне и интеллигенция совершенно равноправны во всех сферах хозяйствования, политической (подчеркнуто нами – С.О.), общественной и культурной жизни страны.[45]

Термин «политическая жизнь» вошел туда отнюдь не случайно. И.В. Сталин считал, что интеллигенту мало быть просто добросовестным спецом – надо быть спецом, преданным советской власти и полностью разделяющим коммунистическую идеологию. Поэтому в отчетном докладе на XVIII съезде партии И.В. Сталин, касаясь политики партии в вопросе формирования мировоззрения молодых специалистов, отмечал, что нет необходимости, чтобы медик был ботаником и наоборот: «Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, - это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать действительным ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность,... и не видящего ничего дальше совей специальности. Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки, - он должен быть вместе с тем политиком–общественником,... знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страной».[46]

По мнению И.В. Сталина, такая категория людей уже появилась в СССР: «В итоге мы имеем теперь многочисленную, новую, народную

---

[44] См.: Солженицин А.И. Образованщина.// Русская интеллигенция. – С.131.
[45] См.: Сталин И.В. Указ.соч. – С.526.
[46] Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б).// Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – С.598 – 599.

социалистическую интеллигенцию, в корне отличающуюся от старой буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику».[47]

Говоря о дальнейшем развитии этого социального слоя, Е.М. Ярославский заявлял: «Товарищ Сталин не раз говорил о том, что нужно превратить в интеллигентных работников всю массу трудящихся. Мы идем к этому неуклонно: социалистическая революция открыла величайшие возможности для всего народа, и в перспективе *весь советский народ будет состоять из интеллигентных людей, овладевших современной наукой и культурой*».[48]

Таким образом, за короткий период (с 1917 по 1939 гг.) миф об интеллигенции вначале подвергся редукции, из «лучшей части общества» превратившись просто в «добросовестных спецов». Затем этим термином вновь стали обозначать передовую часть общества – новое поколение людей, кроме своей специальности овладевших теорией марксизма-ленинизма и всецело преданных ей.

Тем самым вновь возродился народнический миф об интеллигенции как «лучшей части общества», однако на этот раз он был вписан в единственную и нормативную идеологию социальной структуры. Это означало, что впервые в истории человечества в СССР возникла и стала успешно функционировать *абсолютная мифология* – та, которая, по словам А.Ф. Лосева, «ни с какой стороны и ни в каком отношении не встречает препятствий для своего существования и развития. Такая мифология существует как единственно возможная картина мира, и ни один принцип ее не подвергается никакому ущербу». По его мнению, абсолютная мифология должна быть «нормой, образцом, пределом и целью стремления для всякой иной мифологии».[49]

---

[47] Там же. - С.608.
[48] Ярославский Ем. О старой и новой нтеллигенции.// Об интеллигенции. – С.38.
[49] Лосев А.Ф. Диалектика мифа.// Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – С.172 – 173.

Иными словами, абсолютная мифология, подвергаясь попытке разрушения или переосмысления, только достраивается и укрепляется, не теряя своих признаков. При этом абсолютный миф не противостоит какой-либо другой мифологии, но поглощает ее, причем поглощенный миф становится более жизнеспособным, нежели оставаясь в обособленном состоянии.

Развитие абсолютной мифологии стало завершающим этапом формирования правящего слоя идеологической бюрократии. Как отмечал Н.А. Бердяев, «единственное реализованное в мире социалистическое государство оказалось самым бюрократическим государством мира», где властвует еще небывалая по размерам и силе новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, и являющаяся главным привилегированным классом.[50]

Югославский ученый А. Силига, после ряда лет работы в СССР, в книге, опубликованной в Париже в 1938 году, утверждал, что в Советском Союзе правит совершенно новый класс – «бюрократия коммунистов».[51]

После этого, вплоть до середины 60-х гг., абсолютная мифология функционировала в неизменном состоянии. Официальные определения интеллигенции выглядели следующим образом: "**Интеллигенция**...-общественная прослойка, в которую входят лица, профессионально занимающиеся умственным трудом... Впервые термин "И" был введен в обиход русским писателем П. Боборыкиным (70-е гг. XIX в.)".[52] Стабильность абсолютной мифологии обеспечивалась еще и тем, что были прекращены все исследования, касающиеся политической мифологии. Так, в первой половине 30-х гг., А.Ф. Лосеву «компетентными органами» было предложено ограничить свой интерес рамками античной мифологии, не касаясь политики и современности.[53]

---

[50] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. С.105; Царство духа. С.91.
[51] См.: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991. – С.31.
[52] Советская историческая энциклопедия. – Т.6. – М., 1965. – С.111.
[53] См.: Ерофеев В.В. Последний русский философ.//Волга. – 1989. – Саратов. – №10. – С.164

Миф об интеллигенции, став частью абсолютной мифологии, пережил и коммунистический режим, хотя, по нашему мнению, в настоящее время пока не обрел нового субъекта его использования. Тем не менее, традиционная парадигма социально-классового и социально-этического критериев, то есть официальная точка зрения практически не изменилась: "...**интеллигенция** - общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры. Понятию "И" придают нередко и моральный смысл, считая её носителем высокой нравственности. Термин "И" появился в России во 2-й пол. 19 в.".[54]

Рядом ученых делаются попытки вписать этот миф в теорию элит. Так, например, авторы исследования "Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества" считают интеллигенцию интеллектуальной элитой, отчужденной от существующей общественной системы и с болью осознающей свою ответственность за судьбу и будущее народа.[55]

Это означает, что проблемы выявления реального политического субъекта действия актуальна и поныне. Однако, на наш взгляд, это тема уже другого исследования.

---

[54] Российский энциклопедический словарь: В 2-х кн. – Кн.1. – М., 2000. – С.581.
[55] См.: Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. – М., 1996. – С.28.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

Социальная мифология является реально существующим и успешно функционирующим в обществе явлением. Его основная *цель* всегда задается субъектом мифотворчества и предполагает установление новой социальной нормы, создание упорядочивающей перспективы и определенной системы ценностей.

Функции мифа – укрепление означенной мифом системы ценностей в меняющемся мире;

- установление образцовых моделей всех значимых видов человеческой деятельности;
- представление этих исторически изменчивых и социально ограниченных моделей как естественных и вечных.

Из функций мифы вытекают его основные *признаки*:

- миф имеет отношение к реальности;
- использование любого мифа политическими силами придает ему политический характер;
- миф антикаузален, эмоциональное в его содержании доминирует над логическим;
- псевдокаулизация мифа происходит путем объединения разрозненных мифологем в единую концепцию;
- структура мифа сходна с научной и сохраняется даже при радикальном изменении содержания мифа;
- формами проявления мифа в обществе являются идеология и научная теория;
- миф имеет статическую и динамическую разновидности в зависимости от того, какая политическая сила его использует;

- внедрение мифа в сознание общества на этапе разрушения старой социальной нормы происходит с помощью средств массовой информации; на этапе закрепления новой социальной нормы к ним присоединяются институты образования;
- миф имеет особый полифункциональный язык. На этапе разрушения социальной нормы он внедряется в общество как противовес официальному языку правящего режима в качестве передового «новояза»; на этапе закрепления новой социальной нормы (как правило, этому способствует изменение баланса политических сил) язык мифа становится *энкратическим*, то есть находящимся под опекой сил, пришедших к власти;
- миф функционирует только в рамках определенного топографического пространства;
- миф ограничен также временными рамками и может успешно функционировать только в течение ограниченного периода времени.

Одним из наиболее укорененных в российском обществе мифов является интеллигенция. Это связано с особенностями развития российской бюрократии.

Бюрократия представляет собой самостоятельный социальный слой, возникающий на определенной стадии развития общества, проходящий ряд этапов становления, и имеющий ряд признаков, функций и разновидностей. Она может играть позитивную или негативную роль в зависимости от доминирования того или иного ее типа в обществе.

Негативная роль бюрократии в обществе заключается в доминировании ее собственных интересов над общегосударственными и постоянном стремлении к обретению полноты власти. Тогда функции бюрократии превращаются в дисфункции, и, как следствие, возникает феномен «параллельной власти». В результате социального взрыва эта власть становится официальной. При этом бюрократия как социальный слой только

укрепляется, несмотря на то, что внутри нее меняются персоналии и ряд второстепенных функций.

Как правило, наиболее негативную роль играет корпоративная бюрократия, представляющая собой обособленную и фактически независимую касту. В обществе с так называемым «бюрократическим ритмом развития» (который имеет место и в России) главной тенденцией развития государственного аппарата является его трансформация именно в корпоративную бюрократию. Человек же в таком обществе с неустойчивой социальной структурой периодически попадает в кризис «коммунальной идентичности» и становится маргиналом. Стремясь вновь обрести социальный статус, он готов идентифицировать себя в качестве члена любой (пусть даже иллюзорной) общности. Это обусловливает возникновение как отдельных мифологем идентичности, так и целостной социальной мифологии, призванной вернуть индивиду утраченное чувство стабильности и комфорта.

Именно так произошло в России: своеобразие становления ее государственности обусловило возникновение социальной мифологии, и в том числе, появление мифа об интеллигенции.

Основной тенденцией развития российского государства было *создание сильной централизованной власти, и переход от сословно-*представительной монархии к абсолютной.

Одним из главных условий существования и успешного функционирования такой монархии является наличие мощного бюрократического аппарата, подчиняющего себе возможно большее число сфер в обществе.

Поэтому возникшая при сословно представительной монархии служилая бюрократия, сравнительно слабая, непрофессиональная и немногочисленная, в условиях окончательного оформления абсолютизма в эпоху Петра I превращается в особый социальный слой, обладающий

значительными полномочиями. Этому способствовала политика, проводимая абсолютизмом в отношении социальной структуры. Режим формировал ее в зависимости от своих потребностей. Поэтому из трех активных, развивающихся и перспективных сословий – дворянства, духовенства и купечества – властные полномочия обрело только дворянство. Наступает второй этап развития российской бюрократии – *дворянский*. Его возникновение законодательно закреплялось вышедшей в 1722 г. «Табелью о рангах».

В это же время в сознание общества внедряется мифологема власти, носящей якобы божественный характер и поэтому неприкосновенный.

Петр I хотел создать функционирующий *механизм* управления, но бюрократический аппарат стал приобретать черты *субъекта* управления. Он увеличивается численно, возникает и усложняется иерархия должностей, вводится постоянное денежное жалование.

Однако реально правящим классом дворянству не удалось по следующим причинам: во-первых, оно было малочисленно; во-вторых, в массе своей у дворянства отсутствовало специальное образование; в-третьих, оно не имело идеологии, альтернативной самодержавию, и сколько-нибудь внятной концепции развития страны; в-четвертых, дарованное им в период с 1725 по 1785 гг. большое число льгот и вольностей в ущерб обязанностям превратило дворянство в пассивный и разлагающийся строй; к тому же в результате этих льгот оно сделалось крупнейшим владельцем «крещеной собственности» (то есть крепостных крестьян) и было объективно заинтересованно в консервации существующих косных порядков. Поэтому большая часть дворянства превратилась в привилегированную, но быстро вырождающуюся абсентеистскую касту.

Меньшая часть дворянства, став чиновниками, государственными служащими высшего и среднего звеньев администрации, все же оформляется

в корпоративную группу, у которой появляются собственные интересы и политические амбиции.

Данная группа стала костяком, основой очередной разновидности российской бюрократии – чиновничьей.

Она возникает в эпоху правления Николая I. Именно тогда происходит окончательная переориентация царского режима на бюрократический аппарат как на свою основную опору. Не доверяя аристократии, Николай I стремился создать обособленную касту по-военному организованных исполнителей, и превратить страну в бюрократическую империю.

Поэтому в основу работы бюрократического аппарата кладется принцип бюрократического централизма. Одновременно резко повышаются требования к общей и профессиональной подготовке чиновников. Их продвижение прямо увязывалось с уровнем образованности и профессиональной компетентности.

Кроме того, впервые в истории России правящий режим предпринял попытку создания собственной идеологии. Она была создана на основании работ историка М.П. Погодина и в конце 1834 г. окончательно сформулирована товарищем министром просвещения С.С. Уваровым в виде следующей формулы: «православие, самодержавие, народность».

Данная триада была сразу же принята бюрократией в качестве официальной. Однако внутри нее возникла иерархия: главенствующее место занимало самодержавие, являвшееся, согласно доктрине, основой стабильности государственного строя. Православие же и народность были не более чем формальными аксессуарами.

С одной стороны, идеология «русского консерватизма» формально была продолжением петровской традиции, русифицированной формы западничества. Однако, с другой стороны, в отличие от безудержного петровского реформаторства, она носила охранительный характер и создавалась для увековечения существующего строя.

Не ограничиваясь созданием охранительной идеологии, режим принял ряд законов о государственной безопасности, в соответствии с которыми право заниматься политикой, политической деятельностью принадлежало только правящей бюрократической верхушке. Все остальные граждане российской империи лишались этого права под угрозой сурового наказания.

Таким образом, к середине XIX века вся полнота власти в России сосредотачивается в руках одного социального строя – чиновничьей бюрократии, превратившейся к тому времени в корпоративную касту, преследующую свои собственные интересы в обход царя. Представительных противовесов бюрократии создать не удалось.

Это, в свою очередь, привело к перераспределению власти внутри самой бюрократии. Большая часть функций управления перешла к репрессивному аппарату, сводившему их к чисто охранительным мерам.

Остальная часть бюрократии постепенно вырождалась, повторяя судьбу дворянства. Поэтому и она не стала реальным политическим субъектом действия. Выполнение управленческих функций свелось только к охранительной; так и не была создана долгосрочная и целостная концепция развития империи; отсутствовала идеология, принимаемая и понимаемая большинством населения страны – русский консерватизм к тому времени стал «идеологической псевдоморфозой», лишенной реального содержания и существовавшей только по инерции.

Тем не менее, объективная неспособность властвовать еще не означала готовности разделить или уступить эту власть. Наоборот, режим решительно пресекал все попытки притязаний на власть. В этой связи П.Б. Струве отмечал, что «близоруко ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии и узкого круга близких к ней элементов отчудило от государства широкий круг образованных людей, ослепило его ненавистью к исторической властью, в то же время сделав эту интеллигенцию бесчувственной и слепой по отношению к

противокультурным и зверским силам, дремавшим в народных массах... Систематически отказывая... интеллигенции во властном участии в деле устроения и управления государством, самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства».[1]

Таким образом, ослабление витальности главной государственной силы – чиновничьей бюрократии – вызвало объективную потребность в новом историческом субъекте действия. Им стала, по выражению Г.П. Федотова, «инобытие» чиновничьей бюрократии, обозначенное термином «интеллигенция».

Становление нового исторического субъекта действия носило инновационный характер. Это выразилось в социальном составе формирующегося строя. Его основой стали разночинцы – немногочисленный городской слой маргиналов, или полностью утративших связь со своим сословием, или формально принадлежащих к какому-нибудь сословию, но неудовлетворенных своим положением в нем.

В начале 40-х годов XIX века на его основе начинает формироваться «реальная социальная группа», постепенно осознающая свои экономически, политические и другие интересы, и имеющая потенциальные возможности для их удовлетворения.

Как правило, такая группа состоит из «ядра», то есть концентрированного выразителя всех социальных свойств группы и ее интересов – субъекта действия, лидера, и «периферии» - людей, в той или иной степени разделяющих позиции ядра, и участвующих в его деятельности с различной степенью активности.

Одной из задач ядра на этапе становления «реальной социальной группы» является конструирование позитивного образа данной группы в

[1] Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: сборник статей о русской революции. – М., 1990. – С. 237

форме идеологии, научной теории, политического мифа, и внедрение его в общественное сознание с помощью «периферии».

Идеология разночинских групп отличалась крайним для того времени радикализмом. Они не просто критиковали правительственный курс, но отрицали самые основы существующий государственной системы. Главным своим врагом разночинцы считали привилегированные классы, и, прежде всего - бюрократический аппарат. Термин «бюрократия» употреблялся в разночинской среде только с негативно-уничижительным оттенком и был для них синонимом всего худшего и реакционного.

Традиционной формуле Российской Империи «православие, самодержавие, народность» разночинцы противопоставили формулу, заимствованную у Запада: атеизм, социализм, интернационализм.

Однако эти составляющие превратились в русской революционной среде специфическим образом. Социализм стал для них новым «символом веры» и воплотился в теорию и практику народничества – первое русское революционное движение, создавшее действующие политические организации.

В основе народнической идеологии лежало особая, светская разновидность религиозного сознания, проявлявшаяся в мифологизированных представлениях о крестьянстве как основной революционной силе общества, зрелой, совершенной, готовой в любой момент разрушить старый государственный порядок и осуществить самые коренные реформы.

Рассуждая о бескорыстном служении крестьянству, народники на деле считали себя его духовными наставниками. Идеализированный образ крестьянства предполагал и собственный облагороженный образ. В связи с этим следует учитывать, что первоначальный политический опыт приобретался не в совместной партийной борьбе, а в кружках, организованных в учебных заведениях разного уровня, и в полемике на

страницах газет и литературных журналов. Поэтому и модный в то время термин, избранный ими для позитивной репрезентации в обществе – «интеллигенция» - имел литературное происхождение.

Единичные случаи употребления этого понятия в абстрактно-философском значении «высшего сознания» как определенного качества личности известны уже во второй половине XVIII в.

Начиная с 40-х годов XIX в. оно используется для обозначения определенной социальной группы, обладающей высокими нравственными качествами. Авторство этого термина, по нашему мнению, остается неустановленным: мы не разделяем распространенную точку зрения, согласно которой, приоритет понятия «интеллигенция» принадлежит П.Б. Боборыкину. Он был лишь одним из многих писателей, публицистов и ученых, использовавших данный термин в своих работах.

Таким образом, понятие «интеллигенция» в исторически закрепившемся значении возникает в русской художественной литературе и публицистике, отличаясь при этом лексико-семантической неопределенностью. Четкого социологического определения интеллигенции не существовало. Любое высказывание об интеллигенции сводилось к тому, что она – лучшая часть российского общества.

Поскольку народники именно себя считали наиболее передовой частью общества, они стали применять этот термин по отношению к собственному движению.

Целая группа ученых, от Г.П. Федотова и Н.А. Бердяева до Л.Д. Троцкого и В. Воровского полагала, что массовое распространение слово «интеллигенция» получило именно в разночинской среде.

При этом в его значении обязательно присутствовала аксиологическая доминанта, перевес эмоционального над логическим, что свидетельствовало об его антикаузальности, являющейся одним из признаков политического мифа.

Теоретики народничества попытались наполнить данное понятие конкретным содержанием, ввести его в определенные социологические рамки. Выделение интеллигенции в особую социальную группу происходило в соответствии с *социально-этическим* критерием. Из него исходили все видные деятели народничества, от П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского до Р.В. Иванова-Разумника, который дал классическое народническое определение интеллигенции: «Интеллигенция есть этически анти-мещанская, социологически – внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности».[2]

Таким образом, народничество, организуясь политически, дает начало *политической мифологии*, в рамках которой отдельная мифологема «интеллигенция» вписывается в теорию социальной структуры, состоящей из ряда элементов.

Главенствующее место в ней занимает интеллигенция. Другой элемент – «народ» - представлен в качестве основной силы истории, однако еще неспособной подняться до организованного протеста в силу отсутствия научного мировоззрения. Поэтому задачей интеллигенции является воспитание народа.

Тем самым народная масса представала в качестве объекта воздействия.

Следующий элемент социальной структуры, враждебный интеллигенции и народу – бюрократия и буржуазия. Борьба с ними составляет главную задачу интеллигенции и народа.

Однако, заложив основы политической мифологии, народники не смогли *практически* применить ее в деле завоевания власти, поскольку по сути своей были только антигосударственниками и серьезно не задумывались

[2] Иванов-Разумник В.Р. Что такое интеллигенция.// Интеллигенция. Власть. Народ. – М., 1993. – С. 80

ни о типе будущего государства, ни о субъектах и формах государственного управления.

Логическое развитие и практическое применение политическая мифология, и в том числе миф об интеллигенции, получила в русифицированном воплощении марксизма – в теории и практике большевизма. Он был единственным политическим движением, боровшимся за власть на основе долговременной стратегии, предусматривавшей не только революционно-освободительную *борьбу* за власть, но и дальнейшую *организацию* власти после ее взятия.

Если русифицированный марксизм стал идеологией большевизма, то в своей практической и организационной деятельности большевики во многом исходили из постулатов, выдвинутых П.Н. Ткачевым.

Он считал, что в России, где еще нет ни многочисленного фабричного пролетариата, ни буржуазии, невозможна массовая революционная организация. Поэтому он выдвинул идею создания строго централизованной дисциплинированной партии, состоящей из интеллигентного, умственно и нравственно развитого революционного меньшинства.

Такая партия должна не только захватить власть, но сохранить ее для создания авторитарного диктаторского государства и сама стать государственной власть.

При этом она не может рассчитывать на поддержку народа, поскольку, по мнению П.Н. Ткачева, он консервативен, неспособен к организации и никогда не будет готов к революции.

Пария должна руководить народом и направлять его стихийную силу в нужном направлении, внушая при этом революционные идеалы. Тем самым установится «новый и разумный порядок общежития».

Таким образом, П.Н. Ткачев выдвинул два принципиально важных политических положения: идея непрерывности функционирования государственного бюрократического аппарата, несмотря на изменения

политического режима; однако разновидности бюрократии при новом правлении могут носить инновационный характер и развиваться как партийный аппарат.

Большевики под руководством В.И. Ленина считали создание всероссийского аппарата управления или, точнее, общерусской централизованной организации, состоящей из профессиональных революционеров и руководимой политическими лидерами, одной из своих главных практических задач.

Отличительной чертой такого аппарата управления было наличие научной идеологии, адаптированной и привлекательной для масс.

Центральное место в идеологии большевизма занимала классовая борьба пролетариата. Это предполагало, во-первых, наличие классов; во-вторых, выделение пролетариата в особый класс; в-третьих, наличие у него «классового сознания», то есть идеологии; в-четвертых, признание его политическим субъектом действия.

Интеллигенция в этой схеме оказывалась социальной прослойкой, обслуживающей интересы того или иного класса. Ее большая часть сотрудничала с эксплуататорскими классами, и поэтому считалась одним из врагов. Однако, по мнению В.И. Ленина, пролетариат, как и всякий другой класс, должен выработать свою собственную интеллигенцию, которая возглавит этот класс.

Тем самым В.И. Ленин (а за ним и его соратники по партии) объективно исходили из народнического же понимания интеллигенции как лучшей части общества, сузив его до рамок класса.

Концепция В.И. Ленина более четко, нежели народническая, социологически выстроена. Пролетариат является наиболее передовым классом; интеллигенция является передовой частью пролетариата и его руководителем; остальной народ является объектом воздействия.

Кроме того, использован иной критерий выделения интеллигенции в особую социальную группу: если у народников он *социально-этический*, то у большевиков – *социально-классовый*.

Тем самым проявился еще один признак политического мифа – сохранение его оболочки (то есть наименования «интеллигенция») при радикальном изменении его содержания в зависимости от конкретных политических целей.

В реальности же партия большевиков представляла собой новый тип бюрократической организации, идущей на смену царской бюрократии – политической, основу которой составляли профессиональные революционеры, то есть маргиналы, вооруженные теорией русифицированного марксизма.

Именно в данной теории миф об интеллигенции находит свое логическое завершение, поскольку вписывается в систему мифологем (коммунизм, класс, пролетариат и т.д.), и становится частью глобального мифа социально-классовой структуры.

Кроме того, понятие «интеллигенция» используется другими политическими группировками, поэтому в период до 1917 г. проявляется большая часть признаков данного мифа.

Выше мы уже рассмотрели два признака: антикаузальность и сохранение «оболочки» мифа при радикальном изменении его содержания. Антикаузальность мифа подтверждается еще по нескольким основаниям (отсутствие единой точки зрения на время возникновения интеллигенции и т.д.).

Средствами распространения мифа на этапе его возникновения служили газеты и литературно-публицистические журналы.

Формой проявления мифа в обществе, по мере его укоренения, становится идеология, а также научные теории.

Альтернативная идеология предполагает особый язык, «новояз», задачей которого является эмоциональное воздействие на общество и констатация ряда мифологем в качестве давно и реально существующих. Так произошло и с термином «интеллигенция», вошедшим в повседневное употребление в оппозиционных кругах, но официально не признаваемым режимом.

«Энкратическим» (то есть официально признаваемым властями и используемым ими) он стал задолго до Октябрьской революции.

Наконец, еще одним признаком мифа является ограниченность его функционирования рамками определенной территории.

Точка зрения на интеллигенцию как на уникальный, только в России существующий социальный феномен разделялась подавляющим большинством его исследователей. В настоящее время во всех двуязычных словарях этот термин дается с пометкой «rus» и в двояком написании.

Таким образом, в 30-40-е гг. XIX в. в России начинают формироваться первые политические организации, и сразу же возникает политическая мифология, составной частью которой становится миф об интеллигенции. За короткий период термин «интеллигенция» из отдельной мифологемы превращается в целостный миф, обладающий набором признаков, и вписанный в систему мифологем. Он активно используется всеми бес исключения политическими группировками того времени.

Однако одновременно с укоренением мифа в общественном сознании делаются попытки его демифологизации. Возникают «концепции-предупреждения».

Целый ряд ученых и общественных деятелей – народник И.И. Каблиц, «легальный марксист» А.С. Изгоев, анархист Я. Махайский, социал-демократ К. Каутский, писатель А.П. Чехов и другие, с разных точек зрения рассматривая интеллигенцию, приходили к единому выводу о том, что, по сути, он представляет собой новую разновидность бюрократии, новый

эксплуататорский класс, более образованный и организованный, нежели царский государственный аппарат, но при этом значительно более опасный для народа, поскольку преследует только собственные интересы и не остановится не перед чем до их осуществления.

Наиболее фундаментальным и концептуальным выражением таких взглядов стал сборник «Вехи», соавторы которого исходили не только из теоретических конструкций, но и из реального опыта вхождения «новой бюрократии» во власть – из опыта революции 1905-1907 годов.

Все участники сборника были солидарны в том, что субъектом революции, ее движущей силой была некая социальная группа, именуемая «интеллигенцией». Поэтому нужды русской государственности требовали тщательного исследования этого феномена. Результатом стала следующая совокупная характеристика социальной группы, именующей себя «интеллигенцией»:

- причиной ее возникновения являлась монополизация политической деятельности царской властью и недопущение элементов из средних и высших слоев населения к управлению страной;
- появившиеся аморфные политические антигосударственные течения за короткое время оформляются в замкнутую касту, исповедующую радикально-революционную идеологию;
- однако по своему мировоззрению интеллигенция в целом остается народнической; народническому перерождению подвергаются все революционные теории, включая марксизм;
- народнический характер определял ее следующие черты и признаки:
    а) социально-этический критерий выделения себя в качестве основных субъектов действия;
    б) прагматически-утилитарное отношение к науке и образованию;
    в) отсутствие интереса к реальным национальным нуждам государства, космополитизм;

г) догматизм, слепая приверженность к параграфам партийных уставов;

д) неуважение к формальному, закрепленному в законах праву, подмена его «интересами народа».

Поэтому авторы «Вех» делают следующие выводы:

- социальная группа, именуемая интеллигенцией, несмотря на внутри- и межпартийные разногласия, представляет единый и целостный культурно-исторический феномен народничества;
- степень правосознания данной социальной группы находится на уровне полицейской государственности и является ее закономерным этапом, продолжая традиции российской власти. Таким образом, «интеллигенция» есть не что иное, как новая, закономерно возникшая разновидность корпоративной бюрократии, идущая на смену чиновничьей, и отличающаяся от нее большей степенью организованности, а также идеологией, доступной и привлекательной для масс.

Определение интеллигенции как новой формы бюрократии вызвало яростное неприятие практически всеми политическими группировками и их лидерами, от умеренных до самых радикальных. «Концепции-предупреждения» не сыграли никакой роли в формировании политической ситуации в России. В итоге к власти пришел новый субъект действия – политическая бюрократия.

Советское государство возникает как инновационная форма партийного правления. Бюрократический аппарат самодержавия подвергся радикальным преобразованиям. По замыслам руководства Советской России, и прежде всего В.И. Ленина, новый аппарат управления должен был представлять нечто вроде веберовской «идеальной модели». Однако практика его функционирования быстро показала наличие тех же негативных черт, что и у царской бюрократии.

К концу 20-х – началу 30-х годов бюрократический аппарат СССР вновь превращается в самостоятельный социальный корпоративный слой. Одним из главных инструментов его управления становится идеология. В это же время исчезает политика как форма взаимодействия между социальными группами. Бюрократия из политической превращается в идеологическую, и, главным (формально нигде и никем не провозглашенным, но реально функционирующим) признаком становится *идеологический монизм*.

Соответственно, при новом политическом режиме видоизменяется и политическая мифология. В очередной раз миф об интеллигенции наполняется новым содержанием. Если в первые годы советской власти еще происходят дискуссии на тему, что такое интеллигенция, и об ее месте в новом обществе, то к 1925 год возобладала единственная точка зрения: это понятие было редуцированно до рамок «специалиста», то есть чисто профессиональной междуклассовой прослойки, не играющей самостоятельной политической роли в обществе, и являющейся объектом воздействия со стороны правящего класса.

Однако во второй половине 30-х годов официально утверждается нормативная теория социальной структуры, согласно которой в СССР существует два дружественных класса – рабочий класс и крестьянство, а также равноправная им во всех сферах хозяйственной, политической, общественной и культурной жизни социальная прослойка – интеллигенция.

Таким образом, «интеллигент» из простого «спеца» превращается в спеца передового, преданного советской власти, разделяющего коммунистическую идеологию и активно проводящего ее в жизнь. В перспективе вся масса трудящихся, весь советский народ должен будет состоять из интеллигентных людей, овладевших современной наукой и культурой.

Следовательно, произошло новое возрождение народнического мифа об интеллигенции, на этот раз вписанного в единственную и нормативную мифологию социальной структуры. Он приобретает последний недостающий ему признак – термин «интеллигенция» становится «энкратическим», то есть находящимся под опекой властей и официально используемым ими. Это означало, что впервые в истории человечества в СССР возникла и стала успешно функционировать *абсолютная мифология*, ни с какой стороны и ни в каком отношении не встречающая препятствий для своего развития и существующая как единственно возможная картина мира.

Появление абсолютной мифологии стало завершающим этапом формирования правящего социального строя – идеологической бюрократии.

Став частью мифологии социальной структуры, миф об интеллигенции практически в неизменном виде функционировал до конца советского режима. В постсоветский период, в связи с целым рядом экономических и политических катаклизмов произошла беспрецедентная по масштабам маргинализация населения, однако нового политического субъекта действия, реально противостоящего правящему режиму, на наш взгляд, пока еще не возникло. Поэтому миф об интеллигенции в настоящее время используется только идеологами правящего режима. В широких же слоях общества данный термин употребляется в основном с негативно-уничижительным оттенком, так же, как в свое время термин «бюрократия».

Тем не менее, говорить об исчерпанности мифа об интеллигенции, на наш взгляд, преждевременно. Об этом свидетельствуют попытки вписать его в теорию элит. Однако это тема уже другого исследования.

Список использованной литературы

1. Авксентьев Н. Творчество культуры // "Вехи" как знамение времени. Сб.ст. – М.: Звено, 1910. – С. 102 – 144.
2. Аксельрод П. Историческое положение и взаимные отношения либеральной и социалистической демократии в России. – Женева: Б.И., 1898. – 84 с.
3. Анчел Е. Мифы потрясенного сознания. - М.: Политиздат, 1979. – 176 с.
4. Анчел Е. Этос и история. – М.: Мысль, 1988. – 128 с.
5. Апресян Р.Г. Этос властвующей бюрократии // Бюрократия и общество. Сб.ст. – М.: Филос. общество СССР, 1991. – С. 187 – 200.
6. Асмус В.Ф. Борьба философских течений в Московском университете в 70-х гг. XIX в. // Асмус В.Ф. Избр.филос.труды.. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – Т.1 – С.238 – 266.
7. Атоян А.И. Социальная маргиналистика // Политические исследования. – 1993. - № 6. – С. 29 – 38.
8. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (в 3-х т.). – М.: Филос.общество СССР, 1991. – Т. 3. Социокультурный словарь. – 470 с.
9. Баггер Х. Реформы Петра Великого. – М.: Прогресс, 1985. – 199 с.
10. Балуев Б.П. Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX век). Сб.ст. – М.: Археографический центр, 1996. – С. 297 – 324.
11. Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть. – М.: Изд-во АН СССР, 1991. – 194 с.
12. Барзилов С.И., Чернышов А.Г. Самоидентификация российской интеллигенции. Политсимволы и механизмы // Свободная мысль. – 2001. - № 12. – С. 34 – 40.

13. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1990.- 616 с.
14. Белорусс М. Рабочие и интеллигенция. – Женева: Издание А.Куклина, 1904. – 84 с.
15. Бердяев М.А. Царство духа и царство Кесаря. - М.: Республика, 1995. – 383 с.
16. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции (сборник статей по общественной и религиозной психологии). – СПб.: Общ.польза, 1910. – 304 с.
17. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. воспроизведение. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
18. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX в. // О России и русской философской культуре. Сб.ст. - М.: Наука, 1990. – С. 43 - 271.
19. Бердяев Н.А. Судьба России. Сочинения. - М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; - Харьков: Изд-во ФОЛИО, 1998. – 736 с.
20. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Новый мир. – 1990. - № 1. – С. 207 – 232.
21. Бирлаин Дж. Ф. Параллельная мифология. М.: Крон-Пресс, 1997. – 336 с.
22. Блюмкин В.А. Бюрократия – социально-нравственные аспекты. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
23. Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. – 1904. - № 12. - С.80 – 88.
24. Бурдье П. Социология политики. – М.: SOCIOLOGOS, 1993. – 333 с.
25. Бухарин Н.И. Железная когорта революции // Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1988. – С. 34 – 38.

26. Бухарин Н.И. Судьбы русской интеллигенции // Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. Сб.ст. – М. – Л.: Политиздат, 1925. – С. 152 – 165.
27. В-въ (Воронцов В.) Интеллигенция // Новый энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во бр. Гранат, Б.г. - Т.19. – Стб. 538.
28. Вебер М. Избранное. Образ общества. - М.: Юрист, 1994. – 702 с.
29. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. –804 с.
30. Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. – Киев, 1906. – 149 с.
31. Вербицкая В.П. телесериалы на экране и в постсоветской мифологии // Социологические исследования. – 1996. - № 9. – С. 77 – 82.
32. Вехи: Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909-1910. - М.: Мол.гвардия, 1991. – 462 с.
33. "Вехи" как знамение времени. Сб.ст. – М.: Звено, 1910. – 273 с.
34. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации. - Л.: Худ.лит., 1940. – 610 с.
35. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка. XVII – XIX вв. Изд.8, перер. и доп. – М.: Учпедгиз, 1938. – 448 с.
36. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология: учебник для вузов. – М.: Гардарика, 1998. - 432 с.
37. Вольский А. Умственный рабочий. - New York – Baltimore: Международное лит.содружество, 1968. – 431 с.
38. Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория // Красная новь. – Кн.VI. – 1925. – Июль – август. – С.121 - 162.
39. Воровский В. Представляет ли интеллигенция общественный класс? // Соч. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1931. – Т.2. – С. 3 – 92.
40. Воровский В.В. Русская интеллигенция и русская литература. – Харьков: Пролетарий, 1923. – 166 с.

41. Воронцов В.П. (В.В.) От 70-х годов к 90-м. – СПб.: Общественная польза, 1907. – 301 с.
42. Воронцов В.П. Наши направления. – СПб.: Русское богатство, 1893. – 233 с.
43. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия совм. с МП "Октябрь", 1991. – 624 с.
44. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. Изд.2-е. – М.: Экономика, 1972. – 478 с.
45. Гегель Г.В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
46. Гессен В. М. На рубеже. – Спб.: Право, 1906. – 410 с.
47. Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. – Свердловск: УрГУ, 1987. – 108 с.
48. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Средние слои в современной России (опыт анализа проблемы) // Социологические исследования. – 1998. - № 7. – С. 44 – 53.
49. Голосенко В.Н. Социологическая литература России второй половины XIX – начала XX века. Библиографический указатель. – М.: Онега, 1999. – 284 с.
50. Грибов Л. Великая октябрьская бюрократическая революция: (Об истории советской бюрократии) // Высшее образование в России. – 1999. - № 6. – С. 136 – 143.
51. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: заметки о лит. – полит. иллюзиях. – М. – Харьков: ЭПИцентр; Фолио, 1995. – 189 с.
52. Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. – М.: Наука, 1980. – 310 с.
53. Гуревич П.С. Мифология наших дней // Свободная мысль. - 1992.- № 11. - С.43 – 53..
54. Гуревич П.С. Социальная мифология. – М.: Мысль, 1983. – 175 с.

55. Давыдов Ю. Горькие истины "Вех" (трагический опыт самосознания интеллигенции) // Социологические исследования. – 1990. - № 10. – С. 67 –81.

56. Даль В.И. Интеллигенция // Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.-М.: Изд-во Вольфа, 1881. - Т.2. – С.46.

57. Даль В.И. Разный // Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус.яз., 1999. – Т. 4.- С.41.

58. Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII). Сб.ст. – М.: Наука, 1964. – С. 206 – 242.

59. Денисенко Ф. Роль интеллигенции. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1884. – 37 с.

60. Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М.: Изд-во "Новости", 1992. – 544 с.

61. Дичев И. Интеллигенция в тоталитарном обществе: мифология и манипуляция // Бюрократия и общество. Сб.ст. – М.: Филос.общество СССР, 1991. – С. 224 – 248.

62. Дугин А. Новый Вавилон // Завтра. – 2000. - № 43.

63. Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингво-социол. словарь. – М.: Красные словари, 1997. – 703 с.

64. Елпатьевский С.Я. По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. – 1905. - № 3. – 2 отд. – С.43 – 60.

65. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. – М.: Наука, 1966. – 373 с.

66. Ерофеев В.В. Последний русский философ // Волга. – 1989. – №10. – С.160 – 166.

67. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). – М.: Мысль, 1981. – 252 с.

68. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. – М.: Изд-во Моск.ун-та., 1964. – 511 с.

69. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX. в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.

70. Залкинд А.Г. Очерки культуры революционного времени. – М.: Работник просвещения, 1922. – 213 с.

71. Захарова А.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. XIX в. в России // Вопросы философии. – 1989. - № 10. – С. 14 – 32.

72. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. – М.: Мысль, 1972. – 452 с.

73. Златовратский Н. (Оранский) Народный вопрос в нашем обществе и литературе // Русское богатство. – 1880. - № 6. – 2 отд. – С. 1 - 20.

74. Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – Октябрь 1917 года). – Л.: Наука, 1988. – 350 с.

75. Иванов А.В., Лоскутов В.А. Сталинщина и сталинизм: восхождение по кругам отчуждения // Марксизм и Россия. – М.: Филос.общество СССР; УрО РАН, 1990. – С. 44 - 74.

76. Иванов А.В., Остарков Н.А. Социалистическая идея в русском марксизме // Марксизм и Россия. – М.: Филос.общество СССР; УрО РАН, 1990. – С. 93 – 164.

77. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. 3-е изд. – М.: Москва, 1999. – 541 с.

78. Иванов-Разумник В.Р. Что такое "махаевщина"? К вопросу об интеллигенции. – СПб.: Изд. О. Поповой, 1910. – 220 с.

79. Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. – 1903. – Кн. VIII. – С. 1 – 23.

80. Из глубины: Сборник статей о русской революции. / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1990. – 298 с.

81. Изгоев А.С. Интеллигенция как социальная группа // Образование. - 1904. - №1. - С. 73 – 94.

82. Изгоев А.С. Общество, власть, бюрократия // Русская мысль. – 1916. – Кн.X. - С. 111 – 118.
83. Изгоев А.С. Русское общество и революция. – М.: Русская мысль, 1909. – 112 с.
84. Интеллигенция // Российский энциклопедический словарь: В 2-х кн. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – Кн.1. – С.581.
85. Интеллигенция // Советская историческая энциклопедия. В 16 т. – М.: Сов.энциклопедия, 1965. – Т.6. – С. 111 - 119.
86. Интеллигенция в условиях общественной нестабильности / Межрегион. центр фундамент.исслед. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 303 с.
87. Интеллигенция и Советская власть. – М.: Советский мир, 1919. – 64 с.
88. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. Ред.-сост. и авт. введ. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Наука, 1993. – 336 с.
89. Интеллигенция. Общество. Власть: опыт взаимоотношений, 1917 – конец 1930-х гг. Сб.науч.тр. – Новосибирск: Б.и., 1995. – 114 с.
90. Иорданский Н. Кризис интеллигенции // Современный мир. – 1908. - № 2. – С. 84 – 95.
91. История России в вопросах и ответах. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.ун-та, 1997. – 340 с.
92. История России с начала XVII до конца XIX в. Учеб.пособие для вузов. – М.: АСТ, 1996 . – 544 с.
93. История России: народ и власть. – Спб.: Изд-во "Лань", 1997. – 448 с.
94. Каблиц И.И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. – СПб.: тип. И.А. Лебедева, 1886. – 305 с.
95. Каратуев А.Г. Советская бюрократия: система политико-экономического господства и ее кризис (1919 – 1991). – Белгород: Везелица, 1993. – 372 с.
96. Кассирер Э. Миф государства // Феномен человека. Антология. - М.: Высшая школа, 1993. – С. 101 – 163.

97. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. – М.: Гардарика, 1998. – 784 с.
98. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. - 1993. - №7. - С.153 - 167.
99. Каутский К. Интеллигенция и пролетариат. – Одесса: Осмосъ, 1905. – 38 с.
100. Каутский К. Интеллигенция и социал-демократия. - СПб.: Колокол, 1906. – 31 с.
101. Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) // Социологические исследования. – 1996. - № 12. – С.90 – 105.
102. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: становление греческой философии. – М.: Мысль, 1972. – 312 с.
103. Кириленко Г.Г. Посланник трех миров: интеллигенция в российской культуре // Социологические исследования. – 1997. - № 3. – С. 74 – 83.
104. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1990. – 624 с.
105. Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. - М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 2. – 468 с.
106. Ключевский В.О. Об интеллигенции // Неопубликованные произведения. – М., Наука, 1983. – С. 298 – 308.
107. Коган Л.Н., Чернявская Г.К. Интеллигенция. – Екатеринбург: Б.и., 1996. – 68с.
108. Коган П.С. Интеллигенция и народ. – М.: Изд-во "Просвещение народа", 1917. – 32 с.
109. Кольев А. Миф масс и магия вождей. – М.: НИР ОЭ РАН, 1999. – 433 с.
110. Кондакова Н.И., Маин В.Н. Интеллигенция России 1941 – 1945 гг. – М.: Луч, 1995. – 249 с.

111. Кормер В.Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. – 1989. - № 9. – С. 65 – 79.
112. Королев С.А. Искус корпоративности и мутации системы: советская бюрократия в структуре политической власти // Бюрократия и общество. Сб.ст. - М.: Филос.общество СССР, 1991. – С.125 – 155..
113. Лавров П.Л. Кому принадлежит будущее? Из рукописей 90-х гг. – М.: Колокол, 1905. – 253 с.
114. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2 т. – М.: Мысль, 1965. – Т.1. – 752 с.
115. Лагардель Г. Интеллигенция и синдикализм. – СПб.: Изд-во "Шиповник", 1906. – 28 с.
116. Лазарева А.Н. Интеллигенция и религия: к историческому осмыслению проблематики "Вех". – М.: Б.и., 1996. – 85 с.
117. Лафарг П. Социализм и интеллигенция. – СПб.: Молот, 1906. – 32 с.
118. Левандовский А.А. Оружие мифа: миф как средство легитимизации власти в России // Свободная мысль. - 2001. - № 8. - С. 102 - 118.
119. Леви-Строс К. Структура мифов // Вопросы философии. - 1970. - № 7. - С.152 - 164.
120. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – 535 с.
121. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. – М.: Мысль, 1971. – 368 с.
122. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. – М.: Мысль, 1981. – 285 с.
123. Ленин В.И. IX съезд РКП(б) 29 марта – 5 апреля 1920 г. // Полн.собр.соч. – Т. 40. – С. 233 – 287.
124. Ленин В.И. VIII съезд РКП(б) 18 – 23 марта 1919 г. // Полн.собр.соч. – Т.38. – С. 125 – 215.
125. Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Полн.собр.соч. – Т. 2. – С. 433 – 470.

126. Ленин В.И. Московская губернская конференция РКП(б) 20 – 22 ноября 1920 г. // Полн.собр.соч. – Т. 42. – С. 17 – 40.
127. Ленин В.И. О международном и внутреннем положении Советской республики // Полн.собр.соч. – Т. 45. – С. 1- 16.
128. Ленин В.И. По поводу "profession de foi" // Полн.собр.соч. – Т. 4. – С. 310 – 321.
129. Ленин В.И. Попятное направление в русской социал-демократии // Полн.собр.соч. - Т. 4. – С. 240 – 273.
130. Ленин В.И. Революционный романтизм // Полн.собр.соч. – Т. 6. – С. 377 – 398.
131. Ленин В.И. Реформизм в русской социал-демократии // Полн.собр.соч. – Т. 20. – С. 305-318.
132. Ленин В.И. Речь на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 г. // Полн.собр.соч. – Т. 40. – с. 221 – 224.
133. Ленин В.И. роль сословий и классов в освободительном движении // Полн.собр.соч. – Т. 23. – С. 397 – 399.
134. Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полн.собр.соч. – Т. 6. – С. 1 – 192.
135. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии) // Полн.собр.соч. – Т. 8. – С. 185 – 414.
136. Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная. – М.: Прогресс, 1980. – 360 с.
137. Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 688с.
138. Лозинский Е. Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). – СПб.: Невский голос, 1907. – 261 с.
139. Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. – М.: В.М. Саблин, 1907. – 69с.

155. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма. – М.: Текст, 1994. – 311 с.
156. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - М.: Наука, 1976.- 407 с.
157. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
158. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XIII – начало XX в.). В 2-х т. – 2-е изд., испр. - СПб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 2000. – 548 + 562 с.
159. Михайловский Н.К. Записки современника // Отечественные записки. – 1881. - № 12. – С. 193 - 211.
160. Морозов Н.А. Повести моей жизни. В 2-х т. – М.: Наука, 1965. – 407 + 702 с.
161. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. – Сб.статей. – М.: Главполитиздат, 1923. – 262 с.
162. На рубеже. К характеристике современных исканий. Критич.сборник. – СПб.: Наше время, 1909. – 327 с.
163. Найдыш В.М. Мифология и фольклорное сознание // Вопросы философии. - 1994. - №2. - С. 45 - 53.
164. Наумова Т. Расколотая интеллигенция // Свободная мысль. – 2001. - № 12. – С. 23 – 33.
165. Никитин Л.Н. Большевистский журнал «Просвещение». – М.: Госполитиздат, 1955. – 132 с.
166. Николаев Л.А. Интеллигенция и народ. – М.: Изд-во "Просвещение народа", 1906. – 79 с.
167. Ницше Ф. Рождение трагедии или эллинство и пессимизм // Полн.собр.соч. - М.: Московское книгоиздательство, 1912. - Т.1. - С. 23 - 163.
168. Об интеллигенции. Сб. статей. – Чкаловск: Чкаловское областное издательство, 1939. – 76 с.

140. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.

041X

140. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – 310 с.Политиздат,

142. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. - М.: Мысль, 1993.- 890 с.

143. Луначарский А.В. Мещанство и индивидуализм. Сб.ст. – М.: Политиздат, 1923. – 259 с.

144. Любимов Л.Д. На чужбине. – Ташкент: Узбекистан, 1965. – 414 с.

145. Люкс Л. Интеллигенция и революция: летопись триумфального поражения // Вопросы философии. – 1991. - № 11. – С. 3 - 15.

146. Малиновский Б. Магия, наука и религия // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. Сб.ст. - М.: Республика, 1992. – С. 89 – 112.

147. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. Сб.ст. - М.: Прогресс, 1991. – С. 113 – 169.

148. Мандельштам М.Л. Интеллигенция как категория капиталистического строя. – Казань: тип. Губ.правления, 1890. – 58 с.

149. Маркс К. Письмо Людвигу Кугельману в Ганновер // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 33. – С. 215 – 216.

150. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Соч. – Т. 1. – С. 219 – 368.

151. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. – Т. 3. – С. 7 – 544.

152. Мартов Ю. Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции // Заря. – 1901. – № 2/3. – С. 180 – 203.

153. Мартов Ю.О. Общественные и умственные течения в России 1870 – 1906. – Л.; – М.: Т-во. "Книга", 1924. – 202 с.

154. Мауренбрехер М. Интеллигенция и социал-демократия. – Спб.: Трибуна, 1906. – 32 с.

169. Оболенский А.В. Бюрократия и бюрократизм // Государство и право. – 1993. – № 10. – С. 17 – 31.

170. Оболенский Л. Представляет ли интеллигенция общественный класс? // Новое слово. – 1896. - № 7. – С. 106 – 117.

171. Овсянико-Куликовский Д.Н. Из истории русской интеллигенции // Литературно-критические опыты. – В 2-х т. – М.: Худ.лит., 1989. . – Т.2. – 525 с.

172. Огарев Н.П. Избранные социально-политические произведения. В 2-х т.– М.: Госполитиздат, 1952. – Т.1.– 676 с.

173. Ольховикова С.В. Современная мифология. Проблема инварианта и его вариативных воплощений: Дис. ...канд. филос. наук. – Екатеринбург, 1994.- 180 с.

174. Ониани В. Большевистская партия и интеллигенция в первой русской революции. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970. – 447 с.

175. Острогорский М.Я. Демократии и политические партии. – М.: РОССПЭН, 1997. – 640 с.

176. Павлова Н.Г. Формирование марксистской концепции интеллигенции в России: историко-философский анализ.: Автореф.дис. ...канд.филос.наук. – Екатеринбург, 1994. – 18 с.

177. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 421 с..

178. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М.: Междун.отн., 1991. – 334 с.

179. Панарин А.С. Смысл истории // Вопросы философии. – 1999. - № 9. – С.4 -17.

180. Пантин И.К. Революционная традиция в России: 1723 – 1883 гг. / Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. – М.: Мысль, 1986. – 341 с.

181. Петров М.К. Научно-техническая революция и миф // Вопросы философии. – 1994. - № 2. – С. 120 – 124.

182. Пешехонов А.В. К вопросу об интеллигенции. – Спб.: Русское богатство, 1906. – 104 с.
183. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 169 с.
184. Платон. Государство. Законы. Политика. - М.: Мысль, 1998. – 798 с.
185. Плеханов Г.В. Materialismus militans (ответ Г. Богданову) // Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т. 3. – С. 263 – 265.
186. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т.1. – С. 115 – 370.
187. Плеханов Г.В. Чернышевский. Введение (к немецкой книге 1894 г.) // Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т. 4. – С. 47 - 69.
188. Полонский Вяч. На литературные темы. – М.: Сов.писатель, 1968. – 424 с.
189. Полосин В.С. Миф, религия, государство. М.: Интеллект, 1998. – 424 с.
190. Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социологические исследования. – 1999. - № 7. – С. 62 – 71.
191. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков: Б.и., 1905. – 213 с.
192. Потресов А.Н. (Старовер) Этюды о русской интеллигенции. Сб. ст. – СПб.: Изд. О. Поповой, 1906. – 314 с.
193. Потресов А.Н. Дорога через абсурд // Новое время. – 1992. - № 36. – С. 50 - 59.
194. Пругавин А. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. – М.: Русское богатство, 1890. – 282 с.

195. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919 – 1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 255 с.

196. Рейснер М.А. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. – Кн.1. –Январь-март 1922. – С.93 - 106.

197. Реформирование России: мифы и реальность. – М.: Academia, 1994. – 384 с.

198. Розанов В.В. Уединенное // Волга. – 1989. - № 6. - С. 82 – 110.

199. Руденко В.Н. Популистская традиция в России от возникновения до большевизма // Ленинизм и Россия. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – С. 165 - 208.

200. Русакова Н.Ф. Мифологические корни политической идентификации в России // Доклады международной научной конференции "Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике". – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. – С. 62 – 66.

201. Русская интеллигенция. История и судьба. Сб.ст. / Сост. Т.Б. Князевская. – М.: Наука, 1999. – 423 с.

202. Руткевич М.Н. О социальной структуре российского общества // Социологические исследования. – 1999. - № 5. – С. 19 – 28.

203. Руткевич М.Н. Основное социальное противоречие современного российского общества // Социологические исследования. – 2001. - № 4. – С. 49 – 60.

204. Рязанов Н. Две истины: народничество и марксизм. Очерк из истории русской интеллигенции. – СПб.: Библиотека марксизма, 1906. – 64 с.

205. Сабенникова И.В. Теория "русского социализма": истоки, содержание и современные интерпретации // Мир России. – 1996. - № 2. – С. 153 – 180.

206. Севастьянов А.Н. Национал-капитализм. – М.: Изд-во "Александр Севастьянов", 1995. – 208 с.

207. Сергеев Н.В., Шкаратан О.В. Реальные группы – концептуализация и эмпирический расчет // Общественные науки и современность. – 2000. - № 5. – С.33 - 45.

208. Скоробогацкий В.В. Ленинский этап в развитии марксизма: идейный контекст и исторические рамки // Марксизм и Россия. – М.: Филос.общество СССР; УрО РАН, 1990. – С. 21 – 44.

209. Скоробогацкий В.В. Марксизм как феномен европейской и русской культуры: парадоксы становления и развития // Ленинизм и Россия. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995 . – С. 5 - 46.

210. Соболева Н.И. Социальная мифология: социокультурный аспект // Социологические исследования. – 1999. - № 10. – С. 145 – 148.

211. Соколов Н.М. Об идеях и идеалах русской интеллигенции. - СПб.: Русское богатство, 1904. – 501 с.

212. Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. - М.: Изд-во В.И. Иванова, 1908. – 201 с.

213. Сорель Ж. Размышления о насилии. - М.: Польза, 1907. – 164 с.

214. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – Изд.11. – М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1945. – 612 с.

215. Стеблин-Каменский М.М. Миф. – Л.: Наука, 1976. – 104 с.

216. Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия // Сочинения. В 2 Т. – Т.1. - М.: Худ.лит., 1987. – 575 с.

217. Страхов А.П. Глубокие корни (выборное начало и российская государственность) // Свободная мысль. – 1999. - № 5. – С.106 - 121.

218. Стронин А. Политика как наука. – М.: Б.и., 1873. – 530 с.

219. Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий 30-х гг. – Новосибирск: Наука: Сиб.отд-ние, 1991. – 219 с.

220. Такер Р. Сталин у власти. 1928 – 1941. История и личность. – М.: Весь мир, 1997. – 648 с.

221. Такер Р. Сталин: путь к власти. 1879 – 1929. История и личность. – М.: Прогресс, 1991. – 480 с.
222. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – М.: «Проспект», 1997. – 472 с.
223. Тихомиров Л.А. (И.Кольцов). В защиту интеллигенции // Дело. – 1882. - № 4. – 2 отд. – С. 1 – 30.
224. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Облиздат АНИР, 1998. – 671 с.
225. Ткачев П.Н. Соч. В 2 т. – М.: Мысль, 1975. – 655 + 645 с.
226. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. – М.: Ин-т социологии Рос.АН, 1996. – 469 с.
227. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М.: Наука, 1974. – 396 с.
228. Троцкий Л.Д. Новый курс. – М.: Красная новь, 1924. – 104 с.
229. Троцкий Л.Д. Об интеллигенции. Литература и революция. Сб.ст. – М.: Худож. литература, 1931. – 399 с.
230. Троцкий Л.Д. Сталин. В 2 т. – М.: Терра; Политиздат, 1990. . – Т.1 – 323 с.
231. Федотов Г.П. Судьбы и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). В 2-х т. – СПб.: София, 1991. – 352 + 352 с.
232. Федотова В. Уроки "Вех". Русская интеллигенция и реформы // Свободная мысль. – 1999. - № 3. – С. 78 –90.
233. Франк С.А. По ту сторону «правого» и «левого». Статьи по социальной философии // Новый мир. – 1990. - № 4. – С.214 - 226.
234. Фрезер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. - М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
235. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. - М.: Наука, 1978. – 605 с.

236. Фриче Р. Из жизни интеллигентного пролетариата // Образование. – 1904. - № 1. – С. 1 – 18.

237. Худокормов А.Г. Экономические корни бюрократизма. – М.: Экономика, 1988. – 191 с.

238. Хюбнер К. Истина мифа. - М.: Республика, 1996. – 440 с.

239. Чаадаев П.Я. Полн.собр.соч. и избр.письма. В 2-х т. – М.: Наука, 1991. – Т.2. – 671 с.

240. Червинский П.П. Отчего безжизненна наша литература // Неделя. - 1875. - № 44. – Стб. 1427 – 1428.

241. Черепнин Л. В. Земские Соборы русского государства в XVI-XVII вв. – М.: Наука, 1978. – 417 с.

242. Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. История императорской России. – М.: Междун.отн., 1994. – 448 с.

243. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т.– М.: Наука, 1979. – Т.8. – С. 101 – 103.

244. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.3. Политика. – М.: Новое время, 1898. – 554 с.

245. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 453 с.

246. Шелгунов Н.В. Неизданная записка 1881 – 1882 гг. // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. – 1929. - № 8/ 9. – С.163 - 166.

247. Шмидт С. Откуда взялась "интеллигенция": (Слово "интеллигенция" было уже в словаре лиц пушкинского круга) // Литературная газета. – 1996. - № 23. – С.6.

248. Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. – М.: Наука, 1965. – 306 с.

249. Шулятников В. Русская интеллигенция на перепутье // Курьер. – 1901. - № 201.

250. Элбакян Е.С. Место интеллигенции в российской цивилизации. – М.: Изд-во РНИС и НП, 1999. – 49 с.

251. Элиаде М. Космос и история. - М.: Прогресс, 1987. - 312 с.
252. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М.: "Рефл-бук", "Ваклер", 1996. – 310 с.
253. Элиаде М. Священное и мирское. - М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
254. Энгельс Ф. Письмо Францу Мерингу в Берлин // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 39. – С. 82 – 86.
255. Юнг. К. Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного. - М.:Канон, 1994. – 320 с.
256. Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований.// Новгородский исторический сборник 1 (11). – М.: Наука, 1982.- С.79 - 95.
257. Crozier M. Le phenomene bureaucratique. – Paris: Editions du Seuil, 1963. – 382 p.